PG
3453
.A8
R397
1908
t.2

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

М. Арцыбашевъ.

Разсказы.

Томъ второй.

(Изданіе 2-ое, дополненное).

С.-Петербургъ.

1908.

2130 D

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерининъ. кан. 84.

891.73
A792R
t.2

Оглавленіе.

	стран.
Изъ подвала	1
Смерть ланде	17
Тѣни утра	151
Кровавое пятно	221
Изъ записокъ одного человѣка	259
Богъ	275

Изъ подвала.

I.

Сапожникъ Антонъ стоялъ сгорбившись и опустивъ длинныя корявыя какъ корни, руки, а заказчикъ, молодой купеческій приказчикъ сытый, и гладкій, тоже стоялъ посреди подвала, среди обрѣзковъ кожи, колодокъ и рваныхъ сапогъ, ожесточенно размахивалъ руками и кричалъ на Антона:

— Это чертъ знаетъ, что такое!.. Лѣвый сапогъ жметъ, а правый хлябаетъ! Развѣ это сапоги... это чертъ знаетъ что, а не сапоги!..

Онъ тыкалъ сапогами, подошвами вверхъ, чуть не въ самое лицо Антона и въ его неестественно напряженномъ голосѣ ясно слышалось желаніе повеличаться и покуражиться.

— Нѣтъ... вотъ походишь ты у меня за деньгами... Ты...—крикнулъ приказчикъ, нелѣпо взмахнувъ руками и нерѣшительно, но съ злобнымъ удовольствіемъ прибавилъ:—скотина!

И отъ удовольствія и боязни весь налился кровью, такъ что толстая короткая шея его совсѣмъ слилась съ краснымъ галстухомъ.

Антонъ молча переложилъ шило изъ правой руки въ лѣвую и тяжело вздохнулъ.

Въ подвалѣ было совсѣмъ темно, и воздухъ, густой и тяжелый висѣлъ синимъ пологомъ. Подъ потолкомъ и по угламъ стоялъ сырой, пропитанный запахомъ кожи, ворвани и ваксы, паръ. Фигура Антона только чернымъ встрепаннымъ силуэтомъ вырисовывалась на свѣтломъ четыреугольникѣ окна.

— Такъ и знай!—крикнулъ заказчикъ и сердито, но довольно пыхтя, пошелъ изъ подвала, осторожно нагибая голову, чтобы не стукнуться о притолку новенькимъ твердымъ котелкомъ.

Антонъ проводилъ его до дверей, отворилъ дверь и даже попридержалъ ее, пока приказчикъ подымался по склизкой и крутой лѣсенкѣ. Потомъ еще тяжелѣе вздохнулъ и вернулся внизъ.

Хотя на дворѣ было еще совсѣмъ свѣтло, но въ подвалѣ все утонуло въ сизомъ полумракѣ, такъ что только возлѣ окна видѣнъ былъ тощій горшокъ съ давнимъ, еще прежними хозяевами посаженнымъ лукомъ, который торчалъ одной чахлой и сухой соломинкой. Антонъ часто внимательно смотрѣлъ на это жалкое, блѣдное растеніе, умиравшее медленной смертью отъ недостатка воздуха и солнца, и почему-то жалѣлъ выбросить его на дворъ.

Антонъ сталъ заправлять лампочку, неловко чиркая тоненькими спичками и все тяжело вздыхая.

Вздыхалъ онъ не о томъ, что его только что обругали и тыкали въ лицо сапогами. И то и другое было такъ привычно ему, что врядъ ли онъ помнилъ это подробно. Всѣ заказчики на всякіе лады ругали его, швыряли сапоги, иногда и били, а чаще не платили денегъ. Все это были люди маленькіе, до такой степени зависимые, забитые и скучные, что у нихъ была органическая потребность хотя изрѣдка, въ свою очередь, на кого нибудь покричать, надъ кѣмъ нибудь покуражиться, почувствовать себя выше хоть кого нибудь. И самъ Антонъ сдѣлалъ бы то же самое, если бы и отъ него кто либо зависѣлъ такъ, какъ онъ ото всѣхъ. А потому, хотя и безсознательно, Антонъ чувствовалъ, что иначе и быть не можетъ, и всѣ должны ругаться, куражиться и драться, чтобы маленькая звѣриная злоба, сидящая въ трусливой глубинѣ чахлыхъ душонокъ не задушила ихъ самихъ. Но виноватымъ Антонъ себя никогда не считалъ: онъ дѣлалъ то, что умѣлъ и такъ, какъ умѣлъ—шилъ сапоги не лучше и не хуже никомо, не столько

по мѣркѣ, сколько по заученному фасону. Онъ даже не подозрѣвалъ, что можно совершенствоваться въ своей работѣ, потому что это было грязное, голодное, тяжелое и однообразно скучное ремесло, постылое и нудное.

Вздыхалъ же онъ отъ того, что вѣчная жизнь въ сыромъ и низкомъ подвалѣ въ запахѣ кожи и ваксы, впроголодь, безъ любви, свѣта и радости, давила его организмъ къ землѣ и всегда, когда онъ разгибалъ спину, ноющую отъ согнутаго положенія, ему казалось, что онъ съ болѣзненнымъ надрывчатымъ усиліемъ подымаетъ какую-то страшную, неодолимую, не дающую вздохнуть, тяжесть.

— Н-ну...—выпускалъ тогда Антонъ.

Еще цѣлый часъ, послѣ ухода сердитаго приказчика, онъ сидѣлъ согнувшись въ три погибели у еле коптящей лампочки, пугливо мигавшей отъ стука его молотка, и пригонялъ подборы къ толстымъ и тяжелымъ сапогамъ сосѣдняго дворника. А потомъ всталъ, оставилъ, гдѣ попало инструменты, закрутилъ лампочку и вышелъ посидѣть на лѣсенку, захвативъ съ собой гармонію.

Теперь и на дворѣ были совсѣмъ сумерки, высоко вверху синія и призрачныя, внизу на землѣ—черныя и темныя. Стѣны дома, стоявшія, какъ колодезь, въ которомъ былъ погребенъ Антонъ, казались блѣдными и синеватыми, точно мертвыми; надъ ними, гдѣ-то очень высоко вверху, виднѣлось потемнѣвшее небо и на немъ слабо блестѣли двѣ-три звѣзды.

— Такое-то дѣло,—подумалъ Антонъ, самъ не зная почему,—тряхнулъ головой и тихо растянулъ гармонію, нагнувшись къ ней правымъ ухомъ.

Раздался пискливый и совсѣмъ слабый звукъ, но Антону показалось такъ громко, что онъ оглянулся вокругъ и прислушался. Потомъ собралъ гармонію и пустилъ звукъ еще глуше и ниже. Такъ онъ начиналъ всегда, потому что ему не позволяли играть во дворѣ, и Антонъ этими осторожными звуками хотѣлъ узнать, дома ли старшій дворникъ.

И, какъ всегда почти, въ отворенную форточку дворницкой выглянулъ кто-то смутно видный въ темнотѣ и изъ чернаго четыреугольника послышался сиплый и равнодушно свирѣпый голосъ:

— Опять... ты!

Антонъ вздрогнулъ, проворно отложилъ гармонію и виновато приподнялъ картузъ. Но дворникъ не видѣлъ его и проворчавъ что-то, точно прорычала большая собака, скрылся въ форточкѣ. Антонъ опустилъ руки между ногами и, ковыряя дыру въ сапогѣ, задумался. Ему очень хотѣлось играть и онъ думалъ о томъ, что хорошо было бы какъ нибудь въ воскресенье, пойти на цѣлый день за городъ, сѣсть гдѣ-нибудь подъ зеленымъ откосомъ желѣзной дороги и поиграть всласть, такъ, чтобы въ ушахъ запѣло. Ему было пріятно думать это, хотя онъ прекрасно зналъ, что никогда не пойдетъ за городъ, потому что никогда не выберетъ столько свободнаго времени; по праздникамъ онъ утромъ ходилъ за кожей, днемъ разносилъ работу по заказчикамъ, а къ вечеру всегда былъ пьянъ.

Антонъ сидѣлъ на лѣсенкѣ, пока совсѣмъ стемнѣло, и вверху, между стѣнами, звѣзды заблестѣли ярко и свободно, а по стѣнамъ, снизу до верху, разбѣжались желтые огни оконъ. Когда Антонъ поднималъ голову къ верху, казалось свѣтло и ярко весело, а когда смотрѣлъ внизъ, тамъ было еще чернѣе и мрачнѣе. Антонъ охотно, съ страннымъ тоскливо радостнымъ чувствомъ смотрѣлъ на небо и на звѣзды; но привычка сидѣть согнувшись все тянула его къ низу и заставляла тупо впиваться глазами въ сизочерный мракъ двора.

Отъ скуки и отъ жгучаго желанія напиться, Антонъ сталъ припоминать жизнь, но она рисовалась ему тускло и скучно. Почему онъ очутился въ городѣ, Антону было мало понятно. Изъ всего дѣтства онъ твердо помнилъ только удары сапожной колодкой по головѣ, бѣганье за водкой, улицу и городовыхъ. Потомъ, когда Антонъ выросъ, онъ ушелъ отъ хозяина

и сталъ жить въ углахъ и работать на себя, наклеивъ на окно вырѣзанный изъ стараго журнала дамскій ботинокъ. Онъ жилъ такъ изъ года въ годъ, сильно пилъ, ночевалъ въ притонахъ и въ участкахъ и бывалъ страшно битъ городовыми. Потомъ почувствовалъ нѣжность къ сосѣдней швейкѣ, хотя она и смѣялась надъ нимъ, называя его дуракомъ и увѣряя, что ему сапожной колодкой память отшибли. Тѣмъ не менѣе, Антонъ пересталъ пить, сшилъ новую, жестоко топорщившуюся, рубаху и сходилъ въ баню. За швейкой ходилъ онъ неотступно, не умѣя выразить ей то смутное нѣжное и хорошее какъ музыка чувство, которое было въ немъ. Наконецъ, сшилъ ей новые ботинки и подарилъ. Тогда и швейка назвала его Антономъ Васильевичемъ и зазвала пить чай. Узнавъ сколько Антонъ зарабатываетъ, она стала вздыхать, плакать, о чемъ-то тосковать и, наконецъ, черезъ дворничиху сообщила, что ничего противъ Антона не имѣетъ и даже совсѣмъ напротивъ. Антонъ восхитился всей душой, сходилъ къ обѣднѣ, купилъ орѣховъ и конфектъ, надѣлъ новую рубаху и собрался было къ швейкѣ, чувствуя, что сѣрую его жизнь освѣтило какимъ-то мягкимъ и ласковымъ свѣтомъ, но тутъ пришли дворникъ съ городовымъ и повели его въ участокъ. Въ участкѣ Антона допросили о какомъ-то узлѣ и какомъ-то Ванькѣ Свистуновѣ, спросили, не пилъ ли онъ такого-то числа, въ семь часовъ вечера, въ портерной Иванова, что на Петербургской сторонѣ, пиво и не заплатилъ ли „симъ“ полтинникомъ? А затѣмъ спросили насчетъ вида.

Антонъ никакого узла не видалъ, Ваньки Свистунова не зналъ, а въ портерной былъ. На полтинникъ онъ смотрѣлъ, какъ козелъ на воду, не понимая въ чемъ дѣло, и видъ у него оказался просроченнымъ.

Въ концѣ концовъ, Антонъ очутился въ острогѣ, и не смотря на то, что ни въ чемъ виноватъ не былъ и рвался на волю къ свѣту и швейкѣ, инстинктивно чувствуя что-то несправедливое и жестокое, просидѣлъ въ острогѣ шесть мѣсяцевъ. А когда вышелъ,

то свѣтъ затеплившійся у него въ душѣ, былъ задавленъ острожной грязью, и къ швейкѣ Антонъ не пошелъ, только случайно, стороной, узналъ, что она спуталась съ „хорошимъ“ господиномъ.

И въ душѣ у него осѣла смутная горечь и тоска, тѣмъ глуше и тяжелѣе, что онъ не понималъ ея и не зналъ, куда ему надо стремиться, гдѣ лучше и гдѣ хуже. Жизнь пошла еще однообразнѣе и скучнѣе, разнообразясь только тупымъ машинальнымъ пьянствомъ, безъ удовольствія и веселья.

Все это Антонъ припоминалъ такъ безучастно, какъ будто все случилось не съ нимъ, а съ кѣмъ то другимъ; а все-таки ему было тяжело, скучно и какъ будто чего-то жалко, и хотѣлось напиться, нахлестаться водки.

Во второмъ этажѣ открыли окно и оттуда полосой легъ черезъ темный дворъ желтый яркій свѣтъ. Отчетливо виднѣлся нарядный тюль занавѣсокъ, и слышались взрывы оживленныхъ голосовъ, а потомъ кто то громко и быстро заигралъ, звонко засмѣялся и крѣпко хлопнулъ крышкой рояля.

Антонъ чутко слушалъ чужіе яркіе звуки, пока не закрыли окно и все затихло, потомъ машинально потрогалъ гармонію, повертѣлъ ее въ рукахъ, стараясь не испустить ни одного звука, и ему показалось, что стало бы легче, если бы заиграть. Было уже поздно. Антонъ по обыкновенію тяжело вздохнулъ и пошелъ спать. Пока онъ лежалъ съ открытыми глазами, онъ думалъ о томъ, что надо платить за кожу и о томъ, какъ на прошлой недѣлѣ околодочный, не разобравъ въ чемъ дѣло, безъ вины хлястнулъ его по зубамъ. Губа вспухла и кровь пошла, пачкая посинѣлыя десны.

Тяжелый воздухъ охватилъ его, сгустился и застылъ. Антону стало сниться, что на него пьянаго наѣхалъ извозчикъ и давитъ его къ твердой мостовой тяжелыми колесами.

II.

На другой день было воскресенье, а къ вечеру Антонъ сидѣлъ въ трактирѣ.

Машина играла что-то очень шумное, но совсѣмъ не веселое. Было страшно накурено, шмыгали половые, тяжело и нерадостно хохотали и кричали люди, а въ билліардной четко стучали шарами. Антонъ пошелъ туда. Играть онъ не умѣлъ, но ему очень нравилась эта игра, потому что сукно было такое зеленое, шары такіе чистенькіе бѣлые и стукали бойко и весело.

Играли двое приказчиковъ, и одинъ изъ нихъ, высокій кудластый парень, такъ ловко щелкалъ по шарамъ, что Антонъ довольно улыбался.

„Ловкачъ!“ думалъ онъ, съ уваженіемъ и завистью глядя на приказчика, вспотѣвшаго отъ форсу, „а поигралъ бы и я, право... я до этихъ дѣловъ мастеръ!..“

И онъ чувствовалъ нѣжность къ приказчику.

Но приказчикъ стукнулъ его турникомъ въ грудь, скиксовалъ и яростно выругался:

— Какого чёрта лѣзе...шь!.. мѣста мало, что ли!

Антонъ оробѣлъ и отошелъ, чувствуя обиду и боль въ груди.

— Шляются тутъ, — проговорилъ приказчикъ и помѣлилъ кій.

— Отойдите, видите—мѣшаются...—счелъ своимъ долгомъ присовокупить маркеръ, быстро оглядѣвъ своими оловянными глазками Антона съ ногъ до головы.

— Шушера! — проворчалъ онъ, подавая машинку игрокамъ.

Антонъ сопѣлъ и краснѣлъ, отодвигаясь все дальше и дальше, пока не стукнулся затылкомъ объ ящикъ для шаровъ; тогда онъ обмеръ отъ конфуза и застылъ, испуганно и скоро мигая вѣками.

Про него сейчасъ же и забыли. Игроки щелкали шарами, два мальчика мрачнаго вида горько укоряли другъ друга какимъ-то двугривеннымъ, лампа надъ билліардомъ сумрачно коптила, а изъ зала слышался теперь разухабистый мотивъ Гейши. Антонъ успокоился, сталъ оглядываться по сторонамъ и даже попро-

силъ у маркера закурить. Маркеръ почесался, подумалъ и сказалъ:

— На столѣ завсегда для этой цѣли спички поставлены.

Но Антону очень хотѣлось говорить. Ему еще со вчерашняго вечера было почему-то грустно, и водка, выпитая имъ, не только не прогоняла грусти, но, напротивъ, даже какъ-то давила на сердце.

— Скучно вотъ, знаете, что безъ компаніи,—заискивающе произнесъ онъ, закуривая папиросу и по лицу его видно было маркеру, что онъ хотѣлъ и боялся предложить папиросу и ему. И именно потому маркеръ посмотрѣлъ на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ, ухмыльнулся и отошелъ.

Антонъ еще скорѣе замигалъ глазами и потихоньку ушелъ въ залъ. Тамъ онъ спросилъ еще полбутылки водки и выпилъ всю, а потомъ долго сидѣлъ понуривши сь и горько глядя на соленый огурецъ, лежавшій передъ нимъ на блюдечкѣ. По привычному шуму въ ушахъ и по тому, какъ глухо и будто издали доносились до него всѣ звуки, Антонъ очень хорошо понималъ, что онъ уже пьянъ. И это было ему обидно, какъ будто въ этомъ былъ виноватъ кто-то другой, постоянно его обижавшій.

„Рабочій я человѣкъ!“ подумалъ онъ и ему захотѣлось плакать и кому-то жаловаться. Машина завела грустное-грустное, и Антонъ, покачивая головой и крѣпко прижавъ руку къ щекѣ, запѣлъ что-то несуразное, безъ словъ и безъ мотива. Ему казалось, что выходитъ очень хорошо и нестерпимо жалостно. На глазахъ у него показались слезы.

— Здѣся пѣть не полагается... не извольте безобразить!—сказалъ половой, подскальзывая къ Антону на мягкихъ подошвахъ.

— П...почему?—съ скорбнымъ недоумѣніемъ спросилъ Антонъ, поднимая посоловѣвшіе, налитые слезами глаза.

— А потому, — отвѣтилъ половой и внушительно прибавилъ: — пожалуйте изъ заведенія.

— Эт... то почему? — еще съ большимъ недоумѣніемъ и съ глухо подымавшимся въ немъ раздраженіемъ, повторилъ Антонъ.

— Оченно безобразно... Пожалуйте, честью просятъ, — настойчиво твердилъ половой.

Антонъ оробѣлъ и всталъ.

— Ну, что жъ... я пойду... Рабочему человѣку нельзя посидѣть... гм... очень странно, — бормоталъ онъ, отыскивая шапку, упавшую за стулъ.

— Ничего, ничего, пожалуйте! — твердилъ половой.

Антонъ покачиваясь двинулся изъ зала, а чувство обиды все больше и больше росло въ немъ, причиняя его пьяному мозгу почти физическое страданіе. Половой шелъ за нимъ, но Антонъ покачнулся между столами, повернулъ и влетѣлъ въ двери билліардной. Теперь онъ былъ уже такъ пьянъ, что почти ничего не видѣлъ и не понималъ; передъ его глазами стояло какое-то оранжевое марево, въ которомъ плавали и тонули лица, звуки, голоса и быстро бѣгающіе по яркозеленому сукну шары. Половой задумчиво постоялъ у дверей, но кто-то кликнулъ его, и онъ исчезъ. Антонъ, широко разставивъ ноги и опустивъ голову, тупо присматривался къ тому, что дѣлалось на билліардѣ и все усиливался понять въ чемъ дѣло, — не то на билліардѣ, не то въ немъ самомъ. Тотъ самый приказчикъ, который толкнулъ его и обругалъ, попался Антону на глаза и Антонъ машинально долго всматривался въ него.

— Дуплетъ въ уголъ! — звонко прокричалъ приказчикъ, и въ эту самую минуту Антонъ вспомнилъ его лицо, и безпредметное чувство озлобленной обиды, которое мучило его и вдругъ нашло исходъ. Точно что-то безконечно огромное въ мгновеніе сжалось и вылилось въ это тупое усталое лицо.

По..звольте — проговорилъ онъ неожиданно, подходя къ билліарду и всѣмъ тѣломъ наваливаясь на сукно.

— Чего? — машинально спросилъ приказчикъ и

не дожидаясь отвѣта оттеръ Антона плечомъ и крикнулъ: — пятнадцатаго въ уголъ направо!

— Нѣтъ, это что... направо! — съ злобной безсмысленностью сказалъ Антонъ.

— Отойдите, отойдите, — протянувъ между нимъ и билліардомъ машинку, говорилъ маркеръ.

Но Антонъ отстранилъ машинку рукой и, не спуская воспалившихся глазъ съ приказчика, продолжалъ:

— Нѣтъ, что же... я тоже играть желаю... Имѣю такое намѣреніе, чтобы... направо!.. Развѣ какъ рабочій человѣкъ... нельзя, чтобы...

Маркеръ взялъ его за локоть.

— Нѣтъ, ты пусти... чего хватаешь?. А онъ меня толкнулъ... рабочаго человѣка! У меня руки че-ерныя, — слезливо сказалъ Антонъ, показывая черные корявые пальцы! — рабочій человѣкъ... а онъ меня толк... Желаю я знать, какъ это такъ, чтобы рабочаго человѣка направо!

— Ишь, мелетъ пьяная рожа! — засмѣялся приказчикъ. — Маркеръ, ты чего смотришь!

— Ступай, — сердито проговорилъ маркеръ и взялъ Антона за плечо.

И вдругъ чувство обиды возросло въ Антонѣ съ бѣшеной силой.

— П ..сти — сквозь зубы крикнулъ онъ задавленнымъ голосомъ и съ силой вырвался, такъ что затрещалъ пиджакъ. — Онъ толкнулъ, а меня хватать! — совершенно трезвымъ тономъ прокричалъ онъ и смахнулъ рукой шары съ билліарда.

Шары со стукомъ полетѣли черезъ бортъ, но Антона уже схватили за руки, сшибли съ ногъ и поволокли по полутемному коридору.

— Пусти!.. черти! — кричалъ Антонъ.

Кто-то съ размаху ударилъ его по скулѣ и соленая кровь сразу наполнила ему ротъ. А голосъ, какъ показалось Антону приказчика, торжествующе прокричалъ:

— Вотъ такъ... славно!

И въ ту же минуту Антонъ увидѣлъ передъ собою отворенную на темную улицу дверь и на него пахнуло свѣжимъ сырымъ воздухомъ.

— Врешь... — хрипѣлъ Антонъ, изо всѣхъ силъ цѣпляясь за косяки скрюченными пальцами.

Но руки оторвали и получивъ страшный, точно весь міръ свернувшій, ударъ по затылку, Антонъ вылетѣлъ въ темноту и пустоту, поскользнулся на тротуарѣ, треснулся колѣномъ о тумбу и всѣмъ тѣломъ грузно покатился по мостовой.

— Берегись, чортъ!—тоненько, съ испугомъ, прокричалъ извощикъ, и Антонъ гдѣ-то близко отъ себя услышалъ тревожное храпѣніе и мягкій теплый запахъ лошади.

Онъ поднялся шатаясь и сплевывая кровь. Въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ ходили круги и скула трещала отъ ломящей тупой боли. Антонъ машинально потрогалъ мокрое колѣно и не могъ разобрать, кровь это или вода.

— Такъ, — съ горькой злобой сказалъ онъ громко, помолчалъ и прибавилъ: — такъ, значитъ!..

И тутъ уже ясно и понятно увидѣлъ, что жизнь его — несчастная, горькая жизнь, что его обидѣли, и что обижали всегда, давно и постоянно. Антонъ заплакалъ и погрозилъ кулакомъ запертой двери.

— Раб..бочаго человѣка!—проговорилъ онъ сквозь слезы и пошелъ вдоль улицы, чувствуя себя безконечно несчастнымъ и обиженнымъ. Онъ повернулъ за уголъ на большую улицу и вышелъ опять къ главному входу въ трактиръ, гдѣ стоялъ швейцаръ въ шапкѣ, горѣлъ яркій фонарь, и ругались между собою извощики. Въ это время изъ подъѣзда вышли два приказчика, окончивъ игру, и дымя папиросами пошли по тротуару.

Антонъ увидѣлъ ихъ и сначала ощалѣлъ отъ страшнаго, еще неизвѣстнаго ему чувства, а потомъ, нащупывая въ карманѣ сапожный ножъ, качаясь на ослабѣвшихъ ногахъ, погнался за ними.

На тротуарѣ было много народу, — шли, смѣясь

какія-то женщины, офицеръ толкнулъ Антона, двое мастеровыхъ заступили ему дорогу, — но Антонъ уже ничего не видѣлъ кромѣ, съ страшной яркостью врѣзавшагося ему въ глаза, круглаго чернаго котелка, уходившаго отъ него по тротуару. Разъ онъ чуть не потерялъ его изъ виду; ему не давали дороги, и Антонъ сбѣжавъ на мостовую сразу обогнулъ двѣ три кучки людей и догналъ приказчиковъ.

Они смѣялись и одинъ, не тотъ, который толкнулъ Антона, говорилъ:

— Вонъ она... Машка!

И остановились близко къ какой-то женщинѣ въ огромной красной шляпѣ, призрачно качавшейся въ невѣрномъ свѣтѣ фонарей.

— Откуда плывете? — хриплымъ басомъ спросила она, а въ это время Антонъ догналъ ихъ и со всего размаху, упирая всѣмъ тѣломъ, ткнулъ приказчика ножемъ въ спину.

Онъ успѣлъ почувствовать, какъ мгновенно прорѣзалъ толстый драпъ и со скрипомъ, дошедшимъ по лезвію, что то упругое и твердое, сразу ставшее хлипкимъ и мокрымъ, бросилъ ножъ и самъ еще не зная зачѣмъ и куда, бросился бѣжать. Крикнулъ приказчикъ или не крикнулъ, Антонъ не слыхалъ, но видѣлъ, какъ на мокрыхъ плитахъ тротуара, блестящихъ отъ фонарей, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ человѣкъ, очутилась какая то черная безформенная куча. И ему показалось, что все, что только было во всемъ свѣтѣ, съ страшнымъ ревомъ и топотомъ бросилось за нимъ.

Облившись холоднымъ потомъ отъ ни съ чѣмъ несравнимаго животнаго ужаса и дико выкативъ глаза, Антонъ ударился въ темный переулокъ и стремглавъ полетѣлъ вдоль улицы, не видя, что дѣлается сзади, но слыша за собой отчаянный многоголосый крикъ.

Отчетливо топоча ногами и тяжело сопя, за нимъ бѣжали дворники, городовой и три мастеровыхъ въ опоркахъ.

— Держи-и — странно и страшно раздавалось изъ конца въ конецъ темной улицы.

Хрипя отъ страшнаго бѣга, задыхаясь отъ слюны, наполнившей все горло, Антонъ повернулъ въ одну и другую улицу, тяжко столкнулъ кого-то съ дороги, и выпучивъ глаза, весь въ поту, помчался по тротуару вдоль набережной темнаго и грязнаго канала, отъ черной воды котораго несло холодомъ и сыростью.

Какъ разъ на поворотѣ встрѣчный городовой схватилъ его за рукавъ, но поскользнулся и загремѣлъ шашкой по мокрымъ камнямъ мостовой.

Антонъ все летѣлъ, прыгая, скользя, хрипя, сопя и рыча какъ дикое загнанное животное. Ужасъ придавалъ ему такую силу, что крики догонявшихъ и пронзительные свистки слышались уже гдѣ-то далеко сзади, въ черномъ, еле пронизанномъ слабымъ желтымъ свѣтомъ фонарей, мракѣ.

Антонъ перебѣжалъ мостикъ, перескочилъ въ сторону черезъ какую-то канаву, спугнувъ бездомную собаку, упалъ на руки, вскочилъ и выбѣжалъ въ темное пустое мѣсто, поросшее черной травой, уныло рвавшейся отъ вѣтра. Тутъ было пусто и холодно, фонари горѣли гдѣ-то далеко позади и впереди, а въ сторонѣ чернѣлось что-то похожее на лѣсъ, и оттуда слышался долгій заунывный шумъ деревьевъ.

III.

Всю ночь Антонъ пролежалъ въ ямѣ, полной мокрыхъ листьевъ, и вокругъ него была только тихо шуршавшая трава, а надъ нимъ холодное, черное, неустанно моросившее невидимымъ дождемъ, небо. Антонъ лежалъ съежившись отъ холода и чувствуя, какъ все его тѣло пронизываетъ и мозжитъ насквозь холодная вода, а въ головѣ его обрывками и скачками неслись спутанныя и безсвязныя мысли. Только одна была ясна и совершенно понятна ему, что прежняя жизнь кончена, что ему уже никакъ нельзя очутиться снова въ своемъ подвалѣ за прежней работой. Сначало это было странно и страшно ему, но, еще

раньше, чѣмъ онъ догадался объ этомъ, въ душѣ его поднялось смутное радостное чувство.

— Конецъ, значитъ? — спросилъ онъ себя и отъ этой мысли даже поднялся и сѣлъ:—фа... довольно!— съ нѣмымъ торжествомъ, точно бахвалясь передъ кѣмъ-то, всю жизнь давившимъ его, подумалъ Антонъ, и радость становилась все сильнѣе и сильнѣе, и чувство свободы заглушало страхъ и смутное недоумѣніе передъ будущимъ.

Въ полѣ было холодно и пусто, но дышать было легко и пріятно.

Утромъ онъ, весь мокрый и всклокоченный, обошелъ по полю и дальнимъ переулкомъ вошелъ въ городъ съ другой стороны, гдѣ еще никогда не бывалъ. Оттого, что мѣсто было незнакомое, казалось, что здѣсь какъ то свѣтлѣе и свободнѣе. Онъ ходилъ по улицамъ, освѣщеннымъ солнцемъ, и ему было страшно и радостно, что онъ не работаетъ въ то время, когда всегда работалъ, можетъ дѣлать что угодно и не думать о томъ, что надо кончать къ сроку работу, платить за подвалъ, за кожу, за колодки. Сначала онъ дичился и, какъ всегда, уступалъ всѣмъ дорогу, но оборванный и грязный онъ былъ страненъ и страшенъ, и всѣ невольно сторонились отъ него. И онъ замѣтилъ это, понялъ, что страшенъ, и сталъ переть прямо на всѣхъ, наслаждаясь невѣдомымъ раньше чувствомъ. Цѣлый день онъ прошлялся по городу, ѣсть ходилъ въ закусочную, а послѣ обѣда пошелъ въ поле, долго лежалъ на просохшей подъ солнцемъ травѣ и думалъ.

По окраинѣ поля и по всему горизонту торчали тоненькія красныя трубы фабрикъ, и дымъ отъ нихъ стоялъ надъ городомъ непроглядным буро-грязнымъ заревомъ. Въ полѣ было тихо и свѣтло. То, что Антонъ ночью принялъ за лѣсъ, было кладбище. Отсюда были видны маленькіе, точно игрушечные кресты и памятники, тихо бѣлѣвшіе въ золотѣ пожелтѣвшихъ березокъ.

Антонъ лежалъ животомъ на просохшей травѣ, въ ямѣ, и выставивъ голову смотрѣлъ на кладбище.

Онъ все старался представить себѣ что-то страшное, но ему было просто свободно, тихо, хорошо. Полиціи онъ не боялся нисколько, потому что тюремная жизнь, которую онъ уже зналъ, была лучше той болѣе голодной, холодной, скучной и безправной, чѣмъ тюрьма, которою онъ жилъ на свободѣ. О томъ же, что онъ убилъ человѣка, Антонъ думалъ смутно и мало. Онъ былъ слишкомъ тупъ и слѣпъ, чтобы понять всю ночную сцену въ ея истинномъ страшномъ смыслѣ. И не было въ немъ раскаянія и жалости, а напротивъ — смутное, торжествующее, непривычно смѣлое и отчаянное чувство.

Было похоже на то, какъ если бы онъ сказалъ кому-то:

— А, ты такъ... Ну, такъ вотъ же тебѣ!..

И только уже къ вечеру, когда по полю прошла глубокая задумчивая тѣнь, когда потемнѣло золотое кладбище и бѣлые кресты утонули, растаяли въ его коричневой массѣ, Антону стало грустно. Онъ сталъ тяжело вздыхать и ворочаться въ своей ямѣ. Было чего-то жаль, чего-то хорошаго, яснаго. Антонъ безпокойно повернулся на спину и поглядѣлъ въ далекое бездонное небо, въ которомъ таяла прозрачная и холодная заря. И оттуда изъ безконечнаго чистаго простора вѣяло грустью. Тогда Антонъ поднялся въ ямѣ, черный и мохнатый, и вылѣзъ на бугоръ; въ полѣ было пусто и темно.

— Кабы что... а то... — съ щемящей нотой безнадежнаго тоскливаго чувства сказалъ громко Антонъ и махнулъ рукой.

Потомъ онъ пошелъ къ городу, раскачиваясь на ходу и оглядываясь, упрямо и тяжело, скошенными глазами, точно высматривая кому вцѣпиться въ горло.

Съ широкаго поля мѣрно и грустно дулъ могучій вольный вѣтеръ.

1903 г.

Смерть Ланде.

I.

Зимой городокъ затихалъ. Все, что было въ немъ молодого, безпокойнаго, разъѣзжалось по большимъ городамъ. Оставались одни старики духомъ и тѣломъ, жили по непоколебимому, однообразному порядку: играли въ карты, служили, читали и думали, что это правильная жизнь. На улицахъ тихо лежалъ неподвижный холодный саванъ бѣлаго снѣга, а въ домахъ тихо и сонно копошились конченные люди. А весной, когда черная, влажная земля начинала пахнуть и вездѣ зеленѣло, и солнце радостно грѣло, высушивая каждый бугорокъ, и по вечерамъ было тихо и чутко,—каждый день съ поѣздомъ кто-нибудь пріѣзжалъ домой, и на улицахъ показывались оживленныя, свѣжія лица, такія же молодыя и радостныя, какъ весна. И такъ же естественно, какъ прилетали на старыя гнѣзда птицы, какъ росла на старыхъ мѣстахъ трава, было то, что именно весною всѣ молодые, жизнерадостные люди возвращались въ свой маленькій, тихій, немного грустный городокъ.

Такъ, въ маѣ пріѣхалъ сынъ недавно умершаго предсѣдателя уѣздной земской управы, студентъ-математикъ, Иванъ Ланде.

Цѣлый день онъ просидѣлъ съ матерью, все время съ тусклыми, усталыми глазами разсказывавшей ему о смерти отца; а когда стало смеркаться, взялъ фуражку и пошелъ на бульваръ, надъ берегомъ боль-

шой рѣки, еще полной отъ весенней воды. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ берегъ падалъ внизъ крутымъ обрывомъ и надъ нимъ были двѣ лавочки изъ старыхъ зеленыхъ и мягкихъ отъ сырости досокъ.

За рѣкой стемнѣло. Даль ушла куда-то въ темный просторъ. На потемнѣвшемъ глубокомъ небѣ тихо и незамѣтно высвѣтились звѣзды, и все было полно той торжественной тишиной, когда кажется, что кто-то, незримый, величавый и спокойный, стоитъ надъ землей.

Только далеко внизу, на рѣкѣ, протяжно, съ непонятной тревожной грустью, точно предостерегая и напоминая о чемъ-то печальномъ и неизбѣжномъ, кричалъ пароходъ, и на широкомъ рѣчномъ стеклѣ, странно свѣтломъ, когда вездѣ было темно и черно, видна была безпокойная черная точка, быстро оставлявшая за собой ровную, широкую серебряную полосу.

На бульварѣ было безлюдно и пусто. Только изъ оконъ клуба падали на землю желтыя полосы свѣта и въ нихъ двигались беззвучныя тѣни, да на самомъ обрывѣ смутно чернѣли фигуры, вспыхивали вздрагивающіе огоньки папиросъ и еще издали слышались голоса и смѣхъ. Ланде спокойно и тихо шелъ туда и улыбался. Онъ былъ легкій и тонкій человѣкъ, и шаговъ его почти не было слышно на мягкой землѣ.

— ...Запоемъ пѣсню, или закричимъ такъ, чтобы на томъ берегу было слышно! — говорилъ полный и звонкій женскій голосъ, и слова его мягко и радостно вспыхивали въ густомъ, тепломъ воздухѣ.

— Начинайте!—задорно отвѣчалъ мужской голосъ, и кто-то смѣялся.

Ланде подошелъ и сказалъ:

— Здравствуйте!

Онъ говорилъ тихо, но внятно и спокойно и его всегда было слышно.

— А, Ланде!—обрадованно и такъ рѣзко, что садилось въ ушахъ, закричалъ маленькій, угловатый студентъ и черезъ головы другихъ протягивалъ ему

большую руку, торчавшую изъ короткихъ рукавовъ тужурки.

Ланде, мягко улыбаясь, съ удовольствіемъ крѣпко и долго пожалъ ему руку и такъ же любовно и ласково сталъ здороваться съ другими. Всѣ радостно и оживленно пожимали его худую руку, и было что-то такое простое, искреннее, хорошее въ этой общей радости, что ею заразился даже, никогда еще не видавшій Ланде, пріѣзжій художникъ Молочаевъ, большой и сильный человѣкъ въ широкой шляпѣ. Когда Ланде подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я—Ланде, познакомимся.

Художникъ отвѣтилъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ! и съ улыбкою посмотрѣлъ ему въ лицо, точно заглядывая въ душу сквозь его чистые и спокойные глаза.

— Я ужъ о васъ слышалъ! прибавилъ онъ.

Голосъ у него былъ твердый и звучный, какъ будто онъ билъ въ мѣдный колоколъ.

— Развѣ? спросилъ Ланде, улыбнулся и сейчасъ же отвернулся. Но въ этомъ не было равнодушія, а какая-то скрытая близость, точно онъ давно зналъ его.

— О чемъ вы тутъ? спрашивалъ Ланде.

— Марья Николаевна хочетъ на луну прыгнуть! смѣясь отозвался маленькій студентъ.

— Это хорошо! улыбнулся Ланде.

Больной студентъ Семеновъ хрипло закашлялся.

— А ты все болѣешь? ласково сказалъ Ланде и обнялъ его за плечи.

— Все... грустно отвѣтилъ Семеновъ,—попрежнему.

— Ну, ничего! началъ Ланде, и голосъ его задрожалъ.

— Нѣтъ, братъ, мнѣ ужъ капутъ! возразилъ Семеновъ, неестественно искрививъ въ улыбку свое, старчески сморщенное отъ болѣзни, лицо, и голосъ его, противъ воли, тонко и ярко прорѣзало острое отчаяніе. — Скоро изъ меня ха-р-ошій лопухъ выростетъ!

Всѣ притихли. Что-то холодное и чужое, и страшно близкое всѣмъ встало внутри ихъ. Оттого отчетливо былъ слышенъ тихій, какъ слабо натянутая струна, голосъ Ланде, когда онъ говорилъ:

— Полно, голубчикъ! Нельзя такъ говорить! Нельзя такъ говорить о томъ, чего никто не знаетъ. Всѣ мы умремъ когда-нибудь, не я, не ты одинъ, а всѣ, и всѣ вмѣстѣ узнаемъ, конецъ ли, лопухъ ли, какъ ты сказалъ, или иная жизнь. Всѣ! Неужели ты ничего не чувствуешь за этимъ словомъ?.. Не можетъ такая сила страданія, любви и мысли не стать надъ землей, уйти въ лопухъ. И всѣ чувствуютъ это и вѣрятъ, и ты вѣришь, а только не хочешь вѣрить, потому что боишься, какъ ребенокъ, новаго, непонятнаго. Вѣдь мы не знаемъ смерти, и страшно въ ней намъ именно то, что мы ея не знаемъ...

Та торжественная въ своей простотѣ искренность, съ которой онъ говорилъ свои спутанныя, волнующіяся въ воздухѣ слова, дѣйствовала на измученный мозгъ, какъ неуловимый, мягкій запахъ, какъ теплая струя, нѣжащая душу, успокаивающая, отвлекающая обостренную мысль къ чему-то неопредѣленному и свѣтлому, какъ далекая заря. Дѣтски-довѣрчивая надежда робко засвѣтилась въ темной глубинѣ дрожащаго сердца, и даже не вдумываясь въ его слова, а только чувствуя ихъ, Семеновъ улыбнулся спокойнѣе и свѣтлѣе.

— Блаженъ, кто вѣруетъ! уже легко шутя сказалъ онъ.

Тотда всѣ свободнѣе вздохнули и снова заговорили, задвигались. Незримый холодный призракъ тихо отступилъ и снялъ свою страшную, тяжелую руку.

По бульвару, чиркая длинными ногами по шуршащему песку, прошелъ высокій, черный, какъ тѣнь, человѣкъ.

— Это Фирсовъ, сказалъ Ланде и, напрягая голосъ, крикнулъ: — Фирсовъ!

Кто такой? тихо спросилъ Молочаевъ.

— Такъ, казначейскій чинъ... пренебрежительно

и какъ будто досадуя на Ланде, махнулъ рукой Шишмаревъ.

Черная тѣнь медленно остановилась.

— Это, кажется, вы, Иванъ Ѳерапонтовичъ? съ невѣрнымъ оттѣнкомъ, такъ, что нельзя было понять, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ, спросилъ скрипучій деревянный голосъ.

— Я, отозвался Ланде.

Чиркая ногами и изъ плоской тѣни превращаясь въ длиннаго, костляваго человѣка, Фирсовъ подошелъ.

— Здравствуйте, Иванъ Ѳерапонтовичъ, здравствуйте! преувеличенно радостно заговорилъ онъ и, точно стараясь шумѣть и волноваться какъ можно больше, лѣзъ по ногамъ сидѣвшихъ къ Ланде.

— Осторожнѣй... вы!.. недружелюбно замѣтилъ Семеновъ.

— Здравствуйте, Фирсовъ! Какъ живете? крѣпко пожимая ему руку, сказалъ Ланде.

— Что жъ, потирая руки сказалъ Фирсовъ, — какъ я могу жить? Служба, служба — вотъ и вся жизнь! Только и живу духомъ въ церкви, обновляюсь...

Въ его скрипучемъ голосѣ все время свистѣла тоненькая фальшивая нотка самоумиленія, когда онъ говорилъ о своей жизни, и казалось, что онъ хвастается ею передъ Ланде.

— Небогатая же у васъ жизнь! съ открытой насмѣшкой сказалъ Шишмаревъ.

Медленнымъ, какъ будто хрустящимъ движеніемъ Фирсовъ повернулся къ нему.

— Вы думаете? сквозь зубы спросилъ онъ и прибавилъ: — Большаго богатства, какъ общеніе съ Богомъ, не знаю... Вы, конечно, иначе смотрите?

Въ голосѣ его тихо вздрогнула скрытая угроза. Шишмаревъ посмотрѣлъ на него презрительно и зло и отвернулся.

Да... протянулъ Фирсовъ помолчавъ. — А я, Иванъ Ѳерапонтовичъ, на-дняхъ былъ въ судѣ присяжнымъ.

Интересное дѣло попалось. Судили, знаете, за кражу со взломомъ одного мастерового... Онъ тутъ у насъ на паровой ткацкой служилъ мастеромъ. Да вы его, кажется, знаете: Ткачевъ по фамиліи...

— Ткачевъ! испуганно вскрикнулъ Ланде: — да не можетъ быть!

— Да, съ удовольствіемъ сказалъ Фирсовъ: — за кражу. Дѣло-то само по себѣ пустое, но держалъ онъ себя... Можете себѣ представить: отъ защитника онъ отказался, самъ говорилъ... „Я укралъ, говоритъ, конечно, но, господа присяжные, кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый меня осудитъ!..“ Кощунство, въ сущности говоря! Но тутъ только я понялъ, какая сила въ этихъ словахъ ..

— Тутъ не въ словахъ дѣло! отозвался Семеновъ. Фирсовъ вдругъ весь какъ-то взъерошился и надулся.

— Нѣтъ, именно въ этихъ словахъ!.. Въ словахъ!

И онъ спутанно сталъ доказывать, что именно эти слова, какъ чудо, какъ „слово Божіе“, независимо отъ того человѣка, который сказалъ ихъ, примѣнивъ къ своей страшной и горькой жизни, „ударили по сердцамъ“. И въ томъ, что онъ говорилъ, было что-то такое сухое, скучное, — его не стали слушать.

Марья Николаевна протянула руку въ широкомъ, бѣломъ рукавѣ, точно крыло какой-то большой, бѣлой птицы, и громко сказала:

— Луна, луна всходитъ!

Фирсовъ круто замолчалъ и съ выраженіемъ злой обиды посмотрѣлъ на нее.

— Да, конечно... луна важнѣе! пробормоталъ онъ.

— Все важно, ласково, успокаивая его, улыбаясь сказалъ Ланде.

Въ глубокомъ мракѣ не то очень близко, не то страшно далеко, изъ-за чернаго горизонта, осторожно выглянулъ кто-то красный и тихо сталъ круглиться и расти, и сейчасъ же въ темной водѣ заблестѣли

искры, и тоненькій, дрожащій золотой мостикъ ровно протянулся отъ одного берега къ другому, точно таинственно и безмолвно предлагая легко перейти на ту сторону, въ какой-то лазурно-темный и серебряно-свѣтлый міръ.

— Какая красота! полнымъ, восхищеннымъ голосомъ сказала Марья Николаевна, и голосъ ея, сильный и свѣжій, радостно прозвучалъ надъ обрывомъ.

Ланде поднялъ на нее глаза и долго, съ радостью смотрѣлъ въ молодое и красивое лицо, глубокими глазами глядѣвшее вдаль, мимо него.

— Иванъ Ѳерапонтовичъ, скрипучимъ, унылымъ голосомъ проговорилъ Фирсовъ и всталъ, — мы еще увидимся, конечно... А теперь я пойду.

— Конечно, увидимся, мягко и слабо пожимая ему руку, съ холодными и влажными пальцами, сказалъ Ланде.

Фирсовъ молча попрощался съ другими и ушелъ, чиркая ногами.

— Охота тебѣ съ нимъ связываться — холодно пожалъ плечомъ Шишмаревъ, когда онъ отошелъ. — Ханжа, скаредъ... по церквамъ шляется, а ребенка своего мучаетъ.

— Онъ... началъ Ланде.

— Э, да оставь, пожалуйста! съ досадой перебилъ Шишмаревъ.

Ланде грустно улыбнулся и замолчалъ.

Луна всплыла надъ землею и повисла въ воздухѣ круглая, молчаливая и свѣтлая.

— Вотъ, напишите что-нибудь такое, Молочаевъ! не поворачивая головы, сказала Марья Николаевна. — Такъ я васъ сразу въ великіе художники произведу!

Молочаевъ молча смотрѣлъ на луну, и глаза у него расширились, стали мягче и глубже, точно онъ видѣлъ что-то, невидимое никому, кромѣ него, таинственное и великое.

Шишмаревъ съ пренебрежительнымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на него.

— Напишетъ! сказалъ онъ и, отвернувшись къ

Ланде, заговорилъ торопливо, рѣзко и озабоченно: — Ланде, у насъ тутъ была исторія на Вершиловской мельницѣ: Вершиловъ сталъ мясо гнилое выдавать, ну, они и того... побили стекла, управляющаго помяли... Двадцать два человѣка взяли!

А что, они правы, Ланде? вдругъ спросилъ Семеновъ съ добродушной ироніей.

— Да... твердо отвѣтилъ Ланде.

— Гм... издалъ Семеновъ неопредѣленный звукъ и нахмурился.

— Семейства ихъ въ ужасномъ положеніи... Скверная исторія! встряхнулъ головой Шишмаревъ. — Мы тутъ кое-что устроили для нихъ, — да что!..

Всѣ замолчали. Ланде смотрѣлъ въ землю и слабо шевелилъ тонкими пальцами.

Семеновъ тихо кашлянулъ, и звукъ отчетливо отдался надъ обрывомъ. Луна незамѣтно, точно крадучись, поднималась все выше и выше надъ чѣмъ-то чернымъ и непонятнымъ, и чѣмъ выше она поднималась, тѣмъ понятнѣе и свѣтлѣе становилось это черное, и скоро стали ясно, но призрачно видны противоположный берегъ и бѣлыя полосы тумана въ лугахъ. Отъ рѣки тихо вставалъ тотъ же бѣлый, холодный туманъ, и надъ темной, глубокой водой заходили блѣдные и молчаливые призраки.

Стало сыро и холодно. Семеновъ застегнулъ пальто, глубоко надвинулъ на голову фуражку, такъ что уши жалко оттопырились, точно у летучей мыши, и всталъ.

— Я домой... сказалъ онъ. — Холодно... А ты, Соня, пойдешь?

— Нѣтъ, задумчиво отвѣтила тоненькая, какъ былинка, дѣвочка, все время неподвижно сидѣвшая надъ самымъ обрывомъ.

— Ну, какъ хочешь... мутнымъ голосомъ, равнодушно сказалъ Семеновъ... — Холодно. Приходи ко мнѣ, Ланде!

— Хорошо, отвѣтилъ Ланде.

— До свиданья!

— Что? машинально отозвался Молочаевъ.

— Задумался, художникъ! До свиданья!

Семеновъ болѣзненно сгорбилъ спину и медленно пошелъ вдоль бульвара.

— Слушай, Леня... тихо заговорилъ Ланде, и было видно, что думалъ онъ все время объ этомъ. — Надо помочь тѣмъ...

— Да, что можно было — сдѣлали. Средствъ нѣтъ никакихъ!

Ланде всталъ.

— Гдѣ же никакихъ?.. сказалъ онъ задумчиво. — Ты приходи ко мнѣ завтра... А теперь я пойду. Меня мама ждетъ.

Скоро стало совсѣмъ холодно. И земля, и небо, и вода, и лица людей, — все голубѣло отъ холоднаго свѣта луны и казалось прозрачнымъ и холоднымъ, какъ голубой ледъ. Шишмаревъ съ Соней пошли въ одну сторону, а Ланде, Молочаевъ и Марья Николаевна въ другую.

II.

— Я съ васъ этюдъ напишу! сказалъ Молочаевъ, близко наклоняясь къ самому лицу Марьи Николаевны, ярко освѣщенному луной.

— Хоть два! засмѣялась она, и глаза у нея вспыхнули веселымъ гордымъ удовольствіемъ.

Ланде поднялъ голову, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Это хорошо...

Ему хотѣлось сказать:

— Это хорошо, что вы оба такіе молодые, красивые и что вы влюблены другъ въ друга! Но онъ не сказалъ и только улыбнулся.

— Что же вы думаете устроить для рабочихъ? вспомнивъ и дѣлая серьезное лицо, спросила Марья Николаевна.

Ланде слегка развелъ руками.

— Особеннаго ничего... а такъ, на первое время... у меня деньги есть.

Молочаевъ посмотрѣлъ на него, и отъ его, освѣ-

щеннаго луной, худого, некрасиваго, съ большими, прекрасными глазами, лица на художника повѣяло простой и несокрушимой рѣшимостью. Чувство непріятной, неопредѣленной зависти шевельнулось въ Молочаевѣ, точно поежился подъ лучемъ свѣта въ глубинѣ души его какой-то притаившійся мутный духъ.

— Отдадите? недовѣрчиво кривя губы, спросилъ онъ.

— Да, отвѣтилъ Ланде.

— Всѣ? съ выраженіемъ нехорошей шутки опять спросилъ Молочаевъ.

— Не знаю, право, голубчикъ... добродушно и раздумчиво, точно совѣтуясь съ нимъ, отвѣтилъ Ланде. — Можетъ, и всѣ... какъ нужно будетъ.

— А у васъ-то ихъ много ли? съ дѣланной ироніей сказалъ Молочаевъ.

„Оригинальничаетъ тоже!“ подумалъ онъ, и чувствуя, что изъ зависти къ чему-то думаетъ неправду, озлобился.

Марья Николаевна внимательно смотрѣла на Ланде.

— У меня...

Ланде поправилъ фуражку и спокойно сказалъ:

— Не очень... четыре тысячи есть.

И опять Молочаевъ нехорошо подумалъ:

„А эффектную паузу выдержалъ!“

Потомъ нечаянно посмотрѣлъ на Марью Николаевну и забылъ про Ланде.

— У васъ лицо съ картинъ Штука, когда вы смѣетесь или задумываетесь! сказалъ онъ восхищеннымъ, искреннимъ голосомъ, а глаза у него жадно заблестѣли.

Марья Николаевна засмѣялась, и при лунѣ на мгновеніе ярко и таинственно забѣлѣли бѣлые зубы въ рѣзко очерченныхъ полуоткрытыхъ губахъ. Ланде посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что лицо у нея, точно, — бѣлое, сильное и нѣжное, и жестокое, какъ на картинкахъ Штука. И вся она была такая высокая, стройная и сильная, и пахло отъ нея чѣмъ-то свѣжимъ и возбуждающимъ.

— Такъ все имъ и отдадите? — пряча лицо отъ Молочаева, спросила Марья Николаевна Ланде.

— Такъ и отдамъ! радостно и ласково улыбаясь ея красотѣ и яснымъ глазамъ, сказалъ Ланде.

И голосъ у него былъ такой спокойно и мягкодушевный, что Марья Николаевна вдругъ на мгновеніе задумалась. Какая-то глубокая, теплая и кроткая струнка чутко отозвалась гдѣ-то въ самой глубинѣ ея души.

„Милый онъ какой-то и странный... Блаженненькій!“ съ улыбкой вспомнила она, какъ называлъ Ланде Семеновъ... „Нѣтъ, онъ не блаженный!“

Ей захотѣлось, чтобы это было не такъ. Не потому, что передъ ней былъ именно Ланде, а потому, что теперь, въ ночь, хотѣлось, чтобы тутъ близко, въ живомъ и сознательномъ, засвѣтилось торжественно и просто то могучее и прекрасное, что было вокругъ, въ лунномъ свѣтѣ, въ звѣздномъ небѣ, на торжественно-спокойно спящей землѣ.

— Мнѣ сюда... сказалъ Ланде нерѣшительно. Ему не хотѣлось уходить отъ нихъ.

— Прощайте! холодно и слишкомъ быстро отозвался Молочаевъ.

Ланде подумалъ и, тихо улыбаясь, ушелъ.

— Пусть ихъ! сказалъ онъ себѣ, и въ душѣ у него было что-то широкое и умиленное, какъ общее объятіе.

Молочаевъ и Марья Николаевна долго шли молча, и торжественная тишина точно стояла въ самой ея душѣ.

— Юродивый какой-то этотъ Ланде! съ нехорошимъ выраженіемъ сказалъ Молочаевъ. — Дурачокъ... А, можетъ, напротивъ, далеко не дурачокъ! скривившись добавилъ онъ и неожиданно, просто и вдумчиво проговорилъ:

— У него лицо некрасивое, но очень интересное.

— Вы, кромѣ своего искусства, ничего не видите! сказала Марья Николаевна, не громко засмѣялась и повернула лицо къ лунѣ.

— Нѣтъ, я все красивое вижу! возразилъ Молочаевъ, вкладывая въ свои незначительныя слова особый, близкій и понятный ей смыслъ.

— А кромѣ красиваго?..

— А чортъ его знаетъ! Ничего! вздернулъ широкимъ плечомъ Молочаевъ.

Марья Николаевна смѣялась. Подъ бѣлой кофточкой отъ смѣха колыхалась грудь и при лунѣ, рѣзко очерченная глубокими, влажными тѣнями, казалась точно голой. И вся она въ яркомъ, синеватомъ свѣтѣ была какая-то странная, рѣзко красивая, не похожая на обыкновенную дневную женщину.

Молочаевъ широко открытыми глазами смотрѣлъ на нее, и что-то властно тянуло и толкало его къ ней.

„Ого!“ вспыхнуло у него въ мозгу. Давно знакомое и любимое имъ чувство силы и жадности задрожало у него въ ногахъ и груди, и вдругъ подняло надъ землей и отдѣлило отъ всего міра. Какъ будто и луна не свѣтила и не было холодно, было жарко и пусто, и только она одна, рѣзко и таинственно красивая, стояла ярко и отдѣльно, какъ звѣзда во мракѣ, и страшно близкая и страшно далекая. Молочаевъ наклонился и сбоку видѣлъ темные, блестящіе глаза, не смотрѣвшіе на него, какъ будто безмолвно ждущіе и что-то таинственно обѣщающіе.

Было тихо. Только гдѣ-то далеко, за домами, то черными и мрачными, то бѣлыми и холодными, одиноко, тоненько тявкала маленькая собака:

„Гав... гав... гав... гав... гав“!..

И что-то общее, странное и напряженное стояло во всемъ.

— Жить хочется! тихо, а потомъ все громче и сильнѣе заговорила Марья Николаевна. — Что-то сдѣлать хочется, любить хочется...

И вдругъ засмѣялась неожиданно и звонко. — На луну прыгнуть хочется, какъ говоритъ Шишмаревъ! вспомнила она.

И все стало просто и обыкновенно красиво.

— Спать, спать пора! пѣвуче прибавила она, — вотъ что! До свиданья!

— До свиданья... еще дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Молочаевъ и вздохнулъ глубоко и напряженно.

Они уже стояли возлѣ калитки ея дома.

— До свиданья!..

Легкіе шаги стихли за заборомъ. Гдѣ-то разъ и другой, щелкнулъ запоръ: слышно было, какъ дверь тяжело осѣла внутрь, кто-то что-то сонно спросилъ, и опять стало тихо и пусто.

Молочаевъ долго шелъ по пустымъ улицамъ, залитымъ луннымъ свѣтомъ, смотрѣлъ на далекій кружокъ луны и радостно ни о чемъ не думалъ.

III.

Когда Ланде пришелъ домой, мать его сидѣла у стола и, видимо, давно ждала его ужинать.

Въ домѣ еще было уныло-пусто послѣ смерти отца Ланде, и ей было скучно, страшно и жалко себя. Ей казалось, что все въ мірѣ кончилось, умерло, и вся жизнь ея темной и роковой силой раскололась на двѣ ровныя половины. То, что было скучно и тяжело прежде, она забыла, и ей казалось, что позади страшно далеко, было только мимолетное, радостное и теплое, все точно освѣщенное яркимъ и грѣющимъ свѣтомъ, а теперь было пусто и холодно, впереди еще темнѣе и мрачнѣе, и хотѣлось иногда умереть. Только когда она вспоминала сына, что-то свѣтлое мелькало передъ нею и становилось осмысленнѣе все, что она дѣлала.

— Ваня? тихо спросила она изъ-за лампы.

— Я, мама! отвѣчалъ Ланде, бросилъ фуражку на столъ, подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ, прижавшись головой къ полному, но уже не упругому, теплому, какъ лежанка, плечу. Она погладила его по головѣ, по рѣдкимъ, очень мягкимъ и свѣтлымъ волосамъ, и подумала, что въ немъ—все ея будущее, вѣра, радость и смыслъ, вся эта непонятная, страшная жизнь.

— Хочешь ѣсть? спросила она и положила ему руку на плечо.

— Хочу, сказалъ Ланде и сталъ тихо и нѣжно цѣловать ея пухлую, съ коротенькими, сморщенными пальцами руку.

— Милый мой мальчикъ! со слезами на глазахъ сказала мать.

Что-то прочное, давно знакомое и дорогое имъ ощущеніе, протянулось между ними, и Ланде больше не могъ не сказать того, о чемъ думалъ все время:

— Мама, что, собственно, осталось послѣ папы... всего?

Мать нисколько не удивилась этому вопросу, потому что Ланде еще не зналъ, въ состояніи ли онъ продолжать теперь университетъ, и она подумала, что это затѣмъ.

— Немного, Ваня... грустно сказала она, думая о другомъ. — Вотъ домъ, пенсію мнѣ назначили, слава Богу, недурную. А денегъ осталось всего четыре тысячи.

— Такъ я и думалъ. Мама, домъ и пенсія, конечно, твои, а деньги позволь взять мнѣ теперь — мнѣ нужно... сказалъ Ланде, и въ ту же минуту въ душѣ его появилось тяжелое, тревожное чувство.

— А, да... возьми, возьми... онѣ вѣдь тебѣ и завѣщаны.

Мать задумчиво посмотрѣла на Ланде и провела рукой по его волосамъ.

— Что же ты съ ними сдѣлаешь? тихо и ласково, какъ ребенку, улыбаясь спросила она.

Ни на одну секунду у Ланде не было мысли не говорить ей. Онъ взглянулъ ей въ глаза просто и ясно, лицо его посвѣтлѣло, и отвѣтилъ твердо и спокойно.

— Я, мама, хочу отдать ихъ семьямъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ прогналъ Вершиловъ.

— Что? переспросила мать, улыбнулась и сказала:—Глупый ты еще у меня, какъ ребенокъ, хоть и борода уже выросла.

Ланде печально улыбнулся и промолчалъ.

— Ты и въ самомъ дѣлѣ не вздумай этого! Съ тебя вѣдь станется! вдругъ совсѣмъ другимъ, тревожнымъ и предостерегающимъ голосомъ сказала она. И еще раньше, чѣмъ договорила, увидѣла по его ясно и какъ-то черезчуръ широко раскрытымъ глазамъ, что онъ говоритъ правду. Съ минуту она молчала, съ испугомъ глядя ему въ лицо, а потомъ, больше стараясь увѣрить себя, проговорила:

— Глупости! А самъ ты съ чѣмъ останешься?

— Какъ-нибудь... печально сказалъ Ланде, чувствуя, какъ между ними незримо встаетъ непроницаемая, холодная стѣна.

— Глупости! упрямо, точно защищаясь противъ чего-то враждебнаго и злого, повторила мать. И было это, точно, враждебно и зло для нея, ибо стирало на нѣтъ все, чѣмъ она прожила всю свою долгую, муравьино-кропотливую жизнь.

Ланде промолчалъ, и въ сердцѣ его точно оторвалось что-то кровавое.

Ночью, лежа въ постели, онъ думалъ:

„Что дѣлать? Мама не пойметъ и не захочетъ понять. Это будетъ для нея страшнымъ горемъ; а я иначе не могу... Мы будемъ становиться на дорогѣ другъ другу, и такъ какъ я люблю ее, то буду уступать ей... А этого не должно быть! Значитъ, надо уйти отъ нея!“

Огненное чувство отмѣтило это рѣшеніе; что-то больно сжалось въ груди, и въ глухой темнотѣ онъ почувствовалъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ всего. Въ первый разъ въ жизни онъ рвалъ съ безконечно любимымъ человѣкомъ, и передъ разрывомъ стало ему холодно и страшно. Почему-то сгорбленный, умирающій Семеновъ всталъ передъ нимъ, и въ душѣ поднялась незнакомая тревога.

„Вотъ я здѣсь лежу, вдругъ подумалъ Ланде, — одинъ съ своей вѣрой въ то, что надо разорвать, причинить горе и боль; а быть можетъ все-таки... ну, все-таки... кругомъ только пустота, только безконечная пустота. Тамъ гдѣ-то звѣзды, только звѣзды! И я

не то, что песчинка, а меньше, безконечно меньше, и жизнь моя вѣчности не мигъ даже, а что-то... точно и нѣтъ ея совсѣмъ. А я живу, вѣрю, самъ ухожу отъ... Что же я дѣлаю тогда?"

Волосы зашевелились на головѣ у Ланде; мелкая дрожь назойливо била въ лѣвой ногѣ. На мгновеніе показалось ему, что онъ виситъ въ какой-то холодной, мертвой и величаво-страшной пустотѣ. И внизу и вверху темно и пусто. Потомъ ему вспомнился тотъ котенокъ, котораго при немъ взялъ за шиворотъ кучеръ Вершилова, подержалъ и бросилъ о земь и убилъ на мѣстѣ,—и Ланде показалось, что онъ виситъ, взятый за шиворотъ, въ пустотѣ, на одинъ мигъ отъ смерти и безпомощно мотаетъ лапками. И вотъ, что-то швырнетъ его, страшно, какъ громъ, ударитъ, и будетъ тихо, неподвижно, темно. Чувство одиночества стало нестерпимо для натянутыхъ нервовъ, и мучительно хотѣлось, было нужно, чтобы кто-нибудь сказалъ, что онъ не одинъ въ огромномъ, какъ вѣчность, мірѣ, что это не такъ.

Ланде судорожно откинулъ голову назадъ и, напряженно вытаращенными глазами глядя куда-то въ черную бездну, повисшую надъ нимъ, напрягая все существо свое въ страшномъ порывѣ, сталъ молиться кому-то:

— Господи, Господи... Господи, Боже мой!

Въ головѣ у него, въ невообразимомъ хаосѣ крутились мысли, мелькали, сталкивались и путались между собою, и все тѣло и весь духъ его томились, выливаясь въ этой молитвѣ. Кромѣ этихъ словъ, ничего не приходило ему въ голову, но онъ всѣмъ существомъ напрягался въ нихъ, и въ громадности этого напряженія, доходящаго до границъ, какія можетъ вынести человѣкъ, выростало что-то могущественное, великое, что, казалось, не могло быть безцѣльнымъ.

— Господи, Господи!...

И уже чувствовалось ему, что Кто-то слушаетъ, Властный и Спокойный.

Вдругъ среди хаоса мыслей неожиданно, невѣдомо

для него, одна стала выдѣляться, крѣпнуть, освѣщаться.

„Я молюсь, лежа въ теплой кровати, а рабочіе Вершилова спятъ теперь послѣ тяжелаго, безпросвѣтнаго дня, на голомъ полу“...

Что-то остановилось и какъ будто выжидательно прислушивалось въ немъ и вокругъ него. Было тихо, напряженно тихо, и Ланде самъ слышалъ, какъ судорожно и тяжело дышалъ онъ.

„Ну, такъ что жъ изъ этого? Что я долженъ дѣлать?“ спрашивалъ Ланде кого то внутри себя.

И гдѣ то, въ глубинѣ его души, явилось сначала незамѣтное, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, оборванное желаніе встать и лечь на холодный полъ.

„Но вѣдь не въ томъ дѣло!“ сказалъ себѣ Ланде.

Но чувство стало огромнымъ и начало томить его тоской.

„Господи“!.. попробовалъ бороться съ нимъ и молиться опять Ланде, но призывъ отозвался въ его душѣ пусто и мертво.

Тогда Ланде, съ внезапнымъ порывомъ, быстро всталъ съ кровати и опустился сначала на колѣни, а потомъ положилъ горячій лобъ на холодный полъ. Кругомъ было также тихо и темно.

Глаза у него вдругъ стали мокрыми, и въ душѣ стало тихо, точно все вздохнуло отъ разрѣшеннаго напряженнаго ожиданія. И сейчасъ же Ланде вспомнилъ, что завтра онъ отдастъ деньги рабочимъ, отдастъ все, что можетъ отдать, всего себя, самое радостное и свѣтлое своей души. Какъ это будетъ, Ланде не зналъ и не думалъ объ этомъ, какъ не думалъ уже и о томъ, что огорчитъ этимъ мать, возстановитъ противъ себя многихъ, затруднитъ свою собственную жизнь.

Полное и радостное чувство встало въ немъ, и все вокругъ наполнило чѣмъ-то громаднымъ, свѣтлымъ и яснымъ. Страхъ исчезъ, какъ дымъ. Отъ пола было холодно, и все тѣло Ланде дрожало; но ему было пріятно это, какъ будто этимъ онъ соединялся съ

кѣмъ-то и уже не былъ одинокимъ. А потомъ всѳ вокругъ: и твердость пола, и холодъ, и тьма, и собственное полуголое, смѣшно скорченное на полу тѣло,— все отошло куда-то и стало незамѣтнымъ, ненужнымъ.

— Господи, Господи мой! съ неутомимой силой снова молился Ланде.

И въ этомъ напряженномъ, радостномъ состояніи, похожемъ на величайшее и глубочайшее счастье, онъ точно застылъ, успокоился, сталъ забываться и заснулъ на полу, когда въ окна стало смотрѣть что-то свѣтлое, сѣрое и прозрачное.

Было это въ послѣдній разъ въ его жизни, когда въ немъ мелькнуло сомнѣніе, когда онъ смутился на мгновеніе въ предвидѣніи тяжелаго разрыва. Потомъ въ душѣ его открылась свѣтлая и прямая дорога.

IV.

Утромъ, на другой день, Ланде пошелъ въ острогъ. За городомъ, на нѣжно-зеленомъ лугу, по широкому откосу рѣки, рѣзко бѣлѣли бѣлыя стѣны и чернѣли одинокіе солдаты, пронзая голубой воздухъ блестящими на солнцѣ штыками.

Ланде проводили къ смотрителю, у котораго была борода по поясъ, бѣлая, сѣдая, такая, какую пишутъ всегда на плоскихъ суздальскихъ иконахъ. Онъ вѣжливо уставился на Ланде и вопросительно пошевелилъ тонкими, недовѣрчивыми губами.

— Моя фамилія — Ланде. Вы меня, навѣрное, знаете?.. Я бы очень хотѣлъ повидать того Ткачева, котораго третьяго дня оправдали въ судѣ. Я узналъ, что онъ еще у васъ...

Иконописный смотритель тюрьмы шевельнулъ костлявыми пальцами.

— Это можно... Онъ у насъ еще. Видѣть его, конечно, можно! повторилъ онъ, какъ будто стараясь увѣрить себя самого. Я васъ велю проводить... Или, можетъ, сюда позвать?

— Лучше я самъ къ нему пойду, — онъ, можетъ,

еще и не захочетъ ко мнѣ. Я съ нимъ, собственно, почти что незнакомъ.

Смотритель въ упоръ посмотрѣлъ на Ланде.

— Сидоровъ, проводи! вдругъ сердито насупивъ брови, сказалъ онъ и пересталъ смотрѣть на Ланде.

— Что жъ я буду распоряжаться имъ, знаете?.. довѣрчиво говорилъ Ланде. — Я хочу, видите ли, предложить ему...

— А это ужъ вы тамъ съ нимъ поговорите! еще сердитѣе буркнулъ смотритель и сталъ трогать бумаги на столѣ.

Ланде стало стыдно за смотрителя, за его грубость и холодность и онъ заторопился.

Старый, бритый и щетинистый солдатъ, въ черномъ, мѣшковатомъ мундирѣ, разорванномъ подъ мышками, шевельнулъ въ сторону Ланде обшлагомъ съ потертыми нашивками и сказалъ:

— Слушаю, ваше благородіе!.. Пожалуйте, господинъ!

Ланде пошелъ за нимъ на дворъ.

Дворъ былъ чистый и большой, но на немъ не росла трава и было душно и жарко, несмотря на мягкое весеннее небо, сверкавшее вверху. Пахло кислыми щами, швальней и приторнымъ, противно-нуднымъ запахомъ отхожаго мѣста.

— Нехорошо у васъ тутъ... сказалъ Ланде.

Сидоровъ оглянулъ дворъ маленькими мужицкими глазками, какъ будто съ веселымъ недоумѣніемъ отыскивая, что же тутъ было нехорошаго.

— Такъ точно! сказалъ онъ все-таки, такъ быстро и охотно, какъ будто ему доставило большое удовольствіе согласиться съ Ланде.

Ланде посмотрѣлъ, какъ тяжело и крѣпко шагалъ онъ корявыми мужицкими ногами и прибавилъ:

— Скверная у васъ тутъ служба: людей стеречь!

— Такъ точно! такъ же охотно отвѣтилъ Сидоровъ.

— Лучше бы землю въ деревнѣ пахать! продолжалъ Ланде, жалѣя его.

— Что жъ, сказалъ Сидоровъ, — и землю пахать хорошо.

Отъ его охотнаго и веселаго голоса и Ланде стало весело.

— Отчего Ткачева до сихъ поръ не выпускаютъ? Вѣдь его уже оправдали?

— Не идетъ онъ самъ! улыбаясь отвѣтилъ Сидоровъ.

— Почему? удивился Ланде.

— „Некуда мнѣ, говоритъ, итти“... Исторія! Чудакъ человѣкъ!

Ланде задумался и скорбная тѣнь легла ему на лицо и на душу.

Они уже прошли дворъ и пошли по узкому сводчатому коридору; тутъ было странно темно послѣ яркаго солнечнаго свѣта на дворѣ; вездѣ былъ холодный, грязно-бѣлый камень и зеленое старое желѣзо.

Изъ двери въ дверь безучастно и лѣниво ходили грязно и безобразно одѣтые люди, молодые и старые, но всѣ съ одинаково безкровными, нездоровыми, опухшими лицами. Недружелюбно наглыми глазами они провожали Ланде, останавливаясь у стѣнъ, а потомъ безучастно, какъ тѣни, уходили куда-то вглубь сырыхъ коридоровъ, и было что-то опасное, страшное въ этихъ безсмысленныхъ, равнодушныхъ движеніяхъ. Въ одной камерѣ кто-то старался пѣть, и было видно, что онъ нарочно тратитъ на это больше силъ, чѣмъ надо, и самое пѣніе походило больше на проклятіе, — такой дикій былъ мотивъ, и столько въ немъ скверныхъ словъ.

— Ткачевъ! споро крикнулъ Сидоровъ вдоль по коридору.

— Эй, Ткачевъ!... Эй... ты!.. Тебя!.. Чуешь! нестройно закричало нѣсколько голосовъ, точно обрадовавшись предлогу прокричать не зря, а для какой то надобности.

На порогѣ одной камеры показался человѣкъ, въ большой, не поросту, арестантской курткѣ, худой, черный. Смуглое, скуластое лицо его смотрѣло на Ланде сумрачно и недовѣрчиво

— Я къ вамъ .. довѣрчиво улыбаясь и точно стараясь этой улыбкой стать ближе и понятнѣй Ткачеву, сказалъ Ланде и протянулъ руку.

Ткачевъ неловко, какъ будто и не удивившись его приходу, подалъ свою.

— Я съ вами хотѣлъ поговорить... прибавилъ Ланде.

Ткачевъ еще недовѣрчивѣе посмотрѣлъ на него, прикусилъ тонкую, сухую губу, потомъ нехотя отступилъ въ сторону и назадъ шага два и сказалъ надтреснутымъ, глуховатымъ голосомъ:

— Я тутъ живу... вотъ...

Ланде вошелъ за нимъ въ одиночную камеру. Это была сводчатая комната, такая низкая, сырая и затхлая, что странно было думать, что въ ней живетъ большой человѣкъ, а не какое-нибудь маленькое, трусливое животное.

Ткачевъ подумалъ, нахмурился и подставилъ Ланде табуретку.

— Садитесь пожалуйста... сказалъ онъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ.

Ланде сѣлъ и мягко смотрѣлъ на Ткачева.

— Что вамъ отъ меня угодно? безпокойно хмурясь подъ его взглядомъ, спросилъ Ткачевъ.

Когда онъ хмурился, лицо его принимало несуровое, а жалкое выраженіе, какое бываетъ у обиженныхъ дѣтей.

— Мнѣ ничего не угодно... добродушно возразилъ Ланде. — Я просто узналъ о васъ и пришелъ.

— Зачѣмъ же? недовѣрчиво пробормоталъ Ткачевъ.

— Такъ. Мнѣ стало больно, что вы такъ озлоблены и несчастны; я и подумалъ, что, можетъ быть, вамъ будетъ легче, если я приду...

— Состраданіе?... Не нуждаюсь! отрывисто и глухо возразилъ Ткачевъ и отвернулся къ окну, перебирая по краю стола грязными, худыми пальцами.

Ланде тихо взялъ Ткачева за руку.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?.. Вѣдь это не-

правда... Вѣдь вы и несчастны, и озлобились, и украли только потому, что мало видѣли сострадания и любви въ своей жизни. Я пришелъ къ вамъ безъ всякой задней мысли, съ открытымъ сердцемъ, съ искреннимъ желаніемъ вамъ чѣмъ-нибудь помочь... Зачѣмъ же вы меня обижаете?

Ткачевъ пугливо посмотрѣлъ на руку Ланде, которая мягко и довѣрчиво держала его за черные пальцы, и вдругъ покраснѣлъ.

— Никого мнѣ не надо... тихо, но упорно отвѣтилъ онъ и не замѣтно убралъ руку. — Все это однѣ глупости...

— Почему? болѣзненно поднявъ брови, спросилъ Ланде.

Ткачевъ повернулъ къ нему голову и презрительно, черезъ силу, усмѣхнулся.

— Вашъ наивный вопросъ ставитъ меня въ глупое положеніе... бравирующимъ тономъ, въ которомъ, сквозь неестественную витіеватость, ясно слышалось что-то озлобленное и горькое, сказалъ онъ. — Вамъ... а впрочемъ, съ какой это стати я съ вами разговаривать буду! вздернулъ онъ плечами и отвернулся къ окну, на которомъ, неслышно ворошась за стекломъ и рѣшеткой гуллили голуби.

— Вотъ, кормлю ихъ... друзья! помолчавъ, неожиданно проговорилъ онъ и конфузливо улыбнулся однимъ краемъ тонкихъ, страдальческихъ губъ.

— Голубей?... Да!.. обрадовался улыбкѣ Ланде и широко улыбнулся самъ. — Конечно, друзья! Это вѣдь неправда, что вѣчная вражда и необходимость истреблять... Такой необходимости не можетъ быть, не должно быть, не должно быть!.. Надо, напротивъ защищать... всѣ одного и одинъ всѣхъ... и быть друзьями, братьями даже! Я, знаете, вѣрю, что все ошибка, что все не такъ, и все надо поправить ,докончить... и что это-то и есть миссія человѣка!.. Я вѣрю...

— Не понимаю я вашего краснорѣчія! упрямо и угрюмо, но, какъ показалось Ланде, нарочно такъ отвѣтилъ Ткачевъ.

Ланде улыбнулся.

— Я не умѣю говорить лучше... Развѣ вы меня, правда, не понимаете? Мнѣ кажется, нѣтъ... Я хотѣлъ сказать, что нѣтъ злобы и ненависти самихъ по себѣ, что это только слѣдствіе работы надъ міромъ, и ихъ надо устранить.

— Ишь, насмѣшливо вставилъ Ткачевъ. — Легко.

— Нѣтъ, не легко... трудно, страшно трудно! Но не невозможно: нѣтъ такой ненависти и злобы, которыхъ нельзя было бы побѣдить!

— Къ чему вы мнѣ все это говорите? остро перебилъ Ткачевъ.

— Я къ тому говорю, заторопился Ланде, точно боясь, что Ткачевъ уйдетъ, и опять беря его за руку,— что вижу... мнѣ кажется, что вы перестали вѣрить въ эту возможность, а повѣрили въ то, что зло вѣчно, что зло вездѣ торжествуетъ и что надо не бороться съ нимъ, а служить ему! А это ужасно!.. Это не такъ. Вы просто упали духомъ, озлобились и теперь вы только искусственно сгущаете атмосферу вражды, воображая, что, наконецъ, научились дышать по настоящему... Ахъ, Ткачевъ, какая это ужасная ошибка! И вѣдь чувствуете ее вы: вѣдь вамъ тяжело дышать, трудно? Да?

Ткачевъ угрюмо молчалъ и дышалъ тяжело, черезъ носъ.

— Не надо вражды встрѣчать враждою! говорилъ Ланде, блестя открытыми глазами, какъ будто не думая о томъ, что говоритъ, точно и не говорилъ, а пѣлъ, выливая пѣсню прямо изъ сердца.—Этимъ она побѣждается! И никогда не чувствуется такой радости, такой легкости, такого удовлетворенія, какъ тогда, когда вы побѣждаете вражду въ себѣ, не отвѣчая ею на чужую вражду!.. Развѣ это чувство не указываетъ, гдѣ путь?.. Какая радость это чувствовать! Какихъ страшныхъ мукъ нельзя перенести за эту радость!.. Ну, пусть къ вамъ люди относятся дурно, жестоко даже, пусть условія вашей жизни тяжелы, пусть это такъ; но вѣдь внѣшнія условія жизни и не могутъ

быть совершенно одинаковыми у всѣхъ людей, и съ этимъ такъ легко, въ сущности, мириться, если...

— А вы были когда-нибудь голодны? вдругъ язвительно перебилъ Ткачевъ.—А, господинъ Ланде?

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ вы говорите такъ! съ мольбой, вонзавшейся въ душу, заспѣшилъ Ланде.— Вѣдь вы же знаете, что и голодъ, и муку, и самую смерть можно перенести за идею... Мученики же умирали въ страшныхъ мученіяхъ...

— Такъ то мученики! вздернувъ головой возразилъ Ткачевъ.

— Развѣ вы думаете, Ткачевъ, что всѣ мученики были какими-то особенными людьми? Нѣтъ, и я, и вы, и всякій, самый маленькій человѣкъ все перенесетъ за идею, разъ только эта идея будетъ его идеей, его чувствомъ! Правда вѣдь?

— Можетъ и правда... угрюмо отвѣтилъ Ткачевъ.

— Правда! радостно подхватилъ Ланде и все лицо его освѣтилось.—Правда есть въ человѣкѣ, эта великая сила, именно въ человѣкѣ она есть! А разъ такъ, значитъ, онъ все можетъ, всякій все можетъ!.. Противъ любой силы можетъ бороться и побѣдить... Почему вы украли, Ткачевъ?

Ткачевъ вздрогнулъ, быстро сталъ блѣднѣть, такъ что ясно было видно, какъ постепенно кровь отливаетъ отъ лица, и широко раскрытыми глазами, изъ которыхъ выглянула страшная мучительная рана, съ бѣшенствомъ уставился на Ланде.

— А вамъ какое дѣло? хрипло проговорилъ онъ, вытягивая къ нему худую, черную шею.

— Я знаю почему, вздрогнувшими губами но твердо проговорилъ Ланде,—и хочу объ этомъ говорить...

Ткачевъ неподвижно и жутко смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Ланде близко видѣлъ его темные зрачки, ставшіе совсѣмъ круглыми, и сквозь нихъ смотрѣла на него безсильная, затаившаяся навсегда, вѣчная обида и ненависть. Ланде почему-то подумалъ, что, если онъ моргнетъ, то Ткачевъ или ударитъ его, или, плюнетъ въ лицо. Но онъ не моргнулъ.

Ткачевъ вдругъ опустилъ глаза.

— Ничего вы не знаете! сказалъ онъ тихо, грубо и съ вызовомъ.

— Нѣтъ, знаю! твердо возразилъ Ланде.—Я вѣдь знаю всю вашу жизнь,—мнѣ говорили о ней много... Да вы и сами разсказывали много, когда говорили въ судѣ... Мнѣ передавали. Вы такъ правильно и ярко описали ее, что трудно было бы...

Неумное, хвастливое выраженіе появилось на лицѣ Ткачева.

— А вы думаете, только вы, господа студенты, говорить умѣете? Нѣтъ, прошли тѣ времена! Теперь... некстати заговорилъ онъ.

— Вѣдь вы потому и украли, что никогда воромъ не были... не слушая его продолжалъ Ланде. — Я знаю,—вы всегда жили страшно тяжело, но не только не крали, вы даже не пили никогда, не курили... Нашли же вы въ себѣ силы тогда все учиться? Я знаю... Я знаю и какъ вы изучали Евангеліе, какъ вы перестали мясо ѣсть...

— Глупости все это! съ неестественнымъ, дѣланнымъ презрѣніемъ возразилъ Ткачевъ.

— Нѣтъ, не глупости! Это великое дѣло, когда человѣкъ такъ работаетъ надъ самимъ собой! На это надо большую, громадную силу. И она у васъ была... Отчего же ее теперь нѣтъ, Ткачевъ? съ мольбой, хватая его за руки, говорилъ Ланде.—Отчего вы не боролись до конца?

— До какого же такого конца? позвольте васъ спросить, господинъ Ланде? скрививъ все лицо въ злорадную и вмѣстѣ жалкую гримасу и вырывая руки, спросилъ Ткачевъ.

— До побѣды, Ткачевъ! вставая къ нему, отвѣтилъ Ланде.—Человѣкъ все можетъ побѣдить за свою идею; а у васъ была своя идея, что всѣ люди одно, и жизнь и чувство должно быть одно и хорошо! И вы бы побѣдили, Ткачевъ,—вы сильный человѣкъ! Почему же вы упали духомъ, что случилось?

Ткачевъ молчалъ. Замолчалъ и Ланде въ стран-

номъ трепетѣ. Страшный подъемъ, съ которымъ онъ говорилъ, обезсилилъ его. Свѣтлые волосы прилипли ко лбу, губы и руки дрожали, и только глаза попрежнему свѣтились любовью и жалостью.

Ткачевъ довольно долго молчалъ.

— Слушайте, господинъ Ланде, заговорилъ онъ, поднявъ голову, но не глядя на Ланде:—вы вотъ говорите, что знаете меня, и говорите вѣрно... знаете... всю мою разнесчастную жизнь и всѣ мои горькія страданія вы знаете... да... Только вѣдь и я васъ знаю, господинъ Ланде, не хуже вашего! Вотъ-съ! Вы, господинъ Ланде, очень хорошій человѣкъ,—о васъ всѣ такъ говорятъ, и я знаю. Лучше васъ у насъ въ городѣ, а можетъ и нигдѣ, нѣтъ... Я такъ полагаю, что вы, можетъ, святой человѣкъ, потому что душа у васъ чистая... ровно стекло! А позвольте васъ спросить: гдѣ же вы-то были, когда... все это происходило со мной?..

Ланде поднялъ руку.

— Нѣтъ, позвольте теперь мнѣ сказать! крѣпкимъ, злымъ голосомъ перебилъ Ткачевъ. — Много вы въ моей жизни значили, господинъ Ланде, если правду сказать: я васъ давно знаю; мальчикомъ вы еще были, да и я не Богъ вѣсть какимъ взрослымъ былъ, когда... Очень много вы для меня тогда значили! А вы помните, господинъ Ланде, какъ я къ вамъ приходилъ за книгами? Еще вы ѣхать собирались, въ передней чемоданъ увязывали... Я до того, чтобы увидѣть васъ три года ждалъ, а что вы мнѣ сказали?

Ланде весь задергался въ мучительномъ волненіи.

— Ткачевъ, Ткачевъ, это правда... только вѣдь... жалобно закричалъ онъ.

Ткачевъ повернулся къ нему черным, каменнымъ лицомъ и рѣжущимъ голосомъ, сквозь зубы проговорилъ:

— А вы мнѣ сказали, что, молъ, ѣдете... некогда вамъ, послѣ обѣщали поговорить! Только и всего... А я отъ васъ тогда слова на всю жизнь ждалъ... Что-нибудь одно: или вы меня не поняли, проглядѣли,

что во мнѣ было настоящее, или видѣли, да свой отъѣздъ, дѣло, выше поставили. Такъ, господинъ Ланде? Или, можетъ, я не понимаю?..

Богомъ вамъ клянусь, вскрикнулъ Ланде, — что, если бы я понялъ тогда, я остался бы... Вы сами виноваты, Ткачевъ! Надо было приступить прямѣе, сильнѣе, постучаться въ душу прямо! Вѣдь вы же видѣли, что я просто не понимаю!

Ткачевъ медленно и зло усмѣхнулся.

— Видѣлъ, въ томъ-то и дѣло, что видѣлъ. Это-то меня, можетъ, разъ и навсегда и съ дороги-то сбило.

Ланде широко раскрылъ глаза.

— Если бы вы, господинъ Ланде, поставили свой отъѣздъ, по дѣлу, интересъ свой, важнѣе того, что человѣкъ къ вамъ со всею душою пришелъ, я просто, можетъ, плюнулъ бы на васъ и сказалъ: — „Дрянь человѣчишко, такой, какъ и всѣ, дрянь!“ А то нѣтъ... Увидѣлъ я, что вы просто меня не понимаете, не видите моей муки...

Ланде мучительно сжалъ пальцы.

— Вѣдь это можетъ со всякимъ человѣкомъ случиться! Вѣдь бываетъ такое состояніе, точно душа въ немъ спитъ... Вотъ и я спалъ тогда. А вы... отчего вы не разбудили, не растолкали?

Опять Ткачевъ такъ же медленно и зло усмѣхнулся.

— А я подумалъ такъ, господинъ Ланде... Его глухой голосъ зазвучалъ торжественностью, долгожданной, изъ души выболѣвшей исповѣдью. — Вѣдь вотъ, человѣкъ—самый лучшій, другого такого, можетъ во всю жизнь не встрѣтишь, а достучаться въ душу и къ нему трудно...

— Не всегда же, Ткачевъ...

— Ну, не всегда... Такъ вѣдь это же во-о-нъ какой человѣкъ! А вотъ и его иной разъ толкать нужно, чтобы онъ чужою болью поболѣлъ!.. А что жъ тогда другіе-то?.. Вѣдь, пожалуй, и не растолкаешь... а, какъ вы думаете? съ насмѣшкой спросилъ Ткачевъ.

— Не можетъ быть! Надо толкать... можно!

— Да вѣдь этакъ всякаго человѣка расталкивать и силъ не хватитъ... А жить же когда? А?..

Ткачевъ торжествующе замолчалъ.

Ланде свѣтло улыбнулся и тихо заговорилъ.

— Ткачевъ, да вѣдь въ этомъ же и жизнь!.. Отзвукъ этого стука и есть счастье, счастье, самое захватывающее, великое счастье—слышать отвѣтъ и сознавать, что, если даже мы и не достучимся во всѣ сердца, въ одно общее человѣческое сердце, то вѣдь не умретъ начатый нами стукъ, будутъ стучать другіе, за нами, пройдетъ онъ изъ сердца въ сердце, и когда-то... Ткачевъ...

— А, ха-а!—хрипло и громко не то захохоталъ, не то закричалъ отъ боли Ткачевъ.— Фью! рѣзко свистнулъ онъ.

— Вамъ кажется это смѣшно, Ткачевъ? съ широко открытыми глазами спросилъ Ланде.—Вы не вѣрите?

— А вы какъ думали?.. Такъ это, значитъ, одной мечтой жить, въ страданіи счастье искать?.. А самъ-то, самъ... такъ и умирай, какъ жилъ? Какъ будто и не стучался? Го-го! И пить—умереть, и не пить—умереть! Нашли дурака, какъ же! Энто кой-кому—лучше не надо!

Голосъ у него сталъ какой-то гокающій, нахальный и пустой. И если у Ланде была надежда, что Ткачевъ пойметъ его, то въ эту минуту, подъ звуки этого голоса, сразу, невидимая, неодолимая, стала между ними непроницаемая стѣна, и холодъ ея проникъ до самыхъ сердецъ обоихъ. И то, что произошло дальше, было уже дико, нелѣпо и безобразно.

— Ткачевъ, робко и растерянно заговорилъ Ланде,— опомнитесь... Развѣ вы не понимаете?.. Уйдите отсюда,—на васъ эта ужасная обстановка повліяла!

— Куда итти-то? издѣвался Ткачевъ.

— Куда-нибудь... ко мнѣ... Я вамъ денегъ принесъ... Вы возьмете и уѣдете отсюда, забудете; а когда пройдетъ время, вы опомн...

— Де-негъ? сощурившись переспросилъ Ткачевъ, и вдругъ страшно грубо, рѣзко и отчаянно крикнулъ:

— Не надо мнѣ твоихъ денегъ! Деньгами заткнуть хочетъ! Убир-райся!

— Ткачевъ, Ткачевъ... за что? Какъ вамъ стыдно будетъ потомъ! Милый Ткачевъ, вѣдь я... съ горькой мукой говорилъ Ланде и судорожно хваталъ его за руки.

Но Ткачевъ съ силой вырвался, какъ-то съ размаху повернулся, быстро вышелъ изъ камеры, но сейчасъ же и вернулся. Онъ остановился на порогѣ, нѣсколько секундъ неподвижно и пристально смотрѣлъ на Ланде, потомъ тихо проговорилъ, точно про себя: Блаженный... И еще тише, но язвительно и зло, какъ будто источая тонкій ядъ, прибавилъ: —Святая душа на костыляхъ... дуракъ!

Потомъ по-солдатски, рѣзко повернулся и пошелъ вдоль коридора.

— Ткачевъ! позвалъ Ланде.—Ткачевъ!

Но Ткачевъ не отозвался и ушелъ.

V.

Поздно вечеромъ Шишмаревъ пришелъ къ Ланде. Маленькій студентъ, съ рѣзкимъ голосомъ и торопливыми движеніями, весь находился подъ впечатлѣніемъ рѣшенія Ланде отдать деньги. Но онъ чувствовалъ себя какъ-то странно: то, что хотѣлъ сдѣлать Ланде, восхищало его и наполняло душу умиленіемъ, захватывающимъ чувствомъ необыкновеннаго подъема; но въ то же время, ему было странно и неловко, точно самъ онъ дѣлалъ что-то дурное, чего не слѣдовало бы дѣлать.

— Да я-то, собственно, при чемъ? успокаивалъ онъ себя; но все было такъ же неловко.

Онъ торопливо вошелъ въ комнату, пожалъ Ланде руку и сказалъ, почему-то избѣгая смотрѣть ему прямо въ глаза:

— Ну, вотъ и я...

Ланде сейчасъ же полѣзъ въ столъ и досталъ деньги, — четыре пачки длинныхъ, красивыхъ бумажекъ, сухо шелестѣвшихъ въ его тонкихъ пальцахъ.

— Я хотѣлъ тебѣ сказать... вдругъ, точно его толкнуло, заговорилъ Шишмаревъ рѣзкимъ, но смущеннымъ голосомъ.—Можетъ, не всѣ?..

Ланде, какъ будто думая о чемъ-то другомъ, просто сказалъ:

— Все равно, отдавать, такъ всѣ...

Онъ помолчалъ, подумалъ и прибавилъ:

— Леня, я съ тобой не пойду, ты самъ раздай; я скажу тебѣ почему; мама страшно сердится на меня за эти деньги... надо успокоить, поговорить...

Шишмаревъ нерѣшительно взялъ деньги.

— Вотъ, видишь, и твоя мать сердится... неувѣренно возразилъ онъ.

Ланде блѣдно, но твердо улыбнулся.

— Въ такихъ случаяхъ не надо думать о матери! серьезно отвѣтилъ онъ.

Шишмаревъ все не двигался, и все болѣе и болѣе становилось ему неловко.

— Я, право, не знаю... говорилъ онъ. — Какъ же я самъ...

Ланде самъ улыбнулся, но уже свѣтло и ласково.

— Какъ-нибудь... махнулъ онъ рукой. — Сердце подскажетъ. Да и не Богъ вѣсть, какое ужъ это трудное дѣло.

— Ну, какъ знаешь! все такъ же нерѣшительно согласился Шишмаревъ и взялъ фуражку. Почему-то ему вдругъ до слезъ стало жалко Ланде. Въ комнатѣ было какъ-то неуютно, пусто и вѣяло чѣмъ-то монашескимъ, одинокимъ. У Ланде былъ больной и унылый видъ. И противъ воли Шишмареву было странно и непонятно, что у человѣка, дѣлавшаго такое хорошее, большое дѣло, не было на лицѣ радости и гордости.

„Странный онъ какой-то!“ подумалъ Шишмаревъ, и эта мысль, какъ - то незамѣтно для его сознанія, ослабила въ немъ чувство къ Ланде и его поступку.

— До свиданья, сказалъ Ланде.

— Ваня! крикнулъ за дверью дрожащій и странный голосъ матери Ланде.

Губы Ланде страдальчески вздрогнули.

— Иди лучше! тихо, но твердо сказалъ онъ Шишмареву.

Шишмаревъ мялся. Деньги почти физически жгли ему руки, точно уворованныя.

— Просто это надо оставить! сказалъ онъ съ лёгкимъ оттѣнкомъ смутной, непріятной досады.

Ланде покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — это надо сдѣлать. Тамъ страшная нужда, горе... а мамѣ только кажется, что она страдаетъ... Все равно эти деньги я долженъ былъ истратить на себя.

Мать Ланде вошла. Всегда мягкое, освѣщенное печалью и добродушіемъ, старое лицо ея было возбуждено, зло и жестоко. Дышала она тяжело и часто, такъ что это дыханіе было слышно по всей комнатѣ.

Ланде быстро пошелъ ей навстрѣчу, взялъ за обѣ руки и притянулъ ихъ къ груди.

— Мама... твердо сказалъ онъ, заглядывая ей въ глаза.—Не надо.

Шишмаревъ неловко поклонился.

Мать выдернула руки.

— Что не надо? рѣзко и громко, озлобленнымъ, срывающимся голосомъ, по которому было видно, какъ много она кричала и плакала, заговорила она. — Ты права не имѣешь! Отецъ работалъ всю жизнь не для какихъ-то нищихъ! Дуракъ!

Шишмаревъ стоялъ красный и растерянный, машинально держа деньги передъ собою.

— Иди, Леня!.. печально, но спокойно сказалъ ему Ланде.

Мать дико вскочила и загородила дорогу, хотя Шишмаревъ и не трогался съ мѣста. Сѣдые волосы спутались у нея на лбу, и было что-то хищное, нечеловѣческое въ округлившихся, ополоумѣвшихъ глазахъ.

— Это вы его сбиваете! со страшной злобой закричала она.—Какъ вы смѣете? Я жаловаться буду! Это грабежъ... Обрадовались!

— Я... растерянно и оскорбленно началъ Шишмаревъ.

— Отдайте! взвизгнула старуха и быстро выхватила изъ рукъ Шишмарева деньги, по-птичьи согнувъ пальцы, сразу ставшіе костлявыми и крючковатыми, какъ когти.

Вдругъ страшная злоба и обида вспыхнули на лицѣ маленькаго студента.

— Да возьмите, пожалуйста! вздернувъ плечами и сжавъ кулаки, рѣзко вскрикнулъ онъ, такъ громко, что слышно было на улицѣ.

И сразу все стихло. Старуха смотрѣла на него круглыми, странными и страшными глазами. Шишмаревъ повернулся къ Ланде, пошевелилъ губами, задохнулся, и судорога задергала его лѣвый глазъ и щеку. Его душила обида и гнѣвъ и были они противъ Ланде.

— Т... такъ нельзя... проговорилъ онъ. — Прощай, — я пойду... ххм...

— Иди, Леня... такъ же печально и такъ же спокойно отвѣтилъ Ланде. — Не сердись на меня!

Шишмаревъ двинулся, растерянно скривился, точно хотѣлъ еще что-то сказать, но не сказалъ и ушелъ.

Тихо стало въ комнатѣ. Мать Ланде крѣпко держала руку глубоко въ карманѣ вмѣстѣ съ деньгами, зажатыми въ ней, а Ланде смотрѣлъ на нее печально и ровно открытыми глазами. Ихъ было двое въ маленькой комнаткѣ, но каждый чувствовалъ себя, какъ будто былъ одинъ.

— Ты, пожалуйста, выкинь изъ головы эту дурь! все еще сдавленнымъ голосомъ наконецъ проговорила мать.

— Это не дурь... покачалъ головой Ланде.

— Кого ты этимъ думаешь удивить? язвительно продолжала мать. — Какъ тебѣ не стыдно, — до чего довелъ! вдругъ жалко и слезливо проговорила она, вынула руку изъ кармана и заплакала.

— Это не я довелъ... возразилъ Ланде.

Мать плакала... Ланде молчалъ, горько сжавъ руки. Въ комнатѣ было темно и грустно.

— Самъ мнѣ потомъ спасибо скажешь! уже тихо проговорила мать.

— Не знаю. Слушай, мама, разъ ты мнѣ не даешь денегъ, я не буду требовать. Пусть онѣ будутъ тебѣ...

Острая, горькая обида колыхнула мать въ сердце.

— Что-о ты говоришь! со слезами негодованія крикнула она, укоризненно всплеснувъ руками. — Да развѣ я для себя!.. Зачѣмъ онѣ мнѣ?.. Мнѣ умирать пора... Что ты говоришь, опомнись!

Ланде помолчалъ.

— Я знаю... сказалъ онъ.—Но я не то хочу сказать. Я вѣдь, мама, люблю васъ, страшно люблю. Но вы думаете, что сберегая для меня эти деньги, спасаете меня отъ гибели; а я думаю, что этимъ вы меня губите. Неужели вы думаете, что я возьму эти деньги для себя только?.. Все равно, этимъ или другимъ, а я отдалъ бы деньги тѣмъ, кому чувствалъ бы, что ихъ долженъ отдать... А потому...

— Да что ты, наконецъ, съ ума сошелъ, что ли? крикнула мать, и голосъ ея прозвучалъ негодующе и недоумѣло. — Да чѣмъ же ты жить будешь?

— Какъ-нибудь проживу, — объ этомъ не надо думать! убѣжденно отвѣтилъ Ланде.

— На моей шеѣ вѣчно будешь сидѣть? ядовито и грубо спросила она.

— Нѣтъ, со спокойной печалью возразилъ Ланде,— я уйду отъ васъ. Намъ трудно жить вмѣстѣ, не надо: вы не дадите жить мнѣ такъ, какъ я хочу; а я буду мучить васъ... Лучше я буду жить одинъ.

Мать широко раскрыла глаза, и кровь медленно отлила съ ея лица.

— Ваня... что ты говоришь? съ ужасомъ пробормотала она, и лицо и голосъ ея стали растерянными и жалкими.

Ланде тихо вздохнулъ, подошелъ къ ней, сталъ на колѣни и нѣжно сталъ цѣловать ея мокрую отъ слезъ руку.

Она смотрѣла на его голову съ мягкими слабыми волосами и чувствовала, что нѣчто громадное, неодолимое надвигается на нее.

— Не плачь, мама!.. Такъ лучше будетъ... тихо говорилъ Ланде убѣжденнымъ, ровнымъ голосомъ.

VI.

Марья Николаевна сидѣла на открытомъ окнѣ и пристально, задумавшись, смотрѣла на длинную улицу, освѣщенную по одной сторонѣ зеленовато-голубымъ свѣтомъ луны и глубоко-темную по другой. Далеко-далеко ярко и холодно мерцали звѣзды, темныя деревья, какъ окаменѣлыя, стояли въ лунномъ свѣтѣ. Было пусто и холодно.

Издалека послышались одинокіе шаги, отчетливо и тихо постукивавшіе по доскамъ тротуара. Кто-то невидимый шелъ въ ночи, ближе и ближе, и было странно и таинственно слышать эти шаги, точно звуки сами приближались къ звонкой холодной тиши, неся какую-то свою одинокую тайну.

Марья Николаевна далеко высунулась въ окно, и когда въ темнотѣ стала рождаться черная тѣнь, приглядѣлась и узнавъ позвала:

— Иванъ Ѳерапонтовичъ, это вы?

Ланде встрепенулся и остановился, потомъ радостно улыбнулся и подошелъ.

— Куда вы идете? приглядываясь къ нему, спросила дѣвушка

— Домой... къ Семенову... Я вѣдь теперь у него живу... пока... устало и слабо отвѣтилъ Ланде.

Онъ стоялъ у самаго окна, и дѣвушка близко видѣла его осунувшееся, съ неестественно большими глазами лицо. Чувство любопытной жалости, то чувство, которое Ланде постоянно пробуждалъ въ ней, поднялось у нея въ груди, такое же чистое, свѣжее и сильное, какъ и сама молодая грудь.

— Иванъ Ѳерапонтовичъ... мягко, боясь его, спросила она. — Неужели это правда, что вы совсѣмъ разошлись съ матерью?!..

И сейчасъ же она испугалась и заторопилась, точно ей стало больно отъ вырвавшагося вопроса.

— Я потому васъ спрашиваю, что мнѣ такъ жаль и васъ и вашу мать... и вѣдь васъ можно спрашивать обо всемъ... правда?

— Меня можно спрашивать... машинально отвѣтилъ Ланде, видимо не замѣчая ея испуга, и сказалъ грустно и вдумчиво: — Я не разошелся съ нею, — я никогда и ни съ кѣмъ не расходился... Маму я люблю и теперь, можетъ быть, даже больше, потому что она несчастна... Я только ушелъ жить одинъ... Тутъ приходилось выбирать что-нибудь одно: или жить не такъ, какъ я вѣрю, или уйти... Я думаю, и вы сдѣлали бы тоже... такъ...

Марья Николаевна посмотрѣла на него задумчивыми и теплыми глазами.

— Нѣтъ, я такъ не могу... Куда же мнѣ! слабо улыбнулась она.

— Знаете, не слушая продолжалъ Ланде, и въ голосѣ его звучала нота торжественной печали, — легче пожертвовать жизнью, чѣмъ... А впрочемъ, не умѣю я этого высказать! вдругъ засмѣялся онъ коротко и печально и замолчалъ.

— А-а!.. вдругъ тонко и протяжно закричалъ кто-то далеко за садами; а потомъ стало еще тише.

Ланде прислушался и вздохнулъ.

— Гдѣ же вы были? спросила помолчавъ Марья Николаевна.

— Въ монастырѣ, отвѣтилъ Ланде.

— Богу молились? шутливо спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, я такъ... тамъ такъ тихо... серьезно отвѣтилъ Ланде, какъ будто не осуждая и не принимая участія въ ея шуткѣ.

— А вы въ Бога вѣрите? съ молодымъ и дѣвичьимъ, легкомысленнымъ любопытствомъ спросила она.

Ланде посмотрѣлъ на нее.

— Въ Него нельзя не вѣрить! тихо и убѣжденно, какъ бы удивляясь, возразилъ онъ.

— Почему нельзя? А вотъ я не вѣрю! немного

склонивъ голову и прислушиваясь къ красивымъ звукамъ своего голоса, сказала Марья Николаевна.

— Не говорите такъ! печально и горячо возразилъ Ланде.—Это неправда. Всѣ вѣрятъ, и вы вѣрите...

Онъ вдругъ протянулъ руку и взялъ ее за тонкіе, нѣжные пальцы.

— Вы только посмотрите и вы увидите, что нельзя не вѣрить... Пвсмотрите въ небо, посмотрите! съ какою-то горячей мольбой потребовалъ онъ.

Марья Николаевна невольно подняла голову, и большіе глаза ея снизу казались Ланде молящими и прекрасными.

Не было конца небесной шири и не было дна сіяющей глубинѣ. Чѣмъ больше она вглядывалась, тѣмъ дальше и выше, безконечно уходили звѣзды и уничтожались безсильно въ необозримомъ просторѣ. Казалось, таинственно-торжественное молчаніе вѣчнымъ холодомъ остановило и сковало какой-то невѣдомый, безграничный размахъ. Нечеловѣческая сила подняла въ пространствѣ ужасный, непроницаемый, прозрачный сводъ и застыла въ страшномъ напряженіи.

— Тамъ страшно! внезапно вздрогнувшимъ голосомъ проговорила Марья Николаевна. — И вдругъ все это рухнетъ... Господи, можно ли вообразить, подумать, что бы было!..

Ланде ласково и тихо засмѣялся и сталъ гладить ее по рукѣ.

— Нѣтъ, не рухнетъ! сказалъ онъ. — Посмотрите, какая ужасная, безконечная громада, а мы такіе маленькіе, такіе маленькіе, что даже не можемъ видѣть того бѣшенаго вихря, въ которомъ все несется!.. Вы поймите это: какъ малъ долженъ быть человѣкъ! Въ каждый мигъ, въ каждую милліонную часть мига страшное движеніе уноситъ громаду міра въ непонятную даль; а мы видимъ мертвенную неподвижность... Какой долженъ быть ураганъ безконечныхъ звуковъ; а намъ чудится торжественная тишина!.. И все-таки мы, крошечные, идемъ такъ свободно, какъ будто всѣ эти громады уступаютъ намъ дорогу! Какъ

будто насъ проводитъ рука, способная провести сквозь самое стремленіе! Самая малая частица его могла бы стереть насъ, но человѣческая исторія идетъ и развивается такъ свободно, какъ будто она—центръ всего. Для того, чтобы такое маленькое, слабое, такъ шло по своему пути, такъ увѣренно, что дойдетъ до конца, — надо, чтобы оно было нужно въ мірѣ и чтобы воля міровая охраняла его до той поры...

Ланде помолчалъ, посмотрѣлъ блестящими глазами вверхъ и сказалъ:

— Не кажется ли вамъ, что все застыло и ждетъ, пока здѣсь, на землѣ, не совершится то, чему должно быть... А когда совершится, то вдругъ все двинется дальше, здѣсь разрушится, тамъ создастся, засвѣтитъ какой-то новый свѣтъ, появятся новыя формы, новое движеніе.

— Иногда кажется... тихо отвѣтила Марья Николаевна.

Ей было странно жутко. Что-то встало передъ нею огромное, какъ бы изъ вѣчности въ вѣчность и изъ пространства въ пространство. Тишина ночи казалась какой-то торжественно-страшной музыкой.

— Какъ это чудно, какъ это сложно! съ какимъ-то таинственнымъ восторгомъ говорилъ Ланде. — Самая вѣчность и безконечность, въ которыхъ нѣтъ ни малаго, ни большого, въ которыхъ нѣтъ времени, которыми уравнивается мигъ жизни міровъ съ мигомъ жизни одного человѣка!.. Развѣ это холодный мертвый порядокъ машины, созданной бездушнымъ физическимъ закономъ? Это страшный трагизмъ творчества, всеобъемлющаго, въ которомъ нѣтъ дѣленія ни для чего! Есть Духъ этого творчества, Душа міра... Нельзя не вѣрить, нельзя не видѣть!.. не слышать, не чувствовать!..

Откуда-то ледяной, мистическій ужасъ сталъ заползать въ душу Марьи Николаевны. Она нервно съежилась, и глаза у нея округлились, какъ у кошки, увидѣвшей что-то непонятное, страшное.

Ланде замолчалъ, и стало тихо, такъ тихо, что

казалось, будто кто-то идетъ по землѣ, металлически, звонко ступая тяжкими, таинственными шагами.

— У меня въ ушахъ звенитъ! вся дрожа проговорила Марья Николаевна. — Холодно... Прощайте!

Она откинулась въ черную тьму комнаты и затворила окно, слѣпо блеснувшее тусклымъ стекломъ.

Ланде остался одинъ и долго стоялъ посреди пустой улицы, блестящими глазами глядя вверхъ между звѣздами, въ темно-синюю, холодную глубину.

VII.

Закутанный въ простыню, изъ-подъ которой виднѣлись тонкія, голыя ноги и похожій на плохо наряженнаго привидѣніемъ, Семеновъ отворилъ дверь Ланде.

Для глазъ Ланде, все еще какъ бы полныхъ влажнаго простора и чистаго блеска звѣздъ, страненъ былъ желтый, сухой свѣтъ лампы, тоненькая, хрупкая мебель, сбитая кровать съ тощими, горячими подушками и сухое, желтое, несчастное лицо Семенова, и его тоненькія, какъ палочки, бѣлыя ноги.

Семеновъ сидѣлъ на кровати, и страшенъ былъ его видъ. Землистое, сморщенное лицо его, жидкіе волосы, смоченные потомъ и прилипшіе къ обтянутымъ сухой кожей вискамъ, тощее тѣло, напяленное на узкихъ, острыхъ лопаткахъ,—все говорило простымъ и страшнымъ языкомъ объ одинокой, никому непонятной во всей громадности своего горя, безсмысленной болѣзни, скрывшейся внутри одного человѣка и заключившей тамъ, возлѣ мѣста разрушенія, весь его міръ—страданіе, отчаяніе и ужасъ.

Семеновъ посмотрѣлъ на Ланде расширенными, блестящими лихорадкой глазами, и когда Ланде сѣлъ возлѣ него на постели, проговорилъ путаясь:

— Хорошо, что пришелъ... Скверно... страшно чего-то... было. Скоро я умру уже, Ланде...

Казалось, онъ говоритъ не Ланде, а кому-то страстному и огромному, томящемуся въ глубинѣ его боль-

ного, страдающаго тѣла, убѣждая его въ неизбѣжномъ и еще невообразимомъ концѣ.

Острая, какъ боль, жалость охватила Ланде; онъ всѣмъ тѣломъ повернулся къ Семенову и обнялъ его обѣими руками за худыя, пахнущія холоднымъ потомъ, плечи. Свозь истертую, жидкую рубашку чувствовалось горячее, сухое тѣло и кости, острыя и страшныя.

— Вася... милый мой, бѣдный! заговорилъ онъ и сталъ убѣждать его въ томъ, во что вѣрилъ самъ, любовно и наивно: что не можетъ быть жизни только для земли, что слишкомъ громадны усилія и страданія, чтобы они умирали, не поднявшись отъ земли, что непонятно, убого и безсмысленно было бы тогда существованіе духа человѣческаго, съ его свѣтлымъ разумомъ и гибкой, богатой мыслью, въ безконечно великомъ, стройномъ и вѣчномъ мірѣ.

Ланде говорилъ долго, торопясь, какъ будто боясь, что не успѣетъ своими словами остановить, не успѣетъ загромоздить пути тому темному, громадному, что неуклонно надвигается и медленно овладѣваетъ страдающей душой. Семеновъ сидѣлъ неподвижно, скорчившись и глядя въ упоръ на огонь лампы. Тонкія, потрескавшіяся губы его были плотно сжаты. Сбоку Ланде былъ виденъ блестящій, круглый глазъ его, отражавшій желтый огонь лампы, и по временамъ ему казалось, что Семеновъ его не слышитъ, и Ланде хотѣлось закричать ему въ ухо, позвать, потрясти за плечо, съ великою скорбью и отчаяніемъ. И съ ужасомъ видѣлъ онъ, что это одинокое страданіе остается глухо и замкнуто, какъ крышка желѣзнаго гроба, холоднаго и нѣмого, таящаго въ себѣ страшную тайну, вѣдомую ему одному.

— Вася, вѣдь я знаю, ты вѣрилъ! съ мукой говорилъ Ланде.—Помнишь, какъ мы были счастливы и свѣтлы, когда говорили о Богѣ, о вѣчной жизни, о вѣчной радости!.. Что же ты молчишь, Вася?.. Скажи что-нибудь!

— Слушай, Ланде... вдругъ отозвался Семеновъ,

не поворачивая головы, точно скрывая отъ него какое-то тайное выраженіе своего лица, и заговорилъ не такъ, какъ говорилъ всегда—не несерьезно и иронически, какъ взрослый человѣкъ съ ребенкомъ,—а жалкимъ безпомощнымъ и растерянным голосомъ, съ дѣтскими всхлипывающими звуками.—Я хотѣлъ тебѣ сказать, Ланде... не хочется умирать!

Тоненькая острая тоска плакала и молила въ томъ, что онъ говорилъ, и голосъ его мучительно входилъ въ уши.

— Не хочется, Ланде... Пусть все такъ, можетъ быть... и я... только раньше васъ прихожу къ общей цѣли... Пусть и Богъ и все... а... не хочется умирать, Ланде!.. Жаль жизни, жаль тебя, себя, жаль солнца, травы... всего... Можетъ, я больше никогда не увижу... Ланде!

Ланде плакалъ; крупныя слезы текли по его худому напряженному лицу и руки безсильно шевелились.

Семеновъ замолчалъ. Потомъ всталъ, ероша жидкую, свѣтлую бороду, подумалъ о чемъ-то и опять сѣлъ. Морщинистое лицо его сразу измѣнилось и стало сухимъ и желтымъ.

— Дуракъ ты, Ланде! зло усмѣхаясь, сказалъ онъ:—неужели ты думаешь, что всѣ эти глупости о Богѣ могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, когда и въ самомъ дѣлѣ приходится умирать?.. Все это очень красиво и пріятно думать о безсмертіи... необходимо думать, что-бы жить. А когда умираешь и не видишь ни впереди, ни позади никакого Бога .. не обманешь, да и незачѣмъ... Не говори ты мнѣ ничего больше!.. Это меня только раздражаетъ!..

Тоненькимъ и злымъ голосомъ крикнулъ онъ послѣднее слово, и нижняя челюсть у него неудержимо запрыгала.

— Вотъ я страдаю... Можешь повѣрить, что не на шутку страдаю, криво усмѣхаясь, сказалъ онъ.— Жизнь уже кончена, всѣ радости, смыслъ... все... кончено!.. Осталось одно страданіе... кажется, тутъ

ужъ и нужно Бога... Тутъ страданіе уже нелѣпое!.. А гдѣ же твой Богъ?.. Что же онъ не приходитъ?.. Вѣдь, когда я буду въ агоніи и ноги у меня будутъ холодѣть... на глазахъ, на сознаніи моемъ будутъ холодѣть... Ты это понимаешь!.. А... б... я все еще не буду знать, правда ли это, есть ли Богъ!.. Да на что же мнѣ зна...!

Голосъ Семенова въ нелѣпо страшномъ тонѣ, засвистѣлъ и завизжалъ, вонзился въ землю и сорвался. Семеновъ поблѣднѣлъ, дико вытаращилъ глаза, весь затрясся и вдругъ мучительный, надорванный и мокрый кашель точно порвалъ въ куски его исказившееся отъ страха, ненависти и боли лицо.

Ланде подхватилъ его и поддержалъ трясущимися руками. Семеновъ выкатывалъ прямо ему въ лицо огромные, какъ страданіе, глаза и силился что-то сказать.

— Т... такъ какая же цѣна твоему Богу!—отдышавшись и дико косясь на платокъ, въ которомъ были мокрота и кровь, проговорилъ онъ,— для живого человѣка. Человѣкъ значитъ, узнаетъ Его, если Онъ и есть, только тогда, когда все человѣческое въ немъ, все живое кончится... когда человѣка уже не будетъ, будетъ трупъ, а не человѣкъ... Ложись спать... Я лампу потушу...

Ланде ничего больше не отвѣтилъ: слова Семенова падали, и безвредно, не возмущая, растворялись въ чемъ-то огромномъ и глубокомъ, наполнявшемъ его душу; но словъ не было въ отвѣтъ, и безсиленъ онъ былъ передать чувство свое и вѣру свою другому, страдавшему отъ него въ двухъ шагахъ человѣку. И тяжкое чувство безпомощности надавило ему на сердцѣ холодной, смертной тоской.

Семеновъ остро посмотрѣлъ на него и съ мучительнымъ наслажденіемъ усмѣхнулся.

— Знаешь, о чемъ я думалъ сегодня Ланде? обычнымъ своимъ тономъ заговорилъ онъ, тонко кривя ротъ. — Что всѣ люди — мнѣ братья, а потому дѣйствительно придутъ и дадутъ мнѣ послѣднее братское

цѣлованіе... Но только я тебѣ скажу, продолжалъ онъ съ напряженнымъ чувствомъ сдерживаемаго возврата бѣшенства, — что меня если что и утѣшаетъ, такъ это только то, что всѣ сдохнутъ!..

Онъ легъ на кровать, завернулся съ головой въ одѣяло, и маленькій, щуплый, какъ убитый пыпленокъ, застылъ.

Ланде потушилъ лампу и легъ ничкомъ, не раздѣваясь, лицомъ уткнувшись въ подушку. Въ эту ночь онъ не спалъ; она прошла для него почти незамѣтно, какъ будто онъ былъ внѣ времени Безъ сна и покоя думалъ онъ о томъ, что самъ не проникъ и не углубился въ свою радостную вѣру, ибо безсиленъ передать ее, ибо и самъ страдаетъ, хотя и чужимъ страданіемъ, самъ хочетъ милости, отмѣны и изцѣленія, хотя и для другого. Жалость, какъ молнія, прорѣзала сверху донизу его незыблемую вѣру въ великую правоту и предвѣчный, необъятный смыслъ Бога. И тогда подумалъ онъ въ первый разъ, что жизнь слишкомъ сложна, велика и странна для его слабаго ума, что среди блеска и треска ея огней онъ теряетъ истинный свѣтъ, и что только одиночество, сосредоточенное углубленіе въ душу свою, дали бы ему снова ясность и крѣпость въ вѣрѣ, пошатнувшейся въ немъ отъ жалости.

Мысль эта, еще смутная и неопредѣленная, легла ему на душу.

VIII.

Всякій разъ, когда Марья Николаевна видѣла Ланде, что-то чистое и кроткое овладѣвало ею и согрѣвало душу, какъ ясный и тихій свѣтъ утра. Случалось ли ей раздражаться, скучать, смутно и жадно желать чего-то, она успокаивалась тотчасъ же, какъ только встрѣчала Ланде, съ его дѣтскими довѣрчивыми, добрыми и ясными глазами.

И это чувство довѣрчиваго и яснаго спокойствія съ особенной силой овладѣло ею въ одинъ ясный и

теплый вечеръ, почти черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Ланде, когда они вдвоемъ пошли гулять за городъ.

Сейчасъ же за послѣдними, крѣпко придавленными къ землѣ домами окраины, начинались волны сыпучаго и бѣлаго песку. Солнце заходило гдѣ-то сзади, и ихъ длинныя тѣни, неестественно высоко поднимая длинныя ноги, шагали впереди, точно указывали имъ дорогу, какъ безконечныя черныя стрѣлы. Далеко на буграхъ, въ пустомъ полѣ, отчетливо вырисовываясь на синемъ небѣ и ярко освѣщенный низкимъ солнцемъ, сидѣлъ человѣкъ.

— Это Молочаевъ, сказала Марья Николаевна.

Ясно было видно, какъ художникъ что-то дѣлалъ надъ маленькимъ, комично стоявшимъ на тоненькихъ, колкихъ ножкахъ, бѣлымъ мольбертикомъ.

— Нравится вамъ Молочаевъ? спросила Марья Николаевна, и чувство, которое было въ ней, радостно ждало именно того спокойнаго и добраго отвѣта, какой, какъ ей казалось, могъ давать всегда одинъ Ланде.

Ланде улыбнулся.

— Мнѣ всѣ нравятся... сказалъ онъ. — Всѣ люди въ сущности одинаковы, и кто любитъ человѣка вообще, тотъ любитъ всѣхъ и каждаго...

— Но, вѣдь, бываютъ же люди хуже и лучше?

— Нѣтъ, не думаю... Это только такъ кажется тогда, когда мы начинаемъ оцѣнивать человѣка не по хорошимъ чувствамъ, которыя есть въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, а по отношенію его къ тѣмъ фактамъ, которые съ нашей личной точки зрѣнія представляются намъ хорошими... Это вѣдь несправедливо... Надо быть очень увѣреннымъ въ своей непогрѣшимости, чтобы такъ судить!.. Да... У всякаго есть любовь, доброта, деликатность, честность, самоотверженіе, — все, чѣмъ богата душа человѣка. Только условія жизни людей неодинаковы, и оттого чувства эти направляются не въ одну сторону... Но никому не доставляетъ удовольствія быть такъ про-

сто, ради чувства, злымъ, завистливымъ, жестокимъ, жадным ъ...

— А мнѣ иногда доставляетъ удовольствіе быть жестокой... задумчиво возразила Марья Николаевна.

Ланде съ ласковой нѣжностью посмотрѣлъ сбоку на ея тонкую, выпуклую фигуру и нѣжный, прозрачный профиль, всегда казавшійся грустнымъ, какимъ бы ни было въ дѣйствительности выраженіе ея лица.

— Вѣдь это мучительное болѣзненное наслажденіе... сказалъ онъ.—А истинной, спокойной и свѣтлой радости отъ жестокости не испытываетъ самый закоренѣлый злодѣй, если онъ только не душевно-больной, то-есть уже не человѣкъ. Всякому человѣку надо что-нибудь любить, жалѣть, для чего-нибудь жертвовать собою; вѣчно онъ создаетъ себѣ Бога, ибо Богъ въ душѣ его. И не его вина, если жизнь направляетъ его чувство не по настоящему пути... Это все отъ внѣшнихъ условій, отъ того русла, въ которое вольется случайно жизнь. Вотъ и Молочаевъ... вѣдь онъ страстно любитъ свое искусство, красоту; я знаю, что онъ пойдетъ на всякіе подвиги и жертвы для него. Значитъ, есть въ немъ способность, и даже громадная способность, любить. Другой случай, иной толчекъ— и его громадная любовь направится въ другую сторону, и изъ этого же, на видъ... съ нашей точки зрѣнія, узкаго, пустого художника—выйдетъ подвижникъ, человѣколюбецъ... все!

— Вы вѣрите въ людей! тихо сказала Марья Николаевна.

— Вѣрю! твердо отвѣтилъ Ланде.

— Что вамъ даетъ такую вѣру? тихо спросила Марья Николаевна, почему-то стыдясь своего вопроса.

— Вѣра въ Бога! тѣмъ же тономъ, какъ бы продолжая, отвѣтилъ Ланде. — Я вѣрю, чувствую, что духъ Божій, брошенный Богомъ въ хаосъ для созданія себѣ подобнаго, проходитъ сквозь человѣка навстрѣчу желанію божьему, проходитъ сквозь ужасную, титаническую творческую муку, проходитъ, чтобы облегчить великое одиночество Божіе... Я не

могу этого выразить, но я вѣрю въ человѣка, какъ въ начало Будущаго... Вѣрю!

Ланде замолчалъ въ сильномъ волненіи, нервно улыбаясь, свѣтя глазами, влажными и блестящими, и ломая худые, слабые пальцы.

Волненіе его странно сообщилось дѣвушкѣ.

— А смерть? со смутной надеждой и тревогой спросила она, отвѣчая своимъ мыслямъ.

— Боитесь ли вы смерти? спросилъ вмѣсто отвѣта Ланде.

— Боюсь! протяжно отвѣтила Марья Николаевна: услышала свой голосъ и засмѣялась.

И смѣхъ ея чисто и звонко отдался въ маленькомъ, молодомъ бору, къ темно-зеленой полосѣ котораго они медленно подходили.

— Нѣтъ, не боитесь! радостно засмѣялся и Ланде. — И нельзя бояться самой смерти... Ничто въ мірѣ не боится самой смерти, боится только человѣкъ и боится не ея, а неизвѣстности... Страхъ смерти —это усталость слабаго ума, измучившагося въ безсильныхъ стараніяхъ преждевременно проникнуть въ тайну. А онъ бы и не вынесъ ея, несовершенный... Смерти нѣтъ... я вѣрю!

Они вошли въ смолистый сумракъ первыхъ пушистыхъ зеленыхъ елочекъ. Подъ ними было темно и казалось, что уже вечеръ. Иглистыя вѣточки тихо покачивались надъ зеленой травой у дороги. Какая-то птица неслышно порхнула внизъ между корней.

— Вы, значитъ, вѣрите въ загробную жизнь? съ дѣтскимъ, непослѣдовательнымъ любопытствомъ спросила Марья Николаевна.

— Я только чувствую, что не могу безслѣдно уничтожиться... отвѣтилъ Ланде, не удивляясь ея вопросу. — Но что это будетъ, я не знаю. Разсуждать и представлять себѣ человѣкъ можетъ только то, что въ предѣлахъ его настоящаго бытія, его теперешняго разума и ощущенія. Нельзя представить себѣ вѣчную жизнь, ибо это внѣ нашей тѣлесной жизни: тѣло не вмѣститъ и притянетъ къ себѣ, ума-

литъ до своихъ размѣровъ... Можно только предчувствовать.

— Я не понимаю... робко отозвалась дѣвушка. — Если она есть, то это странно...

— Нѣтъ, не странно. Что же страннаго въ томъ, что вы не въ силахъ объяснить себѣ великаго предчувствія, когда даже чувства, заключенныя въ самомъ тѣлѣ нашемъ, мы не можемъ объяснить себѣ... Что такое любовь?.. А вѣдь это не странно вамъ?

— Любовь? чутко откликнулась дѣвушка. — Да, любовь!.. тихо повторила она.

— Вѣчность и безконечность — самыя великія свойства Духа Божія... мечтательно говорилъ Ланде. — Еще такъ далекъ человѣкъ отъ воспринятія этихъ послѣднихъ тайнъ... А когда наст...

— Кто это? испуганно сказала Марья Николаевна и остановилась.

Два человѣка вышли изъ-за кустовъ имъ навстрѣчу. Ихъ выпуклыя, мягко-пестрыя фигуры неслышно ступали по сырой землѣ въ зеленомъ, влажномъ сумракѣ бора. Они подходили не торопясь, даже тихо, и опустивъ руки, но было въ нихъ что-то особое, тревожное и страшное, какъ скрытая угроза.

Ланде спокойно поднялъ голову и посмотрѣлъ на нихъ.

— Ткачевъ! громко и удивленно сказалъ онъ.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, люди остановились и исподлобья оглянулись назадъ и кругомъ. И это безпокойное оглядываніе въ ясномъ и тихомъ сумракѣ было неестественно и страшно.

— Бѣжимъ! съ ужасомъ шепнула Марья Николаевна надъ ухомъ Ланде.

Онъ не узналъ ея голоса, приниженнаго и сухого, и съ удивленіемъ оглянулся на нее.

Ткачевъ, черный и сухой, въ рваномъ пиджакѣ поверхъ рубахи, остался на мѣстѣ; а другой, неизвѣстный, ловкими босыми ногами легко подошелъ къ нимъ, и Марьѣ Николаевнѣ на всю жизнь почему-то

ярко и страшно врѣзались въ глаза его босые, далеко разставленные пальцы, между которыми попадали иголки нѣжно-зеленой травы.

— Не будетъ ли на косушку? развязно и хрипло сказалъ человѣкъ, протягивая большую руку.

Марья Николаевна судорожно ухватилась за локоть Ланде и прижалась къ нему. Ткачевъ не шевелился.

— Ну? угрожающе повторилъ босой.

Ланде съ трудомъ досталъ свободной рукой кошелекъ.

— На-те... печально и серьезно глядя въ глаза босому, сказалъ онъ.

Ткачевъ издали язвительно улыбнулся.

— Что мало? быстро спрятавъ куда-то кошелекъ, торопливо спросилъ босой. — Давай спинжакъ... Живо!.. Барышня, вы бы отошли... Нехорошо! издѣваясь прибавилъ онъ.

Марья Николаевна, широко раскрывъ на него глаза и вся дрожа, въ полъ-оборота стояла на дорогѣ. Ланде опять печально улыбнулся, снялъ пиджакъ, и въ одной старой рубахѣ, со складочками на груди, плохо заглаженными, сталъ худѣе и слабѣе.

— Портки хороши больно... безпокойно оглядываясь и встряхивая пиджакъ передъ самымъ носомъ Ланде, проговорилъ босой. — Снимай, что-ли!..

— А вамъ они нужны? спокойно возразилъ Ланде, но сейчасъ же сѣлъ на траву. — Уйдите, Марья Николаевна... сказалъ онъ. — Богъ съ ними...

И вдругъ Марья Николаевна почувствовала приливъ нервнаго, сумасшедшаго смѣха. Точно кто-то шутя, но сильно сдавилъ ее за горло, такъ было дико и страшно, но въ то же время смѣшно. Полураздѣтый Ланде съ серьезнымъ и мягкимъ лицомъ сидѣлъ на травѣ, а босой тянулъ его за ногу. Ткачевъ пошевелился и издалъ какой-то странный, хриплый звукъ, на который никто не оглянулся; подернулъ плечомъ, точно ему стало холодно, и опять застылъ, пристально глядя на Ланде.

— Идите, Марья Николаевна!.. повторилъ Ланде.

Э... барышня! Постой-ка! спохватился босой. — Это что?.. и онъ протянулъ руку къ ея груди, на которой качалась длинная цѣпочка часовъ.

Ужасно, омерзительно-грубое почудилось дѣвушкѣ въ этомъ движеніи. Изогнувшись, какъ змѣя, она скользнула въ сторону, и вдругъ, подобравъ высоко и дико-красиво платье, стремглавъ бросилась бѣжать по дорогѣ, точно рѣзкій вѣтеръ внезапно подхватилъ и понесъ большой, бѣлый разбитый цвѣтокъ.

— Куда! коротко крикнулъ босой и, бросивъ пиджакъ прямо на голову Ланде, прыгнулъ мимо него ловко и легко, какъ хищный лѣсной звѣрь.

И въ тотъ же мигъ, дикій, тонкій и острый, какъ игла, женскій крикъ пронизалъ боръ и высоко вонзился въ потемнѣвшее небо.

Крикъ этотъ услыхалъ подходившій за поворотомъ Молочаевъ. И такъ же быстро-инстинктивно, какъ всегда и во всемъ, соображая, онъ бросилъ ящикъ и мольбертъ и съ мѣста рванулся бѣжать. Босой увидѣлъ его прежде всѣхъ. Съ размаху остановившись и поскользнувшись въ травѣ, онъ пригнулся къ землѣ, съ секунду смотрѣлъ на Молочаева круглыми, дикими зрачками, и вдругъ бросился прочь по кустамъ, съ трескомъ и шумомъ. Марья Николаевна налетѣла на дерево и больно ударившись всѣмъ тѣломъ, остановилась, съ разбившимися волосами и безумными глазами, не понимая, что съ ней. Мимо, тяжело сопя, торопливыми скачками пробѣжалъ Молочаевъ и, минуя Ланде, который поднялся и весь бѣлый, тоненькій и слабый, стоялъ на травѣ у края дороги, налетѣлъ на Ткачева. Ткачевъ видѣлъ его еще издали, и одно мгновеніе показалось, что онъ побѣжитъ; но онъ не побѣжалъ, а только съежился и черный и упрямый стоялъ и ждалъ подбѣгавшаго Молочаева. Онъ стучалъ зубами, и его темные глаза съ опущенными вѣками горѣли мрачнымъ и упорнымъ огнемъ. Молочаевъ молча подбѣжалъ къ нему и прежде, чѣмъ Ткачевъ пошевелился, размашисто вскинулъ кулакомъ

и со страшной силой ударилъ его прямо въ лицо. Ткачевъ тихо, испуганно охнулъ, взмахнулъ руками; шапка у него соскочила, прыгнувъ по спинѣ, и онъ грузно и твердо сѣлъ. Другой ударъ пришелся сверху, по головѣ, и Ткачевъ, свернувшись на бокъ, странно и неуклюже свалился на дорогу, ударившись головой о землю.

— Молочаевъ, Молочаевъ! пронзительно вскрикнулъ Ланде и, какъ былъ, въ одномъ бѣльѣ, бросился къ нимъ и ухватился за руку Молочаева. — Оставьте!

Марья Николаевна, съ ужасомъ прижавшись къ соснѣ, издали смотрѣла на нихъ.

Молочаевъ, тяжело дыша, весь красный и возбужденный, опустилъ руки, а Ланде торопливо сталъ на колѣни и старался поднять Ткачева. Побитый не шевелился, и голова его на длинной и тонкой шеѣ безпомощно ерзала по землѣ.

— Вы его убили! съ ужасомъ пробормоталъ Ланде.

— Ну... такъ ему и надо! жестко отвѣтилъ Молочаевъ.

Но Ткачевъ вдругъ быстро поднялся на руки и всталъ. По лицу его текла густая кровь, на вискѣ прилипла земля, и вся лѣвая сторона лица и носъ были страшнаго, грязно-кроваваго цвѣта.

— Ожилъ!.. Будетъ знать въ другой разъ! безжалостно и возбужденно сказалъ Молочаевъ. Руки у него вздрагивали и сжимались, точно ему хотѣлось еще бить и рвать.

Ланде его не слушалъ; онъ досталъ изъ кармана лежавшихъ на травѣ брюкъ носовой платокъ и совалъ его Ткачеву.

— Вытрите... кровь... Ахъ, Боже мой, что это такое! безсвязно, съ безконечнымъ ужасомъ и болью бормоталъ онъ.

Ткачевъ не двигался и платка не бралъ. Одинъ глазъ у него запухъ, а другой глядѣлъ одиноко и страшно. Кровь капала съ подбородка и разбитой губы на засаленный отворотъ пиджака.

— Да что съ нимъ разговаривать еще!.. въ то же время говорилъ Молочаевъ. — Вотъ я его сведу куда слѣдуетъ, такъ... Эй, ты! иди-ка, ну! и Молочаевъ грубо схватилъ Ткачева за шиворотъ и дернулъ такъ, что тотъ уродливо и безсильно шагнулъ два раза впередъ и поскользнулся.

— Да оставьте же! пронзительно и гнѣвно крикнулъ Ланде и всѣмъ своимъ слабымъ тѣломъ бросился на руку Молочаева.

Молочаевъ съ удивленіемъ и злостью посмотрѣлъ на него.

— А вы какого чорта дурака разыгрываете! вспылилъ онъ, но вдругъ неожиданно опустилъ руку, молча поглядѣлъ на раздѣтаго Ланде, прыснулъ и раскатисто захохоталъ. Марья Николаевна, сама не замѣчавшая, какъ подошла къ нимъ, съ удивленіемъ взглянула на Молочаева, потомъ на Ланде, опомнилась, покраснѣла до ушей и, быстро отвернувшись, пошла прочь по дорогѣ.

— Ахъ, вы, шутъ гороховый! проговорилъ сквозь смѣхъ Молочаевъ.

Вдругъ черная, кровавая маска Ткачева исказилась, и онъ хрипло и злобно засмѣялся, брызгая кровью. И этотъ смѣхъ избитаго былъ уродливъ и страшенъ. Ланде смотрѣлъ на нихъ и улыбался спокойно и печально, какъ всегда.

— Да одѣвайтесь вы, чортъ васъ побери! крикнулъ Молочаевъ, махнулъ рукой и пошелъ вслѣдъ за дѣвушкой.

Ланде не обратилъ на него никакого вниманія точно Молочаева тутъ и не было.

Ткачевъ пересталъ смѣяться, однимъ глазомъ посмотрѣлъ на Ланде, потомъ вслѣдъ Молочаеву, повернулся и медленно пошелъ.

— Ткачевъ! крикнулъ Ланде.

Ткачевъ остановился и всталъ въ полъ-оборота. Ланде подошелъ.

— Ткачевъ, умоляюще заговорилъ онъ, дотрогиваясь до его рукава, — вы нарочно это устроили: я

по вашимъ глазамъ видѣлъ!.. Зачѣмъ это, Ткачевъ, зачѣмъ?

Ткачевъ тяжело и хмуро взглянулъ на него, точно не слыша и думая о другомъ.

— Видалъ ты настоящаго человѣка? хрипло спросилъ онъ. — Вонъ, смотри!.. дернулъ онъ худой и длинной шеей въ сторону Молочаева. — Это человѣкъ... сила!.. А ты... такъ, мразь одна! Такъ, ни къ чему ты!

— Можетъ быть, согласился Ланде, — но только, все-таки, за что же вы меня ненавидите? Неужели только за то, что я хуже его?

Ткачевъ уныло помолчалъ, глядя въ сторону.

— А за то, что я сколько лѣтъ въ тебя вѣрилъ! Самъ вотъ до чего дошелъ... горько ткнулъ онъ себя въ разбитую щеку,—и вижу теперь, что дуракъ былъ, сладкой брехнѣ вѣрилъ... А жизнь - то гдѣ? И прошла... Мнѣ теперь, можетъ, человѣкомъ быть, а я... Ты-то понимаешь теперь?.. Ты?.. А ему... а ему я это отплачу-у!..—вдругъ прибавилъ онъ и съ безсильной злобой потрясъ чернымъ кулакомъ. — Самъ пропаду, а ему я это попомню!.. Подожди-и!

Ткачевъ быстро повернулся и пошелъ прочь. Ланде показалось, что онъ хрипло и тихо залаялъ; но больше Ткачевъ не обернулся и скоро затерялся въ зеленомъ сумракѣ бора. Ланде долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ съ глубокимъ и растерянным отчаяніемъ заломилъ руки, вздохнулъ и, одѣвшись, медленно повернулся догонять Марью Николаевну и Молочаева.

„Теперь онъ въ ожесточеніи, а когда успокоится, я найду его...“ смутно мелькало въ головѣ Ланде.

— Вотъ здѣсь я вашъ крикъ услыхалъ!—оживленно разсказывалъ художникъ, подымая съ дороги ящикъ и мольбертъ.—Я вѣдь васъ давно замѣтилъ и хотѣлъ догнать, да уронилъ шпахтель и долго искалъ... Ну, слава Богу, все-таки поспѣлъ во-время!

Марья Николаевна чуть-чуть оглянулась, почувствовавъ Ланде. Онъ улыбнулся ей довѣрчиво и ласково, но она быстро отвернулась, подавляя припадокъ

все еще нервнаго смѣха. Въ эту минуту Ланде казался ей только жалокъ и смѣшонъ.

Молочаевъ тоже посмотрѣлъ на него и съ злорадным презрѣніемъ сказалъ:

— Эхъ, вы!.. герой!..

— Я не герой...—махнулъ рукой Ланде, съ рѣдкой для него досадой.

— Оно и видно!—злорадно скривился Молочаевъ.

И всю дорогу, до самаго дома онъ грубо и жестоко острилъ надъ Ланде и съ хвастливымъ удовольствіемъ разсказывалъ о своей страшной физической силѣ. Ланде печально улыбался, а Марья Николаевна искоса поглядывала на Молочаева со страннымъ чувствомъ физическаго любопытства, и ея тонкія, прозрачныя, какъ у породистой лошади, ноздри чуть-чуть раздувались. Ей было и интересно и немного противно.

IX.

Было уже темно и луна еще не всходила, когда Ланде подходилъ къ дому. Думалъ онъ все о Ткачевѣ, и думы его были упорны и мучительны.

„Когда онъ смѣялся надо мной, онъ страдалъ больше, чѣмъ я самъ; это я видѣлъ... Это — ужасъ, но кто въ немъ виноватъ, онъ, я... или кто-то внѣ насъ?.. Я не знаю... Надо бороться, но какъ бороться, когда я не понимаю даже, откуда это?..“

Было тихо. Ланде шелъ, упорно глядя невидящими глазами въ темную землю, медленно уходившую изъ-подъ его ногъ назадъ.

— Па-а!..—отчаянно, съ болѣзненной мольбой закричалъ гдѣ-то поблизости ребенокъ, и вся тихая, пустынная и темная улица вдругъ вспыхнула и ожила дикими, безобразными звуками.

— Папа... не буду... папочка! безпомощно кричалъ и какъ будто рвался ребенокъ.

— Не будешь?... Не будешь?... Не будешь? методично, все повышая и напирая на звукъ, скрипѣлъ отрывистый и какой-то сухой басъ. И чудилось, что

въ короткихъ промежуткахъ между обрывками словъ дѣлается что-то безобразное и страшное.

Кто-то стоялъ подъ окномъ флигеля и чутко прислушивался. Тоненькая, блѣдная тѣнь дѣвочки, съ бѣлымъ личикомъ и большими, блестящими жуткимъ чувствомъ глазами, колебалась въ сумракѣ странно и неясно.

— Это вы, Соня? смутно узнавая сестру Семенова и хватая ее за худенькую руку, спросилъ Ланде. — Что это такое?..

— Слышите, онъ его убьетъ! отозвалась она страннымъ полудѣтскимъ, полуженскимъ голосомъ, и съ движеніемъ жестокаго и дикаго любопытства вытянула шею къ окну.

Ланде, съ трудомъ оторвавшійся отъ своихъ думъ, вдругъ понялъ, охнулъ, опрометью, стукнувшись колѣномъ о невидимый въ темнотѣ тротуарный столбикъ, вбѣжалъ во дворъ, вскочилъ на крыльцо и толкнулъ дверь въ комнату.

Тамъ горѣла лампа большая и свѣтлая, отражаясь снопомъ золотыхъ искръ въ кучкѣ образовъ, нагроможденныхъ въ углу до самаго потолка. А посреди комнаты, лицомъ къ двери, странно и какъ-то сладострастно согнувшись, стоялъ Фирсовъ, въ одномъ форменномъ жилетѣ, съ мелкими блестящими пуговками, и равномѣрно, продергивая, стегалъ длиннымъ, тонкимъ ремешкомъ по покраснѣвшему маленькому тѣлу, которое было крѣпко зажато между его длинными, костлявыми колѣнями въ сѣрыхъ штанахъ.

— Не будешь! Не будешь! рѣжущимъ голосомъ, стиснувъ зубы, повторялъ онъ, и въ каждомъ промежуткѣ межъ словъ хлестко и съ наслажденіемъ стегалъ ремнемъ, прорѣзывавшимъ синими полосами нѣжно-розовое, округленное мягкое тѣло.

Что-то холодное и туманное ударило въ голову Ланде, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить, что дѣлать, почти въ бѣшенствѣ бросился къ Фирсову, схватилъ тонкую, жилистую руку и изо всей силы толкнулъ его въ грудь. Фирсовъ дрыгнулъ поскольз-

знувшимися ногами, уронилъ ремень и ребенка и ухватился за столъ... Что-то зазвенѣло и разбилось объ полъ.

— Это еще что такое! Вамъ что надо? заревѣлъ онъ, сжимая кулаки.

Ланде прижалъ къ себѣ навзрыдъ плачущаго ребенка и смотрѣлъ ему навстрѣчу огромными, гнѣвными глазами.

— Фирсовъ, опомнитесь! дрожащими губами, но съ странной неотвратимой силой выговорилъ онъ.

Съ минуту Фирсовъ безумно смотрѣлъ ему въ глаза точно не узнавая, а потомъ вдругъ густо покраснѣлъ, и мрачный и дикій огонь, горѣвшій въ его круглыхъ глазахъ, сразу потухъ. Онъ судорожно провелъ рукой по головѣ и пробормоталъ:

— Ахъ, это вы, Иванъ Ѳерапонтовичъ!.. Извините... я...

— Опять, Фирсовъ, опять! съ напряженнымъ укоромъ сказалъ Ланде. — Какъ вамъ не стыдно, какъ вамъ не грѣхъ!

Онъ отвернулся и легонько толкнулъ ребенка къ Сонѣ, молча стоявшей въ дверяхъ.

Желтое, длинное лицо Фирсова сдѣлалось мѣднымъ.

— Позвольте, Иванъ Ѳерапонтовичъ... — хрипло заговорилъ онъ.—Вы не знаете... я не безъ причины...

— Какая можетъ быть причина!—съ тою же силой и гнѣвнымъ презрѣніемъ крикнулъ Ланде.—Никакая причина не можетъ оправдать этого ужаса!

Фирсовъ вдругъ ступилъ къ нему и поднялъ костлявую дрожащую руку.

— Нѣтъ, есть!—какъ-то оскаливъ желтые корешки съѣденныхъ зубовъ и опять выкативъ глаза, крикнулъ онъ.—Знаете, что онъ, пащенокъ, сдѣлалъ? знаете?— съ нарастающимъ торжествомъ выкрикивалъ онъ.

— Что?

— А, „что“!.. Вотъ, полюбуйтесь! — съ злобнымъ торжествомъ отступилъ въ сторону Фирсовъ и, вытянувъ длинный палецъ, ткнулъ имъ въ образа.

Ланде недоумѣло посмотрѣлъ и увидѣлъ сначала только ящикъ съ красками, кисточку и стаканъ съ грязной, зеленой водой.

— Что? — повторилъ онъ.

— А, вотъ! — съ тѣмъ же торжествомъ повторилъ Фирсовъ и дернулъ Ланде за руку къ образамъ.

Тогда Ланде разобралъ, что двѣ напечатанныя на бумагѣ сцены изъ Священнаго Писанія грубо и нелѣпо раскрашены дѣтскими красками, и къ женскимъ лицамъ пририсованы усы и бороды.

— А!—равнодушно сказалъ Ланде.

Ребенокъ тихо всхлипнулъ.

— Не плачь... Мы не дадимъ больше...—какъ-то машинально сказала Соня, не спуская глазъ съ Ланде.

— Да вѣдь это же ребенокъ, Фирсовъ!—беря его за руку и стараясь успокоить, говорилъ Ланде.

— Я знаю, что ребенокъ! — запальчиво и тяжело дыша, вздернулъ головой Фирсовъ.—Если бы это не ребенокъ былъ, я, можетъ, убилъ бы его!..

— Что вы говорите! — съ удивленіемъ сказалъ Ланде, махнувъ рукой.

— Да... убилъ бы, убилъ!—стуча по столу костяшками пальцевъ, упрямо крикнулъ Фирсовъ.

— Оставьте, Фирсовъ,—властно приказалъ Ланде, беря его за руку и оглядываясь на Соню.—Оставьте,— изъ-за такого пустяка!..

Фирсовъ быстро выпрямился, какъ будто ждалъ именно этихъ словъ.

— Пустяка-а? — неестественно растягивая слова, повторилъ онъ.

— Да, развѣ можно придавать этому серьезное значеніе? Неужели вы не понимаете, что въ безконечное число разъ больше грѣшите, чѣмъ бѣдный мальчуганъ?—убѣдительно и печально сказалъ Ланде.

— А!.. по-вашему это пустякъ? Такъ... — началъ Фирсовъ, и вдругъ, точно нарочно пришпоривая себя тѣмъ же фальшиво-бѣшеннымъ голосомъ закричалъ:

— Пустякъ?—и пронзительно завизжалъ и зато-

палъ ногами. — Вонъ, вонъ отсюда!.. Богохулъ, дьяволъ! Вонъ, чтобъ духу твоего!..

— Фирсовъ,—удивленно проговорилъ Ланде,—что съ Вами?

— Вонъ! нарочно не слушая, брызгая и топоча ногами и оттого въ самомъ дѣлѣ впадая въ бѣшенство, кричалъ Фирсовъ.

Во второй разъ въ жизни Ланде показалось, что это кричитъ не человѣкъ, а кто-то хитрый и злой внутри его. Ему стало страшно и противно, и чувство это было такъ непривычно и мучительно для него, что онъ поскорѣе отвернулся и отступилъ.

— Я уйду... поспѣшно сказалъ онъ. — Вы теперь какой-то странный... Лучше я завтра приду... Только я и Сережу возьму съ собой, а то вы...

Фирсовъ задохнулся, вытаращилъ глаза и замолчалъ.

Ланде повернулся къ Сонѣ.

— Возьмемъ его къ себѣ, Соня!—сказалъ онъ.

Соня вскинула на него глазами, молча кивнула головой, съ усиліемъ, сморщившись, подняла толстаго заплаканнаго мальчика и отошла къ двери.

— Мы уходимъ, Фирсовъ, и Сережу беремъ... повторилъ Ланде.

— Скатертью дорога! хрипло проговорилъ Фирсовъ, длинный и всклокоченный, точно прилипнувъ въ углу около образовъ.

— Мы беремъ его только потому, что вы раздражены очень, примиряюще говорилъ Ланде.

— Ладно, ладно! злорадно кивалъ головой Фирсовъ.—А назадъ приведете... тогда увидимъ!

Ланде съ секунду стоялъ неподвижно, жутко и скорбно глядя прямо въ глаза Фирсову. Но Фирсовъ отворачивался и бѣгалъ глазами по иконамъ, по полу, по сторонамъ.

— Да что же это съ вами? горько воскликнулъ Ланде.—Никогда вы такимъ со мной не были.

— Ладно, ладно! бормоталъ Фирсовъ. — А вы и вообразили о себѣ... Не думайте!.. Есть и почище

васъ, хотя, конечно, не лѣзутъ впередъ... какъ иные! Да-съ, а... этому пащенку я покажу, какъ...

— Да вѣдь это прежде всего — сынъ вашъ! ударилъ себя кулакомъ въ грудь Ланде.

— Не вамъ меня обязанностямъ къ сыну учить! опять дико огрызнулся Фирсовъ. — Понимаете?.. Не вамъ и не меня!.. Господь видитъ, гдѣ истинное!.. Сынъ,—я знаю что сынъ!.. Нѣтъ у меня сына прежде Бога моего! вдругъ повернувшись, опять крикнулъ онъ.—Вотъ...

Онъ не могъ договорить и только судорожно сталъ цѣпляться за иконы, что-то роняя на полъ и нелѣпо бормоча:

— Все здѣсь... все... вотъ!..

Ланде посмотрѣлъ на Фирсова недоумѣло, тяжело пожалъ плечами и пошелъ изъ комнаты.

— Я лучше уйду теперь... васъ мое присутствіе раздражаетъ, должно быть... сокрушенно и мягко проговорилъ онъ.

Соня стояла у крыльца съ ребенкомъ на рукахъ.

— Пойдемте, — больше съ нимъ говорить нельзя... Онъ какой-то сумасшедшій сегодня! сказалъ Ланде.

Онъ взялъ ребенка къ себѣ на руки и понесъ, нѣжно прижавъ къ щекѣ пухлую дѣтскую щечку. Соня шла сзади и, машинально вытирая мокрую руку, смотрѣла въ затылокъ Ланде какимъ-то неестественно-восторженнымъ взглядомъ.

X.

На другой день Фирсовъ, въ сюртукѣ и высокомъ воротничкѣ, сухой и прямой, какъ палка, вошелъ въ комнату Семенова. Ланде одѣтый сидѣлъ у окна и, склонивъ голову набокъ, усердно, немного дѣтскимъ, акуратнымъ почеркомъ переписывалъ большую рукопись, которую досталъ ему для переписки Семеновъ. Больной студентъ еще лежалъ на кровати и курилъ.

— А, Фирсовъ! радостно вскрикнулъ Ланде, подымаясь ему навстрѣчу и роняя кляксу на чисто

переписанный листъ. Семеновъ издали посмотрѣлъ на эту кляксу и ничего не сказалъ.

Фирсовъ устремилъ на Ланде оловянный взглядъ и не подалъ руки.

— Я пришелъ за сыномъ! сухо, неестественно официально, сказалъ онъ.

— Сережа давно уже въ садъ убѣжалъ...

— Соня его гулять повела... отозвался Семеновъ безучастнымъ тономъ.

— Благодарю васъ! такъ же неестественно поклонился въ его сторону Фирсовъ. — А за симъ, извините...

И онъ повернулся.

— Что это значитъ, Фирсовъ? съ огорченіемъ спросилъ Ланде.

— Ничего-съ! съ какимъ-то проворнымъ удовольствіемъ пожалъ плечами Фирсовъ.

— Да будетъ вамъ! болѣзненно морщась отъ его тона, возразилъ Ланде подходя.

— Ломается, какъ дуракъ! сердито отозвался Семеновъ.

Фирсовъ быстро повернулся къ нему и изъ сухого, какъ палка сталъ вдругъ гибкимъ, какъ змѣя.

— Не знаю, кто дуракъ! язвительно и уязвленно отвѣтилъ онъ. — Но разъ уже такъ... извольте, я объяснюсь...

Онъ быстро положилъ палку и фуражку на стулъ и такъ же быстро и порывисто сѣлъ рядомъ.

— Очень нужно! фыркнулъ Семеновъ. — Шутъ гороховый!

— Оставь, Вася! сказалъ Ланде простительно.

Фирсовъ притворился, что не слышитъ, и повернулся къ Ланде въ упоръ.

— Я принужденъ начать нѣсколько издалека... витіевато, съ явнымъ внутреннимъ упоеніемъ приготовленной рѣчью, заговорилъ онъ. — Вы... Иванъ Ѳерапонтовичъ, имѣли на меня когда-то огромное вліяніе, признаюсь... да, чистосердечно признаюсь...

Что жъ, я все-таки могу сказать, что мы были даже друзьями...

На сухихъ, дряблыхъ щекахъ Фирсова выступилъ кирпичный румянецъ, и на одну секунду казалось, что онъ запнулся, какъ будто боясь, чтобы Ланде не отвергъ этого.

— Я всегда былъ расположенъ къ вамъ, Фирсовъ... съ ласковымъ чувствомъ отозвался Ланде.

Что-то похожее на тайное, несознаваемо унизительное удовлетвореніе, мелькнуло въ глазахъ Фирсова, а потомъ онъ сейчасъ же сталъ грубъ и дерзокъ.

— Вы обольстили меня внѣшностью своихъ поступковъ, въ истинномъ смыслѣ которыхъ я не могъ тогда по молодости разобраться...

— Я вѣдь васъ знаю, кажется, уже пожилымъ человѣкомъ... наивно перебилъ Ланде, чрезвычайно заинтересованный.

Фирсовъ опять покраснѣлъ блѣднымъ, кирпичнымъ румянцемъ.

— Да-съ... Конечно, я... Я хотѣлъ сказать, что, когда вы, еще юношей, посѣщали бѣдныхъ и больныхъ, раздавали все... и тому подобное, — я возомнилъ, что вижу истиннаго христіанина... и ваши бесѣды меня въ томъ укрѣпляли... И я чувствовалъ къ вамъ большую пріязнь. Я и теперь сознаюсь въ этомъ... Увлекая своимъ краснорѣчіемъ довѣрчивую молодежь, вы становились, такъ сказать, центромъ... и... и кумиромъ многихъ. Даже я, человѣкъ, безъ гордости скажу, твердый и твердыхъ убѣжденій, долго не могъ увидать истиннаго смысла вашихъ рѣчей и поступковъ...

— А какой же смыслъ, по-вашему, былъ? съ интересомъ спросилъ Ланде.

— Вы сами знаете какой... слегка останавливая его поднятыми пальцами, возразилъ Фирсовъ, съ хитрымъ и острымъ взглядомъ.

— Ну, все-таки?

— А вотъ-съ какой... если вы непремѣнно этого желаете... Не принимая никакого участія въ служ-

бахъ церковныхъ, вы какъ бы хотѣли подчеркнуть и... и оттѣнить, что истинная христіанская религія внѣ церкви... Да-съ! И многихъ увлекли такъ, что многіе перестали бывать въ церкви и даже впадали въ критику догматовъ!.. Многіе, но не я. . Вамъ это, конечно, очень было не по нутру, но я вамъ не мальчишка-студентъ и не вамъ меня совратить. Скорѣе я васъ направлю на путь истинный!..

— О, Господи! страдальчески вздохнулъ Ланде.— Что вы только наговорили, Фирсовъ!..

Семеновъ со сдержаннымъ раздраженіемъ, тяжело ворошился на кровати.

— Да-съ, да-съ! торжествующе, упрямо повторилъ Фирсовъ. — Не меня-съ.

— И опять-таки я не понимаю, къ чему все это? развелъ руками Ланде.

— А вотъ къ чему! громко и грубо сказалъ Фирсовъ, и темносѣрыя баки его встопорщились. Было очевидно, что онъ запутался и страдалъ, сознавая это, въ уязвленной гордости. — Позвольте васъ, наконецъ, прямо спросить: христіанинъ вы или нѣтъ?

Семеновъ фыркнулъ.

— Я, право, не знаю... и лучше мы въ другой разъ поговоримъ... мягко, страдая за Фирсова, пытался заговорить Ланде.

— Такъ-съ!.. сухо и коротко рубя слова и какъ бы подхваченный какою-то силой, продолжалъ Фирсовъ. — Вѣрите ли вы въ православную церковь?

Ланде волновался и двигался по комнатѣ.

— Что за вопросъ, Фирсовъ?.. Къ чему это?.. Впрочемъ, если вамъ это нужно, въ церковь я совсѣмъ не вѣрю, это само...

— Такъ-съ! перебилъ Фирсовъ, вставая и съ узкимъ торжествомъ потирая руки. — Этотъ разговоръ и многое другое въ связи съ вашимъ отреченіемъ отъ матери...

Ланде широко раскрылъ глаза.

— Это неправда, — я никогда не отрекался отъ

мамы... а только я рѣшилъ жить отдѣльно отъ нея, потому что...

— Да охота тебѣ съ этой дрянью говорить! вдругъ сердито крикнулъ Семеновъ и сѣлъ на кровати взъерошенный и желтый. — Съ какой стати ты позволяешь всякой сволочи копаться въ своей душѣ!

— Пони-маю!.. сквозь зубы, такъ же фальшиво, сдержанно сказалъ Фирсовъ и опасливо потянулъ фуражку. — Больше мнѣ нечего спрашивать, хотя я и хотѣлъ сказать еще кое-что... что, можетъ быть, прибавилъ онъ съ потупленной гордой скромностью, — можетъ быть, принесло бы вамъ нѣкоторую пользу... Но разъ такъ... Довольно!.. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать... и будьте увѣрены, что я поступлю, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ и совѣсть!.. Да-съ...

И Фирсовъ торжествующе поднялся.

— Ахъ, ты, старая скотина! съ бѣшенствомъ крикнулъ Семеновъ, хотѣлъ вскочить, но страшно, хрипло закашлялся и упалъ лицомъ въ подушку, облившись холоднымъ потомъ. Тонкая босая нога, высунувшаяся изъ-подъ одѣяла, судорожно дергалась отъ усилій.

Фирсовъ, злорадно оскаливъ зубы, посмотрѣлъ на него.

— Такъ-то-съ! торжествующе протянулъ онъ и повернулся опять къ Ланде.

— А вамъ я вотъ еще скажу: всѣ ваши поступки — только ложь и притворство... Истинную вѣру не вы понимаете, а можетъ, люди, которыхъ вы воображаете ниже стоящими... А вы слуга антихриста и...

— Убирайся къ чорту! въ изступленіи завопилъ Семеновъ, и больной, напряженный голосъ его хлестко разрѣзалъ воздухъ. — Вонъ отсюда!..

Фирсовъ гордо посмотрѣлъ на него, надѣлъ фуражку и отворилъ дверь.

— Дохлая собака! съ безконечной ненавистью и злорадствомъ процѣдилъ онъ за дверью. — Молчалъ бы, коли ужъ Богъ убилъ!.. Туда же!..

Ланде, блѣдный и растерянный, стоялъ посреди комнаты и безпомощно улыбался. Семеновъ посмотрѣлъ на него и, какъ будто стыдясь своего взрыва, все еще дрожа и задыхаясь, сталъ одѣваться.

Ланде всплеснулъ руками и схватился за голову.

— Господи!.. Сколько ненависти и злобы, за что?.. Развѣ я...

Семеновъ, не глядя, тихо отозвался:

— Охота тебѣ обращать вниманіе...

Но Ланде, не слушая его и чувствуя только одну неодолимую потребность — сейчасъ, немедля потушить ту ненависть и злобу, которыя вспыхнули возлѣ него, какъ ему казалось, по его винѣ, потому, что онъ не сумѣлъ ихъ предупредить, и которыя нестерпимо жгли его сердце, — вдругъ повернулся и опрометью бросился изъ комнаты.

— Куда ты? испуганно крикнулъ Семеновъ, пугаясь того ненужнаго и унизительнаго, по его убѣжденію, что, подумалъ онъ, хочетъ сдѣлать Ланде.

— Я сейчасъ... пробормоталъ Ланде, сбѣжалъ съ крыльца и побѣжалъ къ флигелю Фирсова. Дверь была заперта и твердо оттолкнула Ланде.

— Фирсовъ!.. отоприте! прокричалъ Ланде, хватаясь за ручку двери.

За дверью ничего не было слышно, кромѣ тупого, торжествующаго молчанія, и чудилось, что кто-то злорадно затаился тутъ, сейчасъ же за дверью, затаился и молчалъ, наслаждаясь. Ланде вертѣлъ и дергалъ ручку двери.

— Фирсовъ!.. Это ошибка! отворите, — я все вамъ объясню... Отоприте!

Фирсовъ не отзывался. Ланде печальными глазами посмотрѣлъ вокругъ, закусилъ губу, чтобы не выразить страданія, и отошелъ.

Изъ садика вышла и подошла къ нему тоненькая, стройная Соня, прикрывшаяся отъ солнца прозрачной, бѣлой косынкой, изъ подъ которой смотрѣли пытливо и сумрачно большіе глаза.

— Ваня, строго и серьезно сказала она, — уйдите отсюда, вы себя унижаете.

— Сонечка, серьезно возразилъ Ланде, — но развѣ можно это такъ оставить? Вѣдь это ужасно, нелѣпо... Зачѣмъ, къ чему такая злоба?

— Онъ — подлецъ, дрянь, ничтожество! убѣжденно сказала Соня. — Онъ васъ давно ненавидитъ за то, что вы лучше его...

— Ахъ, какія вы глупости говорите, Соня! махнулъ рукой Ланде.

— Это правда! настойчиво крикнула Соня и сдернула съ головы косынку.

— Ну, пусть... Не въ томъ дѣло, Соня, кто лучше, кто хуже... Не это важно.

На крыльцо вышелъ Семеновъ, полуодѣтый, нечесанный и желтый, какъ шафранъ.

— Ланде, крикнулъ онъ сурово, — иди сюда, сейчасъ! А то я тебя побью, ей Богу!..

Въ голосѣ его ясно слышались любовь и жалость и какое-то свѣтлое удивленіе.

XI.

Вечеромъ во флигелѣ Фирсова горѣлъ огонь, и при его мертвомъ, неподвижно желтомъ свѣтѣ Фирсовъ сидѣлъ, прямо и неудобно, передъ столомъ и писалъ доносъ на Ланде архіерею. Перо скребло по бумагѣ, какъ грызущая мышь; было душно, жарко и отъ спертаго воздуха и отъ тяжелой злобы, наполнявшей уязвленную душу Фирсова.

За окномъ свѣтилъ бѣлый мѣсяцъ и легко дышала прохладная, чистая, голубая ночь. На бульварѣ можно было читать при лунномъ свѣтѣ, и все казалось прозрачно-глубокимъ и чистымъ, точно покрытое зеленовато-синей эмалью. Гуляли люди, и ихъ черныя тѣни легко и рѣзко ложились на гладкой землѣ.

Ланде и Семеновъ, одинъ въ своей старой тужуркѣ, другой въ застегнутомъ на всѣ пуговицы студенческомъ пальто, прошли въ общей толпѣ и сѣли на скамейку надъ обрывомъ.

— А я тебѣ говорю, сказалъ Семеновъ, рѣшительно размахивая палкой,—что люди уже достаточно намучились въ исканіяхъ какого-то счастья, и давно пора имъ плюнуть и разойтись...

— Нѣтъ, печально но твердо возразилъ Ланде,— это отчаяніе, а отчаяніе—грѣхъ, потому что оно обозначаетъ упадокъ духа. Мы не знаемъ воли Бога, а потому и не можемъ самовольно выйти изъ нея. Такъ или иначе, а мы сотворимъ волю Пославшаго насъ, и я думаю, что не отчаиваться, не озлобляться надо, а думать о томъ, чтобы какъ можно лучше выполнить то, чего мы не можемъ не выполнить, жизнь! — вотъ самое лучшее для человѣка...

Семеновъ пренебрежительно махнулъ палкой, и его черная тѣнь повторила его движеніе.

— А кто намъ скажетъ, какъ лучше выполнить?

— Сердце, убѣжденно отвѣтилъ Ланде,— совѣсть.

— Ну, братъ, совѣсть у людей бываетъ разная...

— Объ этомъ не надо думать, Вася... Никто насъ и не призываетъ къ тому, чтобы оцѣнивать исправнивать совѣсти: каждому человѣку надо думать только о своей... Это гордость, Вася... непремѣнно сейчасъ-же оцѣнивать и выяснять, даже приговоръ постановлять надъ всѣмъ. Надо только, чтобы всякій человѣкъ искренно считалъ себя правымъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Все это прекрасно... возразилъ Семеновъ и усмѣхнулся.—Да толку отъ этого мало... Такъ-то!

Къ нимъ подошли, ярко вырѣзанные луннымъ свѣтомъ на темномъ фонѣ домовъ и деревьевъ, Шишмаревъ, Молочаевъ, Марья Николаевна и Соня, прижавшаяся къ ней съ тѣмъ восторгомъ и влюбленностью, съ которой дѣвочки всегда относятся ко взрослой, красивой и смѣлой дѣвушкѣ.

Марья Николаевна нерѣшительно и неловко пожала руку Ланде и невольно улыбнулась, вспомнивъ его фигуру въ вечеръ нападенія. Она отвернулась къ обрыву и обняла Соню мягкой, полной рукой. Молочаевъ сталъ на обрывѣ, окованный холоднымъ сере-

бромъ луннаго свѣта, красивый и большой; а маленькій Шишмаревъ торопливо обратился къ Ланде.

— Слушай, Ваня, это чертъ знаетъ что такое! рѣзкимъ голосомъ, нервно двигая руками и потирая ихъ, заговорилъ онъ. — Неужели ты окончательно не умѣешь разбирать людей? Вѣдь этотъ Фирсовъ—дрянь извѣстная, ханжа, доносчикъ, членъ русскаго собранія, а ты съ нимъ возишься... Мнѣ Соня разсказывала, что ты у него чуть ли не прощенія вымаливалъ...

— Онъ не такой дурной человѣкъ... тихо отвѣтилъ Ланде.

— Да вѣдь онъ гадости дѣлаетъ на каждомъ шагу!

— Онъ не понимаетъ, что дѣлаетъ и какъ вредитъ этимъ себѣ самому. Если бы понималъ, не сталъ бы этого дѣлать... Надо объяснить ему, больше жалѣть его,—онъ пойметъ...

— Тьфу! плюнулъ Семеновъ.

Шишмаревъ съ молчаливымъ недоумѣніемъ возрился на Ланде.

— Не сердись, милый!.. кротко сказалъ Ланде Семенову.—Я тебя все раздражаю, а я, право...

— Если хочешь знать, рѣзко и пылко заговорилъ Шишмаревъ перебивая, — такъ такая любовь просто безсмысленна... Любить надо того, кто достоинъ любви или хоть жалости; а кто достоинъ одного презрѣнія, того надо презирать и уничтожать, какъ уничтожаютъ болѣзнетворныя начала для того, чтобы очистить и оздоровить воздухъ, которымъ дышутъ всѣ. Эта знаменитая любовь къ ближнимъ, безразличная, безсмысленная любовь, повела только къ тому, что культивируется и поддерживается масса безусловно обреченнаго на уничтоженіе, вреднаго, злого!

— Есть много людей, для которыхъ ты и я—вредные люди... Я не вѣрю, чтобы между людьми были вредные...

— Ты не можешь въ это не вѣрить! вспыльчиво возразилъ Шишмаревъ, одергивая рукава короткой тужурки.

Тоненькая Соня напряженно вздохнула и опять затаилась, не спуская глазъ съ Ланде.

— Нѣтъ, не вѣрю! покачалъ головой Ланде.—Если и есть злые люди, то они не вредные люди. Не будь ихъ зла, не могли бы проявиться и вырасти самыя лучшія и святыя стороны человѣческаго духа: самоотверженіе, прощеніе, самопожертвованіе, чистая любовь... то, что должно было явиться и безъ чего жизнь была бы безсмысленнымъ существованіемъ.

— Благодарю покорно! съ раздраженіемъ возразилъ Шишмаревъ.—Значитъ, и зловоніе полезно, потому что даетъ почувствовать свѣжій воздухъ?

—Можетъ быть... улыбнулся Ланде.—Только это совсѣмъ не то... и не такъ просто: человѣкъ слишкомъ сложнѣе, сильнѣе и прекраснѣе, чтобы къ нему можно было прилагать такія мѣрки, которыя годны для навоза!

— О, Господи... Онъ еще каламбуритъ! съ комическимъ ужасомъ засмѣялся Семеновъ.

— Я... не каламбурю, — это такъ, случайно вышло, наивно растерялся Ланде.

— Милый Ваня!.. тихо шепнула Марьѣ Николаевнѣ Соня и вся расцвѣла, несвойственной ея всегда экзальтированному лицу, свѣтлой улыбкой.

Марья Николаевна свободно вздохнула. То смѣшное и жалкое, что она видѣла въ Ланде въ послѣднее время и что было безсознательно, страшно тяжело ей,— въ этотъ вечеръ все отступало и отступало отъ сердца и вдругъ ушло куда-то. И выступило тихое и легкое, радостно-нѣжное чувство. Она повернула голову къ Ланде, посмотрѣла на его худое, блѣдное отъ луны и напряженной думы лицо и сказала себѣ:

„Это все правда, что онъ говоритъ! Одному ему здѣсь понятная правда!.. Этого нельзя объяснить словами, но это правда... Милый, славный!“.

Она покраснѣла, отвернулась и крѣпко прижала Соню къ себѣ.

— И когда вамъ, господа, надоѣстъ спорить? съ самоувѣренной небрежностью отозвался Молочаевъ.—

Этакъ вы всю жизнь проспорите... Пойдемте лучше на лодкѣ кататься... Пусть себѣ каждый живетъ, какъ ему вздумается!..

— Святую истину глаголете! отозвался Семеновъ и махнулъ рукой.—Только, именно въ силу вашего справедливаго замѣчанія, я на лодкѣ не поѣду, а пойду спать.

— И я не могу, сказалъ Шишмаревъ:—надо кое-что почитать.

Ланде улыбнулся.

— Вы поѣдете однѣ, Марья Николаевна, ибо я тоже иду... Мнѣ нездоровится что-то.

Они ушли.

Когда лодка выѣхала на середину рѣки, стало какъ-то особенно свѣтло и просторно и легко дышать. Соня неподвижно сидѣла на днѣ лодки и оттуда смотрѣла не отрываясь на луну.

Вода около лодки казалась черною, тяжелою и бездонною; въ темной глубинѣ таился холодный ужасъ. Марья Николаевна наклонилась черезъ бортъ, и ей въ лицо пахнуло холоднымъ и хищнымъ дыханіемъ глубины. Смутно отразилось ея лицо, казавшееся тамъ блѣднымъ и мертвымъ.

— Ухъ, страшно! сказала она откидываясь.

Молочаевъ тряхнулъ головой, засмѣялся и запѣлъ. Голосъ, казалось, съ вызовомъ ударился о гладкую, мрачную поверхность и отдался гдѣ-то далеко на просторѣ.

— Пароходъ... тихо сказала Соня.

Они оглянулись и совсѣмъ близко отъ себя увидѣли что-то огромное, тяжелое, черное, какъ бы выросшее изъ мрака. Черный дымъ валилъ колосальнымъ, подавляющимъ столбомъ, пачкая небо и звѣзды. Красный огонь зорко и хищно смотрѣлъ на нихъ.

Слышно было уже, какъ мрачно и зло бурлила вода.

Рѣзкій, мѣдный свистъ пронизалъ воздухъ, наполняя небо, воду, все вокругъ и, казалось, даже внутри, и въ ту же минуту огромная тѣнь закрыла

отъ нихъ луну, все покрыла мракомъ, ударила тяжелой и холодной волной и окутала удушливымъ дымомъ, смѣшавшимся съ брызгами и волнами взбаломученной глубины. Лодку бросило, ударило, накренило въ какую-то страшную влажную бездну, и одну минуту казалось, что они тонутъ. Но въ то же время тѣнь пролетѣла, луна выскочила и опять остановилась, свѣтло и неподвижно, надъ водой, теперь крутившейся и сверкавшей въ дикомъ весельи.

— Хорошо! съ восторгомъ крикнулъ Молочаевъ.

— Хорошо! звонко отозвалась Марья Николаевна, прижала руки къ груди и, сверкая молодостью и свѣжей силой, прибавила:—Сердце такъ и упало... Я думала, тонемъ... Смерть!..

— А я не испугалась! неожиданно и спокойно отозвалась Соня.—Не все ли равно, когда умирать!.. Я не испугалась.

Молочаевъ съ комическимъ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— О, Господи... Маленькій Ланде! Довольно и одного!..

Марья Николаевна взглянула на него, и онъ показался ей такимъ сильнымъ и красивымъ, что она глубоко вздохнула и засмѣялась ему въ тонъ.

— Вы не можете понять Ланде! возразила враждебно и увѣренно Соня.

Молочаевъ презрительно тряхнулъ головой.

— Можетъ быть... Еще бы! А зато жизнь, любовь, красоту я понимаю... всѣмъ существомъ своимъ... Да здравствуетъ жизнь, сила, молодость, красота!.. Марья Николаевна, правда?

Марья Николаевна напряженно вздохнула и со счастливою тоской жадной и ждущей молодости тихо и сильно потянулась.

— Да... правда... отвѣтила она тихо и странно.

— Ау!.. дико, страстно и безсмысленно-счастливо крикнулъ Молочаевъ, и безконечно далеко понесся надъ водою его зовущій, таинственный крикъ.

Волны медленно и плавно, блестя и колыхая

лунный столбъ, подымались и опускались вокругъ лодки.

XII.

Въ саду было темно и крѣпко пахло теплой сыростью. Не было видно отдѣльныхъ деревьевъ и кустовъ: они были слѣплены въ одну глубокую, темную массу, въ которой тихо и таинственно, неподвижно свѣтились свѣтляки, точно крошечныя бѣлыя свѣчечки передъ темнымъ престоломъ ночи.

Молочаевъ и Марья Николаевна прошли въ темнотѣ, нащупывая ногами невидимую твердую дорожку.

— Сядемъ,—здѣсь лавочка... сказала Марья Николаевна, и голосъ ея рѣзко отдѣлился отъ напряженной тишины сада.

Они такъ же ощупью, какъ шли, нашли скамью и сѣли рядомъ.

Бѣлыя свѣчечки попрежнему тихо свѣтились въ глубинѣ мрака. Молочаевъ наклонился и въ мокрой, теплой травѣ нашелъ и поднялъ свѣтлячка. Голубоватый, фосфорическій свѣтъ, исходившій изъ изумрудной брилліантовой точки, освѣтилъ его широкую и сильную ладонь. Марья Николаевна наклонилась и головы ихъ сблизились въ слабомъ свѣтѣ.

— Не потухъ... тихо сказала Марья Николаевна, точно боясь испугать неподвижно лежавшаго и тихо свѣтившаго червячка.

Тихое дуновеніе ея словъ мягко и слабо коснулось щеки Молочаева. Онъ поднялъ глаза и въ прозрачномъ свѣтѣ увидѣлъ ея тонкій и нѣжный профиль и верхнюю часть выпуклой груди.

Что-то мягко и близко упало гдѣ-то въ траву и слышно было, какъ чуть-чуть закачалась вѣтка. Они вздрогнули и оглянулись. Молочаевъ осторожно стряхнулъ свѣтлячка въ траву, и снова стало темно, и еще гуще пахло теплыми, влажными травами.

Мягко вздрогнуло и сладко заныло въ груди Молочаева властное, таинственное влекущее чувство, и ему показалось, что онъ слышитъ напряженные, зо-

вущіе удары ея сердца. Передъ нимъ смутно бѣлѣла тонкая склоненная женщина, и въ темнотѣ казалось, что она далеко; но тонкій, раздражающій запахъ ея тѣла и сухихъ волосъ близко и горячо обдавалъ лицо Молочаева. Тишина становилась все напряженнѣе, мракъ сгущался, и все отодвигалось куда-то, окружая ихъ тьмой, и пустотой, въ которой были только они, ихъ тянущіяся другъ къ другу сильныя, раздраженныя, томящіяся тѣла. Все ближе и ближе сокращалось разстояніе между ними, и изъ мрака выступали они, точно окруженные своимъ таинственнымъ, одуряющимъ свѣтомъ, тихимъ, какъ ночь, напряженнымъ и дрожащимъ, какъ желаніе. Бѣлыя свѣчечки свѣтили гдѣ-то далеко-далеко, въ глубинѣ обступившаго мрака. Молочаевъ тихо протянулъ руку, скользнулъ по вздрогнувшему мягкому тѣлу и обнялъ его, тонкое, нѣжное, жгучее и безсильное. Она медленно закинула голову, такъ что невидимые, мягкіе волосы упали на плечи и на руку Молочаева. Въ сумракѣ мутно и близко-близко блеснули полузакрытые глаза и задрожали влажныя, горячія губы. И казалось, неодолимая сила слила ихъ въ одно и нѣтъ между ними ничего, кромѣ безконечнаго, сладкаго и мучительно-трепетнаго желанія.

И вдругъ мракъ блеснулъ тысячью огней, загудѣлъ звуками, отступилъ и пропалъ среди выступившихъ деревьевъ, кустовъ и насмѣшливыхъ ночныхъ огоньковъ: Марья Николаевна вырвалась изъ рукъ Молочаева, извившись, какъ красивая и злая змѣя, и звонко, насмѣшливо засмѣялась, отскочивъ въ сторону. Дробные и звонкіе звуки ея смѣха прыгая понеслись далеко по саду и рѣзко разбудили его.

Молочаевъ недоумѣло и сконфуженно всталъ и медленно расправилъ свое огромное, тяжелое, еще сладко нывшее и дрожащее тѣло.

— Марья Николаевна... глухо и дрожа сказалъ онъ.—Что за шутки?..

— Что? притворнымъ и, какъ показалось ему,

злымъ и насмѣшливымъ голосомъ спросила Марья Николаевна.—Какія шутки? Что случилось?..

Звонкій русалочный смѣхъ ея опять задробился и зазвенѣлъ въ темнотѣ, и слышны были въ немъ дикая боязнь и любопытное желаніе.

Тяжелое, мстительное и животное чувство выдавилось откуда-то снизу въ голову Молочаева. Волосы слиплись на его горячемъ лбу, въ глазахъ поплылъ туманъ, голова тихо и тупо пошла кругомъ.

— А!.. хрипло сказалъ онъ, упрямо опустилъ голову, какъ быкъ, и двинулся къ ней, все забывая, уходя отъ всего и видя только ее одну, манящую, изгибающуюся, дразнящую. Все существо его знало, что она хочетъ такъ же, какъ и онъ, и только боится, дразнитъ, упрямится. И жгучее желаніе смѣшалось съ внезапной сладострастной ненавистью, жаждой грубаго насилія, безконечнаго униженія и безстыдной боли.

— Ну ну, ну!.. испуганно и задорно крикнула дѣвушка и ударила его по рукѣ какой-то мокрой, колючей вѣткой, брызнувшей ему въ лицо холодными каплями.

— Идемъ лучше домой... Вы сегодня черезчуръ... опа-сны! дрожа еще и торжествуя уже надъ нимъ, сказала она; и съ тѣмъ жгучимъ наслажденіемъ, съ какимъ человѣкъ заглядываетъ въ пропасть, дѣвушка издѣваясь взяла его подъ руку.

И они пошли. Она снизу заглядывала ему въ лицо, насмѣхалась надъ его безсиліемъ, брызгая на него росой и искрами нервнаго, раздражающаго смѣха, а онъ покорно, трусливо, сдавливая въ себѣ желаніе смять, бросить ее на траву, подчинить, уничтожить своей силой и страстью, — шелъ неловкій, распаленный и дикій.

XIII.

Ночь прошла жаркая, душная, полная странныхъ, томительныхъ сновъ, разгоряченной, властной, неудовлетворенной крови. Только на разсвѣтѣ заснула дѣ-

вушка спокойнымъ, тихимъ, мягкимъ сномъ, но проснулась рано, въ солнечное утро. Цѣлый потокъ яснаго свѣта, свѣжаго воздуха, омытой росой, радостной зелени рвался въ окно, наполняя комнату безконечно легкимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ радостнаго утра.

Подушки были смяты, простыни свѣсились на полъ, рубашка сбилась съ плечъ, открыла нѣжныя, мягкія ноги, туго обвилась вокругъ круглаго и полнаго, тонкаго, подымающаго ее бѣлыми волнами, молодого тѣла. Черные волосы разбились, руки закинулись за голову нѣжащимися, гибкими движеніями. Глаза смотрѣли радостно и вопросительно, и было въ темной глубинѣ ихъ какое-то смутное и въ то же время опредѣленное ожиданіе.

Ей было стыдно и странно и жгуче интересно то, что произошло вчера; розовые пальцы маленькихъ, полныхъ ногъ тихо шевелились, и въ томъ, что это было одно, чуть замѣтное движеніе во всемъ замершемъ, напряженномъ воспоминаніемъ, роскошномъ, свѣжемъ, гибкомъ тѣлѣ, — было что-то сильное и упрямое.

Она медленно опустила глаза, увидѣла все свое тѣло, медленно скользнула по немъ и вдругъ, сама не зная почему, съ пріятно и пугливо толкнувшимся сердцемъ, вздрогнула, вскочила и, стоя во весь ростъ, полуголая, нѣжная, розовая и бѣлая, гибко и страстно потянулась.

Ночевавшая у нея Соня открыла глаза и не двигаясь, маленькая и щуплая подъ сѣренькимъ одѣяломъ, посмотрѣла на нее пытливо и серьезно, какъ будто знала и обсуждала то, что въ ней происходило.

Марья Николаевна увидѣла ея открытые, и строгіе глаза, вздрогнула уже испуганно и больно, и такъ же, сама не зная почему, бросилась къ ней, обхватила ея худенькое тѣло полными, голыми руками и придавила мягкой, упругой грудью.

— Ахъ, Сонька, Сонька, пряча лицо, сказала она радостно и стыдливо, — хорошо жить!

Соня подняла блѣдную, растрепанную голову, подумала и серьезно сказала:

— Не знаю...

Марья Николаевна посмотрѣла не нее невидящимъ, углубленнымъ внутрь себя взглядомъ, потомъ засмѣялась съ сожалѣніемъ и превосходствомъ.

— Глупая ты еще, Сонька!.. И ничего ты не понимаешь!

Соня поднялась и сѣла, опустивъ тоненькія, голыя руки.

— Все я понимаю! съ непоколебимымъ убѣжденіемъ возразила она, — а только не умѣю сказать иногда!.. Въ жизни важно только великое!

Марья Николаевна стала раскачивать ее за плечи, глядя не на нее, а на то, какъ переливалась и двигалась тонкая, голубоватая кожа на сгибахъ ея вытянутыхъ розовыхъ рукъ.

— И чего ты, Сонька, такая смѣшная... серьезная?

— Серьезная — не значитъ смѣшная... То и другое вмѣстѣ быть не можетъ, со снисходительнымъ превосходствомъ, точно говоря съ шаловливымъ ребенкомъ, возразила Соня.

— Нѣтъ, можетъ! Смѣшная, серьезная... милая! вся сіяя страстной радостью, нараспѣвъ говорила Марья Николаевна. — Ты, вѣрно, никогда другой и не будешь... И жить не будешь!

— Я знаю, какъ буду жить... задумчиво отвѣтила Соня.

— Какъ?

— Я знаю... Особенно... какъ только и стоитъ жить, чтобы... подвигъ... Буду жить какъ Ваня... торжествующе докончила Соня, и вдругъ страшно, до слезъ покраснѣла и стала удивительно нѣжной, хорошенькой, милой дѣвочкой, которую хотѣлось цѣловать, съ теплыми слезами и смѣхомъ.

И Марья Николаевна цѣловала, смѣялась, тормошила ее, и обѣ онѣ валялись и путались въ бѣлыхъ простыняхъ, полуголыя, — одна гибкая, сильная и упругая, другая тоненькая и хрупкая, — какъ двѣ

расшалившіяся дикія, прекрасныя самочки какого-то сильнаго счастливаго звѣря.

XIV.

Въ этотъ день Семеновъ съ дневнымъ поѣздомъ уѣзжалъ въ Ялту, гдѣ было, какъ говорили доктора, которымъ онъ не вѣрилъ, но хотѣлъ вѣрить, — его спасеніе. Всѣ собрались его проводить.

Семеновъ чувствовалъ себя очень плохо. Его уже не веселили ни солнце, ни тепло, ни люди, ни небо, ни зелень. Ноющее, безконечное страданіе наполняло и окружало его, какъ какой-то особый, тяжелый туманъ, сквозь который плохо и тускло видѣлъ онъ все окружающее. Онъ уѣзжалъ равнодушный и холодный, какъ будто тѣло его уже умерло, а духъ былъ погруженъ куда-то внутрь, въ бездонную глубину одинокаго страданія. Онъ не былъ радъ, но и не раздражался отъ того, что его собрались провожать. Ему было все равно. Одинъ Ланде его заботилъ, и такъ странно было видѣть это непонятное, озабоченное вниманіе, какъ улыбку на лицѣ неподвижнаго, холоднаго покойника.

— Ты, Ланде, оставайся и живи тутъ! сухо покашливая, говорилъ онъ. — А что же ты ѣсть будешь?

— Какъ-нибудь... улыбаясь успокаивалъ его Ланде и шутя прибавилъ: — Взгляните на птицъ небесныхъ: не сѣютъ...

— Ты дуракъ! сердито возразилъ Семеновъ: — ты не птица... Вѣдь тебя не покорми, такъ ты съ голоду подохнешь. Удивительное дѣло!.. На мѣстѣ Господа Бога я бы тебя давно взялъ живымъ... и посадилъ въ сумасшедшій домъ.

Ланде смѣялся заразительно весело и добродушно.

— Милый Вася, ты лучше всѣхъ людей, какихъ я встрѣчалъ...

— А ты глупѣй... болѣзненно и нетерпѣливо махнулъ рукой Семеновъ.

Онъ помолчалъ.

— Шишмаревъ обѣщалъ тебѣ урокъ достать.

— Ну, вотъ и хорошо! обрадовался Ланде.

— Только это очень трудно: ты вѣдь уже на весь городъ прославился...

Пришли Шишмаревъ и Молочаевъ.

— Ѣдете? безразлично спросилъ художникъ.

— Конечно! съ тусклой непріязнью отвѣтилъ Семеновъ.

— Урокъ для Ланде я нашелъ, сказалъ Шишмаревъ такимъ голосомъ, точно сомнѣвался въ чемъ-то.

— Ну, вотъ... слышишь? посмотрѣлъ на Ланде Семеновъ.

— Скоро пора и на вокзалъ... замѣтилъ Шишмаревъ, озабоченно посмотрѣвъ на часы.

Когда Семеновъ вышелъ куда-то, Молочаевъ равнодушно спросилъ:

— Куда онъ ѣдетъ? Въ Ялту? На какія средства?

— На кондицію... отвѣтилъ Шишмаревъ, пожавъ плечами. — Дѣло студенческое!

— На урокъ? удивился Молочаевъ, и на минуту тѣнь жалости налетѣла на его лицо. — Куда жъ ему на урокъ? Его вѣтеръ съ ногъ валитъ!

Ланде всталъ, схватился за щеку, какъ отъ внезапной боли, потомъ опять сѣлъ.

— Э, что! сказалъ Шишмаревъ, точно ему было даже пріятно это сказать, — нашему брату, голяку, нельзя такими нѣжностями заниматься! Пока еще не свалилъ? — ну, и ладно!

Подъ окномъ мелькнулъ черный, ажурный зонтикъ и другой, розовый.

— Марья Николаевна и Соня идутъ! сказалъ Ланде.

Онѣ вошли вмѣстѣ съ Семеновымъ. Соня вошла серьезно, тихо, и сложивъ зонтикъ, чинно сѣла противъ Ланде, въ уголокъ. Марья Николаевна возбужденно и смущенно смѣялась, мелькомъ поздоровалась и осталась посреди комнаты, вертя по полу раскрытый зонтикъ, смѣясь, блестя глазами и голыми руками, тепло розовѣвшими въ бѣлыхъ, холодныхъ, широкихъ рукавахъ, и не глядя на Молочаева.

Когда она вошла, Молочаевъ почувствовалъ, какъ стала дрожать подъ колѣномъ какая-то нервная жилка. Онъ тоже всталъ и прислонился къ окну, только изрѣдка взглядывая на нее быстрыми и жадными глазами.

Пріѣхалъ извозчикъ. Слышно было, какъ дребезжалъ тарантасъ и фыркали лошади.

— Ну, идемъ! сказалъ Семеновъ равнодушно.

Всѣ вышли гурьбой на солнце и воздухъ, слѣпившій глаза. Марья Николаевна раскрыла зонтикъ.

Ланде хотѣлъ было нести чемоданъ, но Молочаевъ сказалъ:

— Куда вамъ! Взялъ чемоданъ какъ перо, и съ наслажденіемъ выказывая свою страшную силу, понесъ его. Марья Николаевна мелькомъ взглянула на него и опять стала смотрѣть на Семенова. Сутулый, больной студентъ уже сидѣлъ въ тарантасѣ, въ своемъ выцвѣтшемъ, зеленоватомъ, съ тусклыми, позеленѣвшими пуговицами пальто, надвинувъ фуражку на уши.

— Ну, прощайте! сказалъ онъ уныло.

— До свиданья! до свиданья! кричали ему молодые, оживленные голоса.

— Да, стой! остановилъ онъ извозчика. — Такъ ты, Ланде... А впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Какъ хочешь! Прощай! вдругъ раздраженно и непріятно перебилъ онъ самъ себя и поѣхалъ.

Его сутулая, неказистая фигура долго тряслась по улицамъ, темная и странная, и казалось, что среди яркаго дня, блеска и радости, на него одного не свѣтитъ яркое, теплое солнце... Соня тихо плакала.

— Я васъ провожу, Марья Николаевна! сказалъ Молочаевъ, и въ голосѣ его почудилось ей что-то властное, увѣренное.

Какой-то особенный, странный, шаловливый и въ то же время искренній испугъ овладѣлъ ею.

— Я останусь здѣсь съ Соней... растерянно отвѣтила она, хотя вовсе не думала раньше объ этомъ.

Молочаевъ густо покраснѣлъ, и опять сладо-

страстно-мстительное чувство медленно поднялось въ немъ.

— Вотъ хорошо! радостно сказалъ Ланде.—Мнѣ именно съ вами хочется теперь говорить!

Молочаевъ быстро посмотрѣлъ на него, и вдругъ тошная и внезапная ревность заставила его сжаться всѣмъ своимъ могучимъ, красивымъ тѣломъ въ безсильную и безобразную злобу.

— Какъ хотите... До свиданія! хрипло, не своимъ голосомъ проговорилъ онъ. — Идемте, Шишмаревъ!

Они ушли по яркой, жаркой улицѣ.

Въ комнатѣ Семенова было пусто и прохладно. Марья Николаевна сѣла на окно въ садъ, Соня обняла ее за мягкія колѣни, а Ланде сталъ возлѣ.

— Почему вы именно со мной хотѣли говорить? спросила Марья Николаевна, улыбаясь.

Ланде тоже смущенно и радостно улыбнулся.

— Потому, что вы такая молодая, красивая, добрая, именно съ вами хочется говорить теперь... Солнце свѣтитъ такъ тепло, такъ хорошо...

Марья Николаевна счастливо и свѣтло засмѣялась.

— Будто я такая?

— Конечно, такая! съ наивнымъ убѣжденіемъ повторилъ Ланде. — И какъ это хорошо!

— Что?

— То, что есть такія какъ вы, красивыя, нѣжныя молодыя женщины! восторженно говорилъ Ланде. — Мнѣ всегда кажется, что Богъ далъ людямъ женскую молодость, красоту и нѣжность, чтобы они не забывали о радости и любви, пока еще тянется ихъ ужасная, тяжелая, безпросвѣтная работа надъ жизнью.

Соня не спускала съ него глазъ, и блѣдныя щеки ея розовѣли и оживали подъ звуки его голоса.

— Значитъ, когда закончится эта работа, тогда уже не будетъ такихъ женщинъ? задумчиво, и съ нѣжнымъ вниманіемъ спросила Марья Николаевна.

— Нѣтъ, почему? радостно возразилъ Ланде. — Онѣ останутся... такія же прекрасныя, только тогда всѣ онѣ и все будетъ такое же прекрасное, молодое

и нѣжное. Тогда уже все будетъ ясно, свѣтло, а теперь онѣ — только лучъ оттуда, изъ свѣтлаго будущаго.

Ланде помолчалъ и прибавилъ печально:

— Мнѣ жаль почему-то... не знаю, можетъ, это дурное чувство... когда молодая, радостная дѣвушка сходится съ однимъ мужчиной... такимъ жаднымъ, грубымъ... Мнѣ и радостно за его счастье и жаль. Точно кто-то взялъ, потушилъ или унесъ яркій огонекъ, свѣтившій всѣмъ... Я, впрочемъ, думаю, что это не отъ дурного чувства... это потому мнѣ жаль, что слишкомъ мало такихъ огоньковъ у людей...

— Да вѣдь иначе же и быть не можетъ! тихо возразила Марья Николаевна, опуская голову. Ей казалось, что онъ именно о ней говоритъ.

— Да, да, торопливо согласился Ланде, — не можетъ!.. Мнѣ только жаль, что эта молодость и красота не могутъ быть общимъ достояніемъ. Впрочемъ, люди думаютъ, что это дурно... Я не знаю... можетъ быть...

Было тихо и свѣтло. Чистый, прозрачный воздухъ серебрилъ каждый звукъ и облекалъ радостью каждое дыханіе. Марья Николаевна подняла на Ланде глаза, и что-то странное мелкнуло въ ней: на одно мгновеніе ей страстно и радостно, какъ никогда, захотѣлось жизни и показалось, что она можетъ и будетъ любить всѣхъ, всѣмъ давать наслажденіе, радость, свѣтъ и веселье, свою молодость и красоту, свое прекрасное, сильное тѣло. Это мелькнуло и исчезло а осталась, какъ глубокая борозда, задумчивая нѣжность, тихое влеченіе къ тонкому, тихому, прекрасному глазами, слабому человѣку, стоявшему передъ ней. Ланде ясно и радостно смотрѣлъ на нее, и въ это мгновеніе въ ней въ первый разъ появилось смутное, тихое и таинственное желаніе слиться съ нимъ. Легкая, стыдливая и свѣтлая мысль скользнула впередъ и освѣтила, какъ солнце, это грядущее сліяніе ея богатаго тѣла съ тѣмъ страннымъ и мечтательно-прекраснымъ, что было въ его душѣ. Предчувствіе

безконечнаго счастья неудержимой волной нахлынуло на нее умиленіемъ и истомой.

Марья Николаевна гибко повела полными, круглыми плечами. Соня вдругъ чуть-чуть, точно хрустнула, пошевелилась внизу у ея колѣнъ.

— Никогда въ жизни мнѣ не было такъ странно и хорошо! невольно вслухъ проговорила Марья Николаевна.

— Вамъ всегда должно быть такъ хорошо! сказалъ Ланде съ влажными глазами. — Вѣдь это такое счастье чувствовать въ себѣ такую красоту, чувствовать ту радость, которую доставляешь всѣмъ!

— Не всегда! чуть слышно возразила Марья Николаевна, закидывая голову и опираясь затылкомъ о холодный, твердый косякъ окна.

— Это потому, сказалъ Ланде,—что люди, на свое же горе, не понимаютъ, какое это богатство и радость — женская молодость и красота. Они относятся къ ней грубо, небрежно... Если бы они понимали, они бы всю силу употребили, всѣ лучшія силы своей души, чтобы не было горя, ничего грубаго, жестокаго и злого вокругъ нея. И какъ бы это облагородило, освѣтило ихъ жизнь, какъ было бы легко работать и ждать!

— Ланде! рѣзко крикнулъ со двора Шишмаревъ.— Гдѣ ты?

Всѣ вздрогнули и всѣмъ было тяжело и странно очнуться. Ланде торопливо вышелъ. Слышно было, какъ Шишмаревъ, рѣзко, точно торгуясь, говорилъ ему:

— Мы пришли за тобой. Мать того гимназиста, котораго я тебѣ нашелъ, просила привести тебя сейчасъ поговорить.

— Я сейчасъ... машинально и какъ будто грустно отвѣтилъ Ланде.

Марья Николаевна глубоко вздохнула, тихо обняла Соню за тоненькую шею и притянула къ себѣ.

— Маня... значительно и торжественно позвала Соня.

Марья Николаевна молча посмотрѣла ей въ глаза. Они были близко отъ нея. Темные, рѣшительные, полные неестественнаго подъема и восторга.

— Я хотѣла тебѣ сказать... такъ же торжественно продолжала Соня.—Выйди замужъ за Ваню!

Легкій, пріятный и быстро растаявшій румянецъ покрылъ щеки дѣвушки. Она молча и нѣжно поцѣловала Соню въ высокій, холодный лобъ съ гладко причесанными, легкими, какъ воздухъ, волосами.

Вошелъ Ланде.

— Надо итти! съ сожалѣніемъ сказалъ онъ.

— Я съ вами... какъ-то особенно, долго и глубоко посмотрѣвъ ему въ лицо, отозвалась Марья Николаевна, и встала, поправляя волосы. Въ ней было рѣшительное, спокойное и полное чувство.

На крыльцо она вышла за Ланде и вдругъ увидѣла рядомъ съ Шишмаревымъ красивое, жесткое и немного блѣдное лицо Молочаева, упорно, прямо смотрѣвшаго на нее. Она отвернулась съ досадой и сожалѣніемъ.

„Какъ это я могла вчера!..“ съ досадой мелькнуло у нея въ головѣ.

Соня, оставшись одна, долго, неподвижно смотрѣла въ окно, и зелень сада расплывалась у нея въ глазахъ. Потомъ она встала, судорожно вздохнула, отвернула легонькій рукавъ платья и изо всей силы укусила свою блѣдную, тоненькую руку. На блѣдной, тонкой кожѣ выступили два ряда бѣлыхъ пятенъ. Соня долго и упрямо смотрѣла, какъ бѣлыя пятнышки быстро наливались кровью и образовался маленькій багровый вѣнчикъ.

XV.

Поздно вечеромъ, когда синія сумерки уже затихли за городомъ и пыль улеглась, было тихо и хорошо. Ланде одинъ шелъ съ урока, опустивъ голову, и думалъ:

„Пятнадцать рублей... Пять мнѣ совершенно до-

статочно, а десять надо послать Васѣ... Только онъ сердиться будетъ!..“

Ланде мучительно потеръ лобъ.

„Надо написать ему, что у меня два урока...“ придумалъ онъ и обрадовался.

Совсѣмъ уже стемнѣло и все казалось мягкимъ и милымъ. У открытаго окна, чернѣвшаго черной пустотой, сидѣла мать Ланде. Скорбь и одиночество были въ ея чуть видной, расплывающейся въ темнотѣ комнаты, фигурѣ—старой и унылой. Ланде узналъ ее еще издали, и сердце его больно сжалось. Онъ видѣлъ ее въ первый разъ послѣ того, какъ она сказала, что не желаетъ знать его, до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнитъ своихъ дурацкихъ взглядовъ на жизнь. Когда она кричала это пронзительнымъ, чужимъ голосомъ, Ланде было больно и непріятно смотрѣть на нее. Онъ ушелъ отъ нея съ великой скорбью и съ какимъ-то испугомъ, и все ему чудилось, что кричитъ не она, а кто-то другой, внутри ея, злой и мелкій. И послѣ этого онъ боялся итти къ ней, — ему казалось, что она опять будетъ кричать не своимъ голосомъ и что отъ этого ей самой будетъ мучительно и страшно.

Но когда онъ увидѣлъ ее одинокую и согнутую, все существо его переполнилось свѣтлой нѣжностью и жгучей жалостью. Ланде перепрыгнулъ канаву и, вскочивъ на карнизъ, молча обнялъ мать. И она не сказала ни слова, только радостно заплакала и стала цѣловать его голову, прижимать ее къ мягкой, старческой груди и мочить теплыми слезами его лицо.

— Мама моя, мама! тихо прошепталъ Ланде, и губы его ловили дрожащую отъ нѣжности и радости руку.

— Милый мой, золотой мой мальчикъ! отвѣтилъ ему на ухо безконечно дорогой, всхлипывающій голосъ.

И тѣсно слились ихъ души въ любви.

— Ты не уйдешь больше... не бросишь свою маму?.. спрашивала она его.

— Не уйду, никуда не уйду, мама! всѣмъ сердцемъ отвѣчалъ онъ.

Ночь наступала тихо и незамѣтно. Ланде все стоялъ на карнизѣ, и ему было хорошо, тепло, и казалось, что больше ничего, кромѣ этой тихой, сладкой любви и ласки не нужно ему во всемъ свѣтѣ.

Кто-то черный, большой подошелъ съ другой стороны канавы и спросилъ:

— Иванъ Ѳерапонтовичъ, это вы?

Ланде оглянулся, узналъ Молочаева и соскочилъ на тротуаръ.

— Я сейчасъ, мама!.. торопливо сказалъ онъ и, перескочивъ канаву, спросилъ:

— Я... Что такое?

Молочаевъ дышалъ глухо и тяжело и казался мрачнымъ и смущеннымъ.

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова! съ усиліемъ сказалъ онъ. — Пройдемся!

— Пожалуйста! охотно согласился Ланде.

Они пошли по темной и пустой улицѣ. Молочаевъ все такъ же тяжело дышалъ и напряженно смотрѣлъ передъ собой.

— Я хотѣлъ вамъ сказать... Вы помирились съ матерью? неожиданно для самого себя спросилъ онъ.

Ланде улыбнулся.

— Я съ ней и не ссорился.

— Ахъ, да... я и забылъ, зло кривя губы, сказалъ Молочаевъ, — что вы ни съ кѣмъ не ссоритесь, никому не мѣшаете, никогда... А вотъ я хотѣлъ сказать именно, что вы мнѣ мѣшаете! съ усиліемъ, но со все возрастающей злобой сказалъ онъ.

— Развѣ? печально спросилъ Ланде.

Звукъ его голоса, тихій и серьезный раздражалъ Молочаева какимъ-то смутнымъ стыдомъ.

— Не ломайте, пожалуйста, дурака! грубо крикнулъ онъ останавливаясь. — Отлично вы знаете, о чемъ я говорю!

Ланде тоже остановился.

— Не кричите на меня... страдальчески сморщившись возразилъ онъ. — Я, право, не хотѣлъ...

Но мутная и бѣшеная волна злобы, неловкости и стыда подхватила Молочаева и завертѣла, какъ щепку.

— А я вамъ скажу, зловѣще, сквозь стиснутые до скрипа зубы, все громче и громче заговорилъ онъ, размахивая передъ лицомъ Ланде ручкой хлыста, — что... если вы станете у меня на дорогѣ, я васъ... какъ тряпку сброшу!.. Молочаевъ задохнулся, быстро повернулся и пошелъ прочь.

— Я ничего не понимаю... тихо и печально сказалъ Ланде.

XVI.

Въ городскомъ саду было гулянье. Въ темно-зеленой массѣ деревьевъ, какъ сказочные огненные цвѣты неподвижно пламенѣли разноцвѣтныя пятна фонарей Играла военная музыка. И мѣдные звуки ея наполняли зеленую тьму крутящимися въ дикомъ танцѣ звонкими призраками. Они отдавались подъ деревьями, и въ самомъ концѣ сада отдѣльные, звонкіе торопливо проносились по темнымъ, пустымъ аллеямъ, догоняя другъ друга, то въ воющей металлической тоскѣ, то въ бѣшено-рѣзкомъ весельи. Людей было мало, и въ длинныхъ аллеяхъ было пусто, и казалось, что неподвижные огненные цвѣты освѣщаютъ дорогу только одинокимъ звукамъ, невидимо несущимся мимо.

На главной аллеѣ и на площадкѣ около оркестра и буфета было свѣтлѣе, проще и спокойнѣе. Музыка здѣсь гремѣла такъ близко, что въ ея оглушительномъ ревѣ не было слышно ничего, кромѣ шума. Огни сливались въ яркій желтый свѣтъ. Толпа ходила тѣсно, со смѣхомъ, говоромъ и пестротою. Пахло пудрой, стеариновой гарью и духами.

Марья Николаевна и Ланде пришли вмѣстѣ. Эти двѣ недѣли она почти не отпускала его отъ себя. Въ его присутствіи ей было такъ просто, ясно и тихо,

и ей казалось, что она любитъ его нѣжно и спокойно. Ланде всегда говорилъ безъ умолку, тихо и хорошо, и никогда не видно было въ немъ желанія и страсти. И она никогда не заговаривала съ нимъ о любви, но въ глубинѣ ея души, гдѣ-то внутри роскошнаго сильнаго тѣла, тихо и смущенно тлѣло томительно-сладкое ожиданіе чего-то свѣтлаго и прекраснаго. И въ глазахъ ея, когда она смотрѣла на Ланде, видно было это кристально-чистое, покорное и радостное чувство.

Она давно не видѣла Молочаева. Сначала онъ пытался заговорить съ ней, напоминая грубо и сильно ту страшную и жгучую ночь; а потомъ, когда она пугливо отшатнулась отъ него, онъ сталъ грозить своимъ отъѣздомъ, и въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ куда-то. Она вздохнула тогда свободнѣе, но, когда узнала, что онъ вернулся, что-то похожее на тревожную радость и любопытство проснулось въ ней. Она безпокойно смотрѣла вокругъ, точно желая увѣриться, что этого чувства никто не видитъ. Оно доставляло ей много мучительнаго и страннаго.

„Что же такое! Неужели я такая развратная?“ мелькнуло у ней въ головѣ мучительно и наивно. „Вѣдь я люблю Ланде... милаго, свѣтлаго, чистаго. Не того же... звѣря!“

Она вспоминала Молочаева, и онъ представлялся ей грубо-красивымъ, отталкивающе-разнузданнымъ звѣремъ. Это было страшно интересно, хотя, казалось ей, только гадко. Она думала о немъ съ отвращеніемъ и страхомъ, въ которыхъ было томительное любопытство, раздувавшее ноздри, подымавшее и напрягавшее грудь, расширявшее страстные глаза.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ ушелъ, угрожая отъѣздомъ, послѣ спутаннаго, страннаго разговора, похожаго на горячечный бредъ, въ которомъ слова бросались обрывками, намеками, острыми раздраженными, лживыми, а глаза говорили правду, — Марьѣ Николаевнѣ смутно казалось, что въ самомъ тѣлѣ ея происходитъ какая-то борьба: что-то чистое и свѣтлое

безсильно захлебывалось въ горячихъ, безумно стремительныхъ и могучихъ волнахъ ярко-красной крови. Ночью, когда она раздѣвалась, у нея явилось неодолимое и стыдливое, жгучее желаніе раздѣться донага и долго, съ тѣмъ же безпокойнымъ любопытствомъ, смотрѣть на свое стройное, безстыдно-голое тѣло, яркимъ изгибомъ выступавшее изъ холодно-темной глубины большого зеркала.

На утро послѣ этого ей было холодно, до боли и ужаса стыдно, и въ одинокомъ испугѣ, въ безсильномъ недоумѣніи, она искала Ланде, звала его, заглядывала въ чистые, спокойные глаза, и тихо успокаивалась подъ его радостную безсвязную рѣчь.

Она знала, что Молочаевъ пріѣхалъ и что онъ придетъ въ садъ. Послѣднее она чувствовала по тому тревожному холоду, который подступалъ къ груди и заставлялъ нервно дрожать ея полныя колѣни подъ строгой, твердой юбкой.

„Онъ придетъ... Надо уйти! надо уйти“!.. полубезсознательно думала она и не уходила, и ждала, обманывая себя.

„Это оттого, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до него!.. Я только боюсь его... грубости!“ оправдывалась она передъ собою и чувствовала, что лжетъ.

Музыка замолчала. Тишина выступила изъ-подъ молчаливыхъ, неподвижныхъ деревьевъ, и слышно было только, какъ раздраженно и оборванно шаркали по песку аллей шаги гуляющихъ.

— Вы знаете, говорилъ Ланде, — что Соня идетъ пѣшкомъ на богомолье?

На секунду Марья Николаевна оторвалась отъ себя и съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Не можетъ быть? Куда?

— За сто верстъ... Нашла себѣ попутчицу, старушку простую, и идетъ. Она моего совѣта спрашивала.

— И вы посовѣтовали?

— Нѣтъ. Она такъ спрашивала, что я видѣлъ, что это ей не нужно. Я ничего не сказалъ, серьезно отвѣтилъ Ланде.

— Она въ васъ влюблена! съ нехорошимъ, но не замѣтнымъ ей самой чувствомъ сказала Марья Николаевна.

— Нѣтъ! рѣшительно и спокойно возразилъ Ланде. — Ей, можетъ быть, и кажется, что она въ меня влюблена... Я это замѣтилъ. Но это неправда,— она не въ меня влюблена, а въ... я не знаю какъ это выразить... безсильно улыбаясь, задвигалъ рукой Ланде. — Она въ великое влюблена... Она удивительная дѣвочка, эта Соня! Въ ней большое сердце и мало любви. Есть такіе люди; они несчастные: имъ все хочется охватить своимъ сердцемъ что-то огромное, весь міръ, подвиги, муки, и у нихъ не хватаетъ любви, чтобы обнять то маленькое, что возлѣ нихъ...

Съ того мѣста, гдѣ они сидѣли подъ неподвижно пламенѣющимъ, мрачно-краснымъ шаромъ, видѣнъ былъ въ концѣ аллеи бездонный, черный прорѣзъ воротъ. Иногда изъ ихъ мрака вытягивались, какъ черныя щупальцы, длинныя, черныя тѣни и вдругъ пропадали, а въ кругѣ свѣта появлялись темные силуэты людей. Марья Николаевна слушала Ланде и неподвижно, напряженно смотрѣла туда. Она увидѣла Молочаева, какъ только онъ вошелъ въ садъ, видѣла, какъ онъ, не видя ихъ, пошелъ въ другую аллею, но не двигалась.

— Молочаевъ, вотъ они! близко сбоку, рѣзко прозвенѣлъ голосъ Шишмарева, и они подошли.

Молочаевъ молча пожалъ узкую, мягкую руку дѣвушки.

Шишмаревъ сейчасъ же рѣзко и бойко заговорилъ съ Ланде. Марья Николаевна не слушала ихъ... Она часто дышала, высоко и неровно подымая грудь, и рѣшительно смотрѣла передъ собой. Кончикъ зонтика бился о землю, напоминая судорожное движеніе хвоста насторожившейся кошки.

„Что со мной дѣлается?“ спрашивала она себя, съ капризной досадой закусывая нижнюю губу.

— Мнѣ представляется, услышала она, какъ-то вдругъ, слова Ланде, — что люди въ погонѣ за

счастьемъ толпятся у какой-то двери, какъ толпа во время пожара. Каждому кажется, что спасеніе въ томъ, чтобы силой, какъ можно скорѣе, раньше всѣхъ пробиться къ выходу, и въ страшной давкѣ всѣ гибнутъ!

— Борьба за существованіе! сказалъ Шишмаревъ.

— Не должно быть никакой борьбы! твердо возразилъ Ланде.—Нельзя выйти, наваливъ передъ собой кучу труповъ... Надо опомниться, остановиться, не мѣшать другъ другу, уступая...

— Какъ тѣ два вѣжливые француза, что уступали другъ другу дорожку и оба шли по грязи! съ холодной злостью, въ которой слышалась насмѣшка не надъ словами Ланде, а надъ нимъ самимъ, вставилъ Молочаевъ и коротко засмѣялся.

Музыка заиграла тихо и плавно, точно уставъ послѣ недавняго вихря звуковъ.

— Все это сантиментальности! повышая голосъ, жестко и грубо продолжалъ Молочаевъ. — Жизнь — такъ жизнь... Не я виноватъ, если кто слабѣе меня...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Брошу въ грязь, на голову стану, а перейду...

Ланде грустно покачалъ головой.

— Довольно слякоть разводить... Не жизнь, а сонное болото! упорно проговорилъ Молочаевъ.

— А если на вашу голову станутъ? не глядя на него, холодно спросила Марья Николаевна.

Молочаевъ быстро повернулся къ ней.

— Пускай... Посмотримъ! мрачно сказалъ онъ, и помолчавъ прибавилъ: — И то жизнь... Марья Николаевна, мнѣ съ вами надо поговорить.

Онъ невѣрно улыбнулся, и голосъ у него зазвучалъ фальшиво.

— Я вамъ одну сплетню разскажу про... него! кивнулъ онъ головой на Ланде.

Ланде удивленно поднялъ глаза.

— Говорите здѣсь! пожала плечомъ дѣвушка.

Молочаевъ опять фальшиво засмѣялся.

— Не могу я при немъ... Да вы меня боитесь,

что ли? тихо прибавилъ онъ, вызывающе и близко заглядывая ей въ глаза.

Марья Николаевна высокомѣрно и тревожно улыбнулась.

— Идемте! она встала. — Ланде, вы приходите туда, сейчасъ! сказала она.

— Хорошо! отвѣтилъ Ланде спокойно и опять повернулся къ Шишмареву.

Марья Николаевна больно и холодно почувствовала себя одинокой. Ей сдѣлалось страшно. Когда они уходили въ дальнюю аллею, безконечно тонувшую въ пустотѣ и мракѣ, она услышала, какъ Ланде говорилъ:

— Человѣкъ не тогда будетъ счастливъ, когда заставитъ уважать свои права, а когда научитъ любить себя. Но до этого далеко!

Они ушли въ глубь сада. Звуки музыки глухо и какъ-то пусто долетали сюда. Фонари мертво и тускло свѣтили здѣсь уже обыкновеннымъ ламповымъ свѣтомъ. Деревья порѣдѣли, и между ними просвѣчивали звѣздное небо и холодъ.

— Что же вы хотѣли мнѣ сказать? спросила Марья Николаевна.

Молочаевъ тяжело дышалъ.

То, что онъ рѣшилъ сдѣлать съ ней и что представлялось ему мрачно красивымъ и быстрымъ, подъ ея намѣренно холоднымъ взглядомъ, передъ прямой, одѣтой въ строгое, твердое платье, фигурой, показалось вдругъ невозможнымъ, нелѣпо-тяжелымъ и безобразно-грязнымъ.

— Я... проговорилъ онъ и не зналъ, что говорить дальше; челюсти невольно смыкались, какъ желѣзныя, точно здѣсь, теперь именно нужно было тяжелое молчаніе.

Марья Николаевна чувствовала, какъ приближалась къ ней огромная, страшная опасность. И странно было то, что именно отъ этого чувства исчезъ въ ней страхъ; ей стало легко, было захватывающе пріятно и интересно, какъ надъ пропастью, хотѣлось еще

ближе заглянуть, почувствовать, и безсознательная мысль яркой вспышкой обожгла ей голову, обливъ щеки яркимъ румянцемъ.

— Ахъ, какъ интересна жизнь!..

Молочаевъ, какъ бы повинуясь какой-то посторонней силѣ, низко нагнулся, хрипло засмѣялся и вытянулъ впередъ руки. Марья Николаевна машинально отступила шагъ назадъ, быстро, неровно, такъ, что большая, черная шляпа сдвинулась на глаза. Ей показалось, что все ухнуло куда-то и сердце упало.

— Марья Николаевна, гдѣ вы? весело позвалъ Ланде.

Молочаевъ вздрогнулъ, опустивъ руки и растерянно оглянулся.

Марья Николаевна насмѣшливо взглянула на него и, какъ бы откидываясь отъ пропасти, подняла руки къ шляпѣ.

XVII.

Было около девяти часовъ вечера, но еще свѣтло, прозрачнымъ, легкимъ свѣтомъ, и отъ яркой зари, и отъ рано вставшей, еще блѣдной луны, и отъ широкой, гладкой рѣки.

Ланде позже другихъ пришелъ на обрывъ, непривычно грустный и молчаливый.

Шишмаревъ встрѣтилъ его рѣзкимъ, раздраженнымъ голосомъ.

— Иди сюда! Я получилъ письмо отъ Семенова... Это, ей-Богу, глупо! Какого же ты чорта чудишь! Семеновъ пишетъ, что ты ему прислалъ десять рублей.

Ланде поднялъ на него большіе, печальные глаза.

— Оставь, Леня, сказалъ онъ просто и отвернулся къ рѣкѣ. На его худое лицо ложились ея холодные, блѣдные отблески.

— Какъ оставь! вспылилъ Шишмаревъ.

Ланде страдальчески улыбнулся не поворачиваясь. Шишмаревъ посмотрѣлъ на него, пошевелилъ губами и отвернулся, чувствуя неловкость и холодную досаду.

„Ну и чортъ съ тобой!“ подумалъ онъ.

— Что съ вами? Чего вы такой грустный? мягко и любовно спросила Марья Николаевна, слабо дотрагиваясь пальцами до рукава сѣрой тужурки Ланде.

Ланде быстро обернулся и глаза его засвѣтились мягкой и ласковой улыбкой.

— Меня мать мучаетъ! страдальчески сказалъ онъ.

Странно просвѣчивало это страданіе сквозь ясную, тихую улыбку.

Молочаевъ съ холодной ненавистью скользнулъ по рукѣ Марьи Николаевны, лежавшей на рукавѣ Ланде, отвернулся и сталъ закуривать папиросу.

— Чѣмъ? тихо переспросила дѣвушка.

— А она все требуетъ отъ меня той жизни, на которую я не способенъ... Пристаетъ, чтобы я деньги взялъ и ѣхалъ за границу; а я не хочу. Мнѣ нечего дѣлать тамъ. Люди вездѣ одинаковы...

— Жизнь другая! возразилъ Шишмаревъ.

— Нѣтъ, и жизнь та же, отвѣтилъ Ланде, — потому что люди всѣ одинаковы. Я не думаю, чтобы отъ количества желѣзныхъ дорогъ, университетовъ и тому подобнаго зависѣла жизнь. Жизнь внутри человѣка, ее надо только умѣть использовать. А впрочемъ... если бы и была какая-то другая жизнь тамъ, зачѣмъ я туда поѣду? Я ею и жить-то не сумѣю...

— Хоть посмотрѣть! съ внутреннимъ оживленіемъ и прорвавшейся страстной мечтой сказалъ Шишмаревъ.

— Ну, это было бы дурно съ моей стороны... кротко возразилъ Ланде, улыбнулся виноватой улыбкой и прибавилъ: — Нѣтъ, вотъ я бы такъ просто... ушелъ куда-нибудь...

— Куда?.. Въ какомъ, то-есть, смыслѣ: отъ людей или такъ, куда-нибудь отсюда? съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ спросилъ Шишмаревъ.

Ланде задумчиво помолчалъ, поднявъ глаза къ небу и тихо приподнявъ брови.

— И такъ куда-нибудь, и отъ людей... Не совсѣмъ: а на время... Мнѣ часто приходитъ мысль, что каждому человѣку надо по временамъ уходить куда-нибудь ото всѣхъ, въ пустыню, что ли... Я такъ думалъ

всегда, какая огромная штука жизнь и какъ легко и просто мы къ ней приступаемъ. Оттого, должно быть, она такъ рѣдко и удается людямъ. Надо было бы, чтобы каждый человѣкъ въ извѣстномъ періодѣ развитія уединялся и сосредоточивался на время въ себѣ самомъ.

— Вотъ вы бы сами первый и уединились бы!.. грубо перебилъ Молочаевъ и вдругъ весь зло искривился. — Право, хорошо бы сдѣлали!

Ланде долго и серьезно смотрѣлъ на него. Потомъ вздохнулъ, перевелъ узкими плечами и тихо сказалъ:

— Я знаю, что мѣшаю вамъ. Мнѣ очень жаль это.

Марья Николаевна быстро и исподлобья посмотрѣла на него своими блестящими изъ-подъ рѣсницъ глазами. Рука ея, мявшая растрепанный букетъ полузавядшихъ, блѣдныхъ уже цвѣтовъ, остановилась, а потомъ опять задвигалась нервно и невѣрно.

— Мнѣ тоже очень жаль! вызывающе отвѣтилъ Молочаевъ своимъ обычнымъ, твердымъ и неумолимымъ голосомъ.

Какъ разъ въ эту минуту, шедшій по тротуару тонкій, черный человѣкъ неожиданно, быстро свернулъ съ дорожки на траву и, сдѣлавъ за спиной Молочаева два странные, крадущіеся шага, стремительно взмахнулъ тонкой, длинной палкой и ударилъ ею художника по головѣ.

Острый, какъ лезвіе, ужасъ сверкнулъ въ мозгу у всѣхъ, Марья Николаевна дико и пронзительно вскрикнула, путаясь въ длинной юбкѣ, отскочила къ обрыву и едва удержалась тамъ, вся изогнувшись надъ нимъ и закрывая лицо руками. Шишмаревъ уронилъ фуражку и безпомощно всталъ. Ланде вскочилъ, почему-то схватилъ Соню за руку; а дѣвочка выпрямилась и широко открыла заблестѣвшіе дикимъ любопытствомъ и какимъ-то жаднымъ чувствомъ глаза. Молочаевъ не потерялся. Его красивое лицо исказилось отъ боли, удивленія и захватывающаго бѣшенства. Стремительно и ловко онъ лѣвой рукой пере-

хватилъ палку, дернулъ ее книзу такъ, что Ткачевъ едва не упалъ впередъ, вырвалъ и, оскаливъ зубы, ударилъ его поперекъ лица, по головѣ и по рукѣ.

Обезумѣвшій отъ боли и безсильной ненависти Ткачевъ зашатался, роняя шапку и прикрываясь руками. Показалось, что брызнула кровь.

Четвертый, рѣзкій и страшный ударъ попалъ уже по рукѣ Ланде. Вытянувъ, точно въ припадкѣ какой-то странной болѣзни, руки къ Молочаеву, блѣдный, онъ твердо и властно говорилъ:

— Не надо... не смѣйте!

И заслонялъ Ткачева безъ усилія и сопротивленія.

Одну секунду Молочаевъ бѣшено смотрѣлъ ему въ глаза.

— Да ты что жъ это, наконецъ! хрипло проговорилъ онъ, судорожно опустивъ и сжимая палку, и вдругъ коротко размахнулся и омерзительно, хлестко и страшно ударилъ его по щекѣ.

Ланде покачнулся и страшно поблѣднѣлъ. На глазахъ у него выступили свѣтлыя, крупныя капли слезъ, и глаза такъ широко раскрылись, что все лицо пропало за ихъ влажнымъ, страдальческимъ блескомъ.

— Ну, пусть... такъ... слабо уронилъ онъ концами мокрыхъ, дрожащихъ губъ и, непоколебимо прямо глядя въ глаза Молочаеву, не двинулся, не отвернулся. Со слѣпой, безсмысленной жестокостью Молочаевъ, выпустивъ палку, широко размахнулся, ударилъ его лѣвой рукой, ступилъ шагъ впередъ и ударилъ въ третій разъ. Послѣдняя пощечина ляскнула еще страшнѣе, отчетливо и плоско. Ланде пошатнулся назадъ, споткнулся о скамейку и тяжело, безобразно, какъ-то бокомъ, безсильно повалился черезъ нее, высоко задравъ ноги.

Молочаевъ круто повернулся, со страшной силой оттолкнулъ Ткачева, и быстрыми, твердыми шагами пошелъ прочь, ни на кого не глядя.

То, что потомъ произошло, было похоже на тяжелый бредъ: всѣ сразу дико и нестройно закричали и

толпой кинулись къ Ланде. Ткачевъ, съ выраженіемъ ужаса и мольбы на черномъ, мрачномъ лицѣ, поднялъ его трясущимися руками. Марья Николаевна цѣловала его блѣдные, дрожащіе пальцы. Шишмаревъ пробовалъ надѣть фуражку, что-то безсвязно крича. Соня обхватывала его тоненькими, прозрачными руками. Они метались на краю обрыва, растерянные, какъ стая странныхъ, вспугнутыхъ выстрѣломъ птицъ.

— Господи! что же это такое? съ безконечнымъ ужасомъ спрашивала всѣхъ Марья Николаевна и ползала у него въ ногахъ, съ безсознательнымъ, но ослѣпительно яркимъ чувствомъ вины, съ безпредѣльнымъ восторгомъ и жалостью, любовью и возмущеніемъ. Ея красивое лицо исказилось, волосы разбились, шляпа свалилась на спину, сѣрая юбка безпомощно билась въ пыли.

— Иванъ Ѳерапонтовичъ... простите... простите! лепеталъ Ткачевъ.

Ланде поворачивалъ къ нимъ сразу опухшее, страшное лицо, силился улыбнуться и безсознательно гладилъ и хваталъ руки всѣхъ своими дрожащими и ослабѣвшими руками. Глаза у него запухли, изъ носа и рта текла кровь, на вискѣ грубо налипла земля и раздавленная зеленая трава.

— Это ничего... съ трудомъ двигая раздутой губой, проговорилъ онъ.—Онъ не хотѣлъ меня... Онъ потомъ самъ будетъ страдать... Я къ нему пойду... подождите...

Соня дико всплеснула тоненькими ладонями, отступила на шагъ и, вся засвѣтившись счастливымъ восторгомъ, яркимъ голосомъ вскрикнула:

— Ваня, вы святой!

Ланде слабо махнулъ рукой.

— Ахъ, какіе вы глупости говорите, Соня!

Ткачевъ отчаянно схватился за волосы.

Ланде торопливо улыбнулся ему, всталъ и, протянувъ руки, пошелъ. И тутъ только всѣ увидѣли, что Молочаевъ не ушелъ. Онъ стоялъ въ десяти ша-

гахъ отъ нихъ, заложивъ руки въ карманы, и криво, упрямо усмѣхаясь, смотрѣлъ на Ланде.

Марья Николаевна вздрогнула всѣмъ тѣломъ и судорожнымъ движеніемъ загородила дорогу Ланде.

— Не смѣйте, не смѣйте! съ болѣзненнымъ, мучительнымъ напряженіемъ, зазвенѣвшимъ голосомъ закричала она Ланде.

Но Ланде серьезно отстранилъ ее.

— Вы не знаете, что говорите! просто сказалъ онъ.

А Соня, съ тѣмъ же выраженіемъ восторга и наслажденія на лицѣ, оттянула ее за рукавъ.

Ланде подошелъ къ неподвижно стоявшему и въ упоръ смотрѣвшему на него Молочаеву, и протянулъ ему руку.

На его обезображенномъ лицѣ была жалость. Молочаевъ туго и густо покраснѣлъ. Въ глазахъ у него мрачно вспыхнула задыхающаяся ненависть, и съ холодной насмѣшкой и злостью онъ проговорилъ сквозь зубы:

— Трогательная комедія!

Потомъ быстро и рѣшительно повернулся и не останавливаясь ушелъ.

Ланде долго смотрѣлъ ему всѣдъ, потомъ сразу весь опустился, сѣлъ на лавочку и закрылъ лицо руками движеніемъ горькимъ и тоскливымъ.

— Да что же это въ самомъ дѣлѣ! съ возмущеніемъ, пронзительно-рѣзко вскрикнулъ Шишмаревъ.— Дуракъ ты, что ли!

Въ собравшейся возлѣ нихъ пестрой кучкѣ народу захихикали радостно и любопытно. Шишмаревъ опомнился, быстро оглянулся, съ бѣшенствомъ повернулся и торопливо пошелъ прочь.

— Чортъ съ тобой, болванъ... блаженный! съ мучительнымъ ему самому озлобленіемъ бормоталъ онъ.

Ткачевъ, опустивъ руки, точно его вдругъ облили холодной водой и онъ опомнился отъ непонятнаго кошмара, странно посмотрѣлъ на Ланде, и его тонкія, злыя губы кривились.

— Ни-и къ чему все это... съ тонкой язвительностью, неожиданно проговорилъ онъ, какъ будто отвѣчая и предостерегая Ланде.

Всѣ молчали и стояли вокругъ Ланде. Страстный порывъ охватившій всѣхъ, безсильно упалъ, стало холодно, неловко, нелѣпо, захотѣлось уйти, прекратить эту, уже казавшуюся безобразной, сцену.

XVIII.

Къ ночи у Ланде начался жаръ. Избитая голова мучительно ныла и кружилась. Шишмаревъ думалъ, что можно ожидать нервной горячки, а потому Марья Николаевна и Соня рѣшили просидѣть надъ нимъ всю ночь. Ланде ласково смотрѣлъ на нихъ и молчалъ, потому что душа его была переполнена огромнымъ, ему одному понятнымъ, чувствомъ. Онѣ долго сидѣли обѣ, по сторонамъ стола, положивъ передъ собой книги, которыхъ не читали, и тоскливо глядя на огонь лампы. Уже поздно ночью Соня ушла, а Марья Николаевна осталась одна.

Соня остановилась въ темномъ коридорѣ. Ея никто не гналъ, но ей хотѣлось муки и умиленія, и потому она прижала руки къ груди и тихо, однѣми губами, прошептала:

— Пусть она, пусть... я уйду! И что-то торжествующее и сладко-мучительное оборвалось въ ея сердцѣ.

Въ комнатѣ было полутемно и какъ-то глухо. Лампа тускло освѣщала ровный кругъ, и Марьѣ Николаевнѣ онъ казался почему-то магическимъ. Она сидѣла сложивъ руки на колѣняхъ и опустивъ голову. Сидѣла неподвижно, но въ этой неподвижности клубился цѣлый ураганъ тяжелыхъ и нестройныхъ мыслей. Она думала о томъ, что теперь все кончено: весь городъ завтра узнаетъ, что она всю ночь просидѣла здѣсь, и тогда будетъ что-то ужасное, холодное и грязное. Ей долго было только страшно и стыдно, но потомъ все ярче и торжественнѣе стала опредѣляться мысль, согрѣвающая душу: отнынѣ, наконецъ

она навсегда связана съ Ланде, съ милымъ Ланде, лучшимъ изъ всѣхъ людей, которыхъ она знала. Она будетъ такою же чужой всѣмъ, какъ и онъ, но ему будетъ принадлежать всѣмъ тѣломъ и всею душою своею, и жизнь новая, прекрасная, полная страданія и радости, опустится на нихъ свѣтлымъ облакомъ. И мысль эта была такъ тепла и такъ просто и властно выводила ее изъ тяжелаго хаоса, что сердце задрожало въ ней любовью и счастьемъ.

Марья Николаевна повернулась къ Ланде и долго, съ теплыми слезами на прекрасныхъ, лучистыхъ глазахъ, смотрѣла на него.

Ланде лежалъ, какъ его заставили, на кровати, блѣдный, худой, съ длинными, бѣлыми руками, вытянутыми поверхъ одѣяла. Свѣтъ лампы не доходилъ до него, и вокругъ кровати стоялъ прозрачный сумракъ, въ которомъ лицо Ланде казалось свѣтлымъ и красивымъ. Разбитая, обезображенная щека была въ тѣни.

И вдругъ, повинуясь какой-то неодолимой силѣ, тянущей душу и тѣло въ жаркой тоскѣ, Марья Николаевна медленно опустилась передъ кроватью на колѣни, наклонилась надъ нимъ, тихо положила свою красивую, черную голову ему на грудь и закрыла заблестѣвшіе темнымъ огнемъ глаза.

„Вотъ оно!“ почему-то подумала она, и показалось ей, что вся прежняя половина ея жизни, пустая и безсмысленная, сразу, словно высохшій листъ, отвалилась отъ нея. Все поплыло вокругъ нея въ свѣтломъ облакѣ, и слезы градомъ покатились по нѣжной, пухлой щекѣ. Сердцѣ Ланде билось гдѣ-то близко, слабо и глухо. Она слышала незнакомый, странный запахъ его тѣла и чувствовала костлявую, твердую грудь.

Ланде открылъ глаза и какъ будто не удивился. Онъ тихо и осторожно взялъ ее за маленькій, выпуклый и мягкій подбородокъ и поднялъ ея голову къ себѣ. Она уже не плакала, слезы сразу высохли на блестящихъ глазахъ, и она счастливо и смущенно

смотрѣла на него въ ожиданіи того, что онъ сдѣлаетъ съ ней. Еще немного потянулась она, и мягкія, горячія губы прижались къ губамъ Ланде. Ланде ласково и нѣжно поцѣловалъ ее, какъ ребенка.

Дѣвушка чувствовала, какъ внутри ея загорается что-то огненное, сильное, безграничное. Это новое, но уже какъ будто знакомое и пріятное чувство наполнило ея давно ждущее горящее отъ силы тѣло. Она закрыла глаза и сначала робко, точно узнавая что-то, а потомъ все крѣпче и длиннѣе, вся въ наслажденіи и томленіи, стала цѣловать его. Мягкое, упругое тѣло ея вздрагивало и жалось къ нему покорно и требовательно.

Вдругъ она быстро открыла глаза, потускнѣвшіе, вопросительные, и пристально взглянула въ глаза Ланде. У него было холодное, испуганное, уничтожающее лицо, казавшееся теперь безобразнымъ.

— Не... не надо... такъ! растерянно улыбаясь безсильной улыбкой, проговорилъ онъ.

Сознаніе непоправимой, омерзительной ошибки острымъ свѣтомъ вошло въ мозгъ дѣвушки. Съ секунду она смотрѣла на Ланде пристальными, полнымъ стыда и отчаянія глазами, и яркая, рѣзкая краска быстро стала заливать ея лицо. Щеки, лобъ, шея ея вспыхнули и, казалось, нѣтъ конца красному огню стыда и обиды. Она глухо охнула, откинулась назадъ и порывисто встала, закрывшись руками.

Ланде растерянно поднялся на кровати.

— Марья Николаевна, развѣ это... непремѣнно нужно?.. Я люблю васъ... только не такъ! Зачѣмъ это? жалко и мучительно бормоталъ онъ, простирая къ ней дрожащія руки.

Дѣвушка отступила отъ нихъ къ столу и тяжело сѣла на стулъ, не опуская рукъ. Потомъ она стала биться, какъ подстрѣленная птица, то хотѣла встать и уйти, то опять садилась, безсмысленно улыбаясь; и глаза ея, то съ отчаяніемъ и стыдомъ, то съ какимъ то внутреннимъ недоумѣніемъ, то виновато, то съ ненавистью скользили по Ланде.

— Ничего... Это такъ... Ошибка... я пошут... не знаю... старалась говорить она, чувствуя, какъ все дальше и дальше отодвигается отъ него въ пустоту одинокаго стыда и холодной ненависти.

Соня тихо вошла на шумъ и остановилась на порогѣ, глядя большими, суровыми глазами.

— Маня, что съ тобой? строго, какъ будто предостерегая, спросила она.

— Ничего, ничего, Соне-чка! обрываясь выговорила дѣвушка.—Я ухожу... мнѣ пора...

Путаясь въ юбкѣ и неловко стукнувшись плечомъ о дверь, она вышла изъ комнаты и какъ призракъ побѣжала по пустымъ, холоднымъ улицамъ, сквозь вѣтеръ и тьму. Соня, выпустивъ ее, осторожно заперла дверь и подошла къ Ланде.

— Соня, милая... какъ я виноватъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Какъ я не предусмотрѣлъ этого! говорилъ Ланде хватая ее за руки.

Соня крѣпко сжала зубы, такъ что на ея призрачномъ личикѣ жестко выдвинулись тоненькія скулы, и чувство недоброй радости засвѣтилось въ ея глазахъ.

— Вы ни въ чемъ не виноваты! твердо и рѣшительно проговорила она и съ злымъ торжествомъ прибавила:—Они всѣ—твари, звѣри... и она такая же тварь!

Ланде съ отчаяніемъ всплеснулъ руками.

— Соня, что вы говорите! вскрикнулъ онъ.

— Я всѣхъ ихъ ненавижу! мстительно прищуривъ глаза, сказала Соня.—Какіе они всѣ пошлые, грязные... какъ сабаки!..

Ланде, широко раскрывъ глаза и ротъ, съ нескрываемымъ страхомъ смотрѣлъ на нее, и ему казалось, что это не Соня, а какой-то маленькій, злобный духъ.

XIX.

Скандалъ на бульварѣ взмылъ слюнявую, грязную и липкую, какъ болотный духъ, волну возбужденной сплетни. Имя Марьи Николаевны трепалось

по всему городу въ связи съ именемъ Ланде, и куда бы она не приходила, ее встрѣчали съ острымъ любопытствомъ и худо затаеннымъ, радостнымъ презрѣніемъ. Загнанная, потерявшаяся дѣвушка металась изъ стороны въ сторону, безсильно стараясь побѣдить что-то грязное и холодное, невидимо окружившее ее. Иногда наступало молчаливое отчаяніе, ей казалось, что вся жизнь пропала, и тогда въ наступившей тишинѣ, вырастая, какъ огненный цвѣтокъ, изъ стыда, отчаянія и чувственной обиды, въ ней подымалась жгучая ненависть къ Ланде.

Но когда онъ въ первый разъ пришелъ къ ней, все-таки въ душѣ ея шевельнулась смутная надежда на то, что все еще измѣнится, пройдетъ, какъ гадкій сонъ, и тогда снова будетъ такъ хорошо, свѣтло и радостно, какъ прежде.

Ланде вошелъ тихо; голова у него, черезъ щеку и глазъ, была повязана толстымъ бѣлымъ бинтомъ и и казалась уродливо громадной, какъ исполинскій бѣлый одуванчикъ, покачивающійся на тоненькомъ, шаткомъ стебелькѣ.

— Здравствуйте!.. тихо сказалъ онъ.

Марья Николаевна растерянно встала и не здороваясь перебирала дрожащими пальцами по краю стола. Было въ ней что-то прекрасное, безпомощное и жалкое.

— Я пришелъ сказать вамъ... началъ Ланде, подходя и беря ее за руку. Рука задрожала, и дѣвушка подняла на него большіе влажные глаза.

— Я пришелъ... повторилъ Ланде. — Если бы вы знали, какъ я люблю васъ, Марья Николаевна!.. съ неожиданнымъ напряженіемъ вскрикнулъ онъ. — Вы мнѣ кажетесь такой свѣтлой, такой прекрасной, такой святой, какъ ангелъ!..

Глаза дѣвушки трогательно просвѣтлѣли, нѣжныя, выпуклыя губы чуть-чуть вздрогнули въ попыткѣ несмѣлой улыбки. Сердце глухо и радостно стало биться въ груди.

Ланде было трудно говорить, онъ тяжело передохнулъ и сжалъ пальцы.

— Только я не могу быть вашимъ мужемъ... вдругъ упавшимъ голосомъ докончилъ онъ.

Марья Николаевна такъ вздрогнула, какъ будто что-то тяжелое ударило ее по лицу. Нарождавшаяся радость и надежда вдругъ упали въ какую-то бездну, а изъ нея выросло, съ быстротой молніи, сознаніе омерзительно грубой, смертельной обиды.

— Что это... насмѣшка? звонкимъ и въ то же время зловѣще-тихимъ голосомъ проговорила она, вся выпрямляясь, какъ змѣя, которой наступили на хвостъ.

Холодъ и горе обняли Ланде; съ печальной укоризной онъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы же знаете, что нѣтъ... Никогда я ни надъ кѣмъ не смѣялся, а тѣмъ болѣе надъ вами... Зачѣмъ же такъ говорить?.. Я сказалъ то, что чувствую: я васъ люблю, только не такъ... Я вѣдь никогда не любилъ женщину такъ... Я не знаю, можетъ быть, я уродъ... Но не неужели нѣтъ другой любви... и непремѣнно надо это?.. Я не могу... Поймите меня!..

Ланде путался въ безсвязныхъ, нелѣпыхъ словахъ, напрасно стараясь облечь въ нихъ горячее чувство мучительной жалости и горя, но Марья Николаевна уже не понимала его: между нимъ и ею какъ бы захлопнулась тяжелая дверь, сквозь которую слова пролетали искаженныя, утратившія свой смыслъ и пріобрѣтавшія особое, оскорбительное, злое значеніе. Стыдъ и ненависть къ нему встали въ ней съ потрясающей силой. У нея на минуту замерло сердце и закружилась голова. Словъ она не слышала, въ ушахъ стоялъ какой-то гулъ, и бѣлый шаръ на тоненькомъ стебелькѣ кошмарнымъ, безобразнымъ комкомъ лѣзъ ей въ глаза.

— Я и не прошу васъ... Уйдите!.. сквозь стиснутыя отъ внутренней боли зубы проговорила она.

Ланде машинально держалъ ее за руку, и это было ей уже противно. Безсвязныя слова прыгали на его дрожащихъ губахъ, и онъ вкладывалъ въ нихъ всю душу, полную страданія и любви; но дѣвушка, съ не

естественнымъ выраженіемъ тупой злобы и омерзѣнія, закусивъ нижнюю губу, молча вырвала руку.

— Оставьте... меня! повторила она не своимъ голосомъ.

Ланде машинально тянулъ ея руку къ себѣ и внизъ, и глазами, полными муки, старался заглянуть ей въ душу. Она какъ глухая не отвѣчала ему, не смотрѣла на него. То свѣтлое чувство, которое Ланде возбуждалъ въ ней и которое пробудило требовательную жадную любовь, теперь обратилось въ слѣпую ненависть, и чѣмъ больше старался Ланде побѣдить ее, тѣмъ больше обострялась она. Огромное напряженіе его безсильно ударялось и скользило по этой ненависти, не проникая въ душу, какъ обнаженное кровавое сердце, брошенное съ размаху на твердый, холодный ледъ.

— Милая, поймите меня... Вѣдь есть же другая любовь... есть? сжимая ей пальцы, говорилъ Ланде.

— Да пустите же! съ дикой, тупой болью проговорила она.—Мнѣ же больно...

Ланде опомнился и выпустилъ ея руку.

— Простите меня,—я не хотѣлъ... пробормоталъ онъ упавшимъ голосомъ.

Дѣвушка взглянула на него искоса, съ узкимъ и злымъ презрѣніемъ. Съ неестественнымъ спокойствіемъ она поправила волосы, роняя шпильки на полъ, и вдругъ пошла мимо него вонъ изъ комнаты, неприступно холодная и враждебная.

Вокругъ Ланде стало пусто и темно и какъ будто даже холодно. Въ окна вливались синія, мертвыя сумерки и наполняли комнату. Въ наступившей тишинѣ, казалось, еще горѣли обрывки напряженнаго, горячаго шотота.

— Марья Николаевна! тихо позвалъ Ланде, и одинокій голосъ его разбудилъ въ темномъ углу что-то насмѣшливо-гулкое.

Дверь тихо скрипнула, и вошла дѣвчонка, держа передъ собой сложенную бумажку. У нея были круг-

лые, глупые глаза, и смотрѣла она на Ланде съ испугомъ, какъ звѣрекъ.

Ланде машинально взялъ записку и прочелъ:

„Ради Бога, оставьте меня! Можетъ, я дурная, гадкая, но вы меня мучите. Я не могу, я васъ ненавижу, вы мнѣ противны... какъ гадина!“ было приписано криво и неестественно надавленнымъ почеркомъ.

„Надо оставить ее“... смутно и уныло промелькнуло въ головѣ Ланде.

— Хорошо, скажи барышнѣ, что я больше не приду... твердо и ласково сказалъ онъ, взялъ фуражку и ушелъ. Въ немъ было чувство безконечнаго безсилія, какъ у человѣка, ставшаго передъ стѣной.

„Надо уйти, уѣхать... куда-нибудь, чтобы не доставлять ей лишнихъ страданій“, думалъ Ланде.

Было уже совсѣмъ темно, когда его окликнулъ Ткачевъ. Черный и худой, онъ подошелъ откуда-то изъ сумрака.

— Иванъ Ѳерапонтовичъ, глухо проговорилъ онъ,— Бога для... поговорить... Я васъ третій день выглядываю.

Ланде съ радостью остановился.

— Здравствуйте, милый! Да отчего же вы ко мнѣ не пришли?.. Я такъ радъ бы вамъ былъ...

Ткачевъ застѣнчиво ухмыльнулся, пожимая его руку жесткими пальцами.

— Я, можетъ, и пришелъ бы... Да у васъ тамъ люди... а мнѣ промежъ себя поговорить... пробормоталъ онъ.

— Ахъ, какъ я радъ, Ткачевъ, что вы, наконецъ, пришли! весь волнуясь говорилъ Ланде, крѣпко пожимая ему руки. — Можетъ быть, пойдемъ ко мнѣ? Будемъ чай пить. Я вамъ все про себя разскажу... Мнѣ не съ кѣмъ теперь поговорить... а многое надо высказать... Вотъ и сейчасъ... Пойдемте, милый!

— Что-жъ, пойдемте! тихо согласился Ткачевъ.

Было уже недалеко, и они дошли молча. Ланде зажегъ лампу, принесъ чаю, сѣлъ противъ Ткачева и любовно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Если бы вы знали, Ткачевъ, какую вы мнѣ радость своимъ приходомъ доставили!.. сказалъ онъ, ясно улыбаясь.

— Я давно хотѣлъ прійти... еще съ того... какъ въ лѣсу... застѣнчиво и кося въ сторону, отвѣтилъ Ткачевъ.

— Да, да!.. радостно отозвался Ланде.

— А какъ этотъ васъ ударилъ, такъ у меня все и освѣтилось!.. Тутъ я и понялъ... что правда не на моей сторонѣ, а на вашей. Нѣту, Иванъ Ѳерапонтовичъ, другого человѣка, какъ вы! со внезапнымъ порывомъ сказалъ онъ и даже привсталъ.

Ланде радостно смѣялся.

— Какъ вы это хорошо сказали, Ткачевъ!

Ткачевъ напряженно вздохнулъ, какъ будто приготовляясь поднять огромную тяжесть.

— Я такъ полагаю, Иванъ Ѳерапонтовичъ, что... не могу я этого высказать...

— Говорите, Ткачевъ!... Вы теперь все хорошо скажете! успокоительно погладилъ его по рукѣ Ланде.— Говорите и чай пейте...

— Я скажу... я вѣдь затѣмъ и пришелъ... Вы слушайте, Иванъ Ѳерапонтовичъ!..

— Я слушаю...

— Все, что я вамъ тогда въ острогѣ наговорилъ, все это такъ, отъ отчаянія! Столько я страдалъ, столько зла и несправедливости и подлости видѣлъ, что въ человѣкѣ извѣрился... Думалъ, что ужъ такъ и будетъ!.. Сволочь человѣкъ и конецъ!.. Куда ни посмотрю, — одни звѣри кругомъ!.. Такое меня отчаяніе, такая злоба взяла, что я и передать вамъ не могу... Да вы и не поймете, Иванъ Ѳерапонтовичъ!.. Возненавидѣлъ я и людей, и себя, и жизнь!..

Ткачевъ вытаращилъ глаза, съ трудомъ передохнулъ. Ланде грустно смотрѣлъ ему въ глаза и тихо гладилъ по рукѣ.

— Да ужъ... А вы мнѣ глаза открыли, Иванъ Ѳерапонтовичъ... задрожавшимъ голосомъ проговорилъ Ткачевъ. — Только по васъ я увидѣлъ, что значитъ

истинный человѣкъ!.. Какой можетъ быть человѣкъ!.. Тутъ я и вспомнилъ, какъ Господь Содомъ и Гоморру за двухъ праведниковъ пощадить хотѣлъ... И подумалъ я, что такой человѣкъ можетъ жизнь перевернуть...

— Ткачевъ! хотѣлъ перебить Ланде.

— Нѣтъ, вы постойте, властно остановилъ Ткачевъ, — подождите... Я знаю, теперь васъ не всякій и понять-то можетъ, но оно пройдетъ, сквозь все пройдетъ!.. Послѣ вспомнятъ, поймутъ... Только бы вы... У меня, Иванъ Ѳерапонтовичъ, вотъ какой планъ...

Ткачевъ привсталъ и наклонился къ Ланде близко-близко, такъ что его горячее дыханіе жгло Ланде лицо, а темные, мрачные глаза проникали точно въ самый мозгъ.

— Надо слухъ о новой вѣрѣ пустить! подавленно прошепталъ онъ, восторженно грозя вспыхнувшими глазами.

— Что такое? удивленно и испуганно вскрикнулъ Ланде.

— Новую вѣру!.. Вотъ... Народъ вотъ какъ ждетъ! Потому... горе кругомъ! кругомъ!.. Къ вамъ со всѣхъ концовъ пойдутъ, со всей Россіи пойдутъ!.. Только слухъ пустить... Вы надъ всѣми станете, всѣхъ поведете... Иванъ Ѳерапонтовичъ!

Ткачевъ весь дрожалъ и горѣлъ.

— Какая вѣра, о чемъ вы говорите, Ткачевъ! строго возразилъ Ланде. — Что я могу имъ дать?

— Вы? Вы все можете, Иванъ Ѳерапонтовичъ!.. А вѣра это только такъ, для началу... Чтобы только колыхнуть!

Ланде, блѣдный и строгій, всталъ.

— Это не то, Ткачевъ! сказалъ онъ. — Неужели вы не понимаете, чего вы хотите, какое это ужасное зло, обманъ и преступленіе было бы! Правды не будетъ изъ обмана и я не могу этого... оставьте это!

Лицо Ткачева потемнѣло безконечнымъ страданіемъ.

— Иванъ Ѳерапонтовичъ!.. Вы одинъ... другого такого нѣтъ!.. Неужто такъ и погибать всѣмъ!

— Никто не погибаетъ, Ткачевъ! такъ же строго и торжественно возразилъ Ланде. — Что вы говорите?.. Гибель въ томъ, что вы затѣваете... И это вамъ не удастся, потому что этого не надо!... Не надо насиловать, обманывать... Борьба будетъ потому, что она нужна, какъ горнило... Но каждый шагъ въ этой борьбѣ долженъ быть прямымъ... Это прежде всего и именно эта непоколебимая правда приведетъ къ побѣдѣ. Неужели вы этого не понимаете, Ткачевъ? Ложь—зло... Надо стараться не дѣлать зла!..

— Только? переспросилъ Ткачевъ.

— Да, только! твердо отвѣтилъ Ланде.—Это гордость въ насъ говоритъ, Ткачевъ!.. Кто далъ намъ съ вами власть передѣлывать людей по-своему силой и обманомъ? Можетъ быть, именно мы съ вами самые дурные, погибшіе люди?.. Какъ знать, зачѣмъ и для чего все кругомъ!.. Идите своей дорогой, кто пойдетъ за вами — пусть идетъ. Идите впереди, а не толкайте сзади! Если ваша жизнь будетъ права, слѣдъ ея не пропадетъ, а пройдетъ черезъ всѣ вѣка!..

Ткачевъ, понуривъ голову, молчалъ. Замолчалъ и Ланде и съ любовью и состраданіемъ смотрѣлъ въ его опущенное лицо.

— Значитъ... нѣтъ?.. съ трудомъ, совсѣмъ глухо, проговорилъ Ткачевъ. — Значитъ, ошибся...

И въ его глухомъ, упавшемъ голосѣ послышалось великое страданіе разъ и навсегда разрушившейся грандіозной мечты, смутной, но глубочайшей надежды.

— Полно, Ткачевъ! любовно сказалъ Ланде.

Была уже ночь, когда Ткачевъ шелъ по улицѣ, безъ цѣли и смысла шагая въ холодной, вѣтренной тишинѣ.

— О, чортъ бы меня побралъ! съ безконечнымъ отчаяніемъ, громко крикнулъ онъ, и судорожно схватившись за волосы, замеръ, прислонившись головой къ твердому, холодному забору. — Вѣдь могъ бы... Юродивый, несчастный! съ лютой злобой прошепталъ онъ.

Сторожъ строго постучалъ колотушкой гдѣ-то во тьмѣ.

XX.

Слабый и совсѣмъ больной отъ безсонной ночи всталъ Ланде на другой день. Всю ночь онъ думалъ о Ткачевѣ и Марьѣ Николаевнѣ, и душа его была полна свѣтлой печалью.

— Какіе они оба могучіе, какая у нихъ огромная жажда жизни!.. Бѣдный, милый Ткачевъ! Какое это счастье такъ любить жизнь и такъ стремиться къ ней... Они теперь несчастны, но это пройдетъ, а живая сила останется, — они будутъ счастливы, въ счастьи ли или въ страданіи.

Утромъ онъ рѣшилъ пойти къ Молочаеву.

Художникъ былъ дома и угрюмо сидѣлъ на окнѣ куря одну папиросу за другой. Увидѣвъ Ланде, онъ быстро всталъ и весь вспыхнулъ. Что- то непонятное и громадное прошло у него въ мозгу.

Ланде прямо прошелъ черезъ комнату и молча, улыбаясь, протянулъ ему руку. Лицо у него было свѣтлое и спокойное.

Одну секунду теплое чувство внезапно овладѣло Молочаевымъ, и ему неудержимо захотѣлось просто, искренно и сильно пожать протянутую руку; но уже въ слѣдующее мгновеніе все опять спуталось въ его душѣ. Ему почудилось что-то обидное въ этомъ поступкѣ Ланде, и Молочаевъ весь съежился, его красивое лицо неестественно искривилось въ оскорбительно-вѣжливую улыбку.

— Очень пріятно... жестко усмѣхаясь, сказалъ: онъ въ носъ, и кривляясь, съ преувеличеннымъ уваженіемъ пожалъ руку Ланде.

— Садитесь, пожалуйста! Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ, нарочно скользнувъ взглядомъ по бѣлому пузырю вмѣсто головы.

Ланде тронулъ повязку рукой и просто сказалъ:

— Не очень хорошо. Вы меня страшно больно ударили.

Вдругъ Молочаевъ потерялся. Густая краска выступила на его лицѣ. Онъ старался овладѣть собой и тѣмъ же оскорбительно-вѣжливымъ тономъ возразилъ.

— Мнѣ, право, очень жаль...

Ланде посмотрѣлъ ему въ глаза яснымъ и спокойнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ? тихо возразилъ онъ. — Вамъ не жаль, — вѣдь вы и хотѣли меня ударить больно...

Тяжелое, смутное чувство овладѣло Молочаевымъ. Какъ будто что-то придавило его, и смутное сознаніе, что Ланде не смѣшонъ, а смѣшонъ онъ самъ, смѣшонъ и ничтоженъ, — больно прилило холодъ къ груди.

— Я пришелъ собственно сказать вамъ, коротко и ровно говорилъ Ланде, — что мнѣ очень жаль, что я довелъ васъ до этого. Я знаю, что вы меня ревновали къ Марьѣ Николаевнѣ... А я вовсе не хотѣлъ вамъ мѣшать. Я, правда, люблю эту дѣвушку за огромную живую жизнь, которая въ ней есть; но только я любилъ ее всегда совсѣмъ не такъ... Теперь она возненавидѣла меня за все это, за то, что ошиблась. Вы идите къ ней, — она полюбитъ васъ, я думаю... А меня вы простите и не чувствуйте ко мнѣ дурного. Я васъ люблю, — вы такой сильный и красивый человѣкъ... Теперь я пойду, — я знаю, что вамъ еще не можетъ быть пріятно со мной говорить. Прощайте!

Ланде всталъ и протянулъ руку. Молочаевъ, закусивъ губу, тѣмъ же движеніемъ, какъ это вышло у Марьи Николаевны, протянулъ свою. Ланде ушелъ. И когда онъ ушелъ, дурное, злое, обиженное и завистливое чувство вновь овладѣло Молочаевымъ. Онъ заметался по комнатѣ, нарочно стараясь преувеличить и раздуть свое чувство. Какъ будто это удавалось ему, и онъ засмѣялся надъ Ланде; но въ то же время ему стало скучно и какъ будто жаль чего-то. Онъ не могъ понять чего именно; но чувство было

глубоко и мучительно, и ему стало казаться, что оно останется въ немъ навсегда, и на всю жизнь будетъ такъ гадко, потерянно и тоскливо.

XXI.

Жизнь Ланде становилась все болѣе одинокой, и въ этомъ чудилось что то неизбѣжное. Горящая и мятущаяся любовью душа его была все чаще унылой и печальной, какъ живая зеленая вѣтка, обмерзающая непроницаемо-прозрачной, холодной корой льда. Въ послѣдніе дни онъ постоянно былъ одинъ. Только Соня ходила за нимъ неотступно, но именно ее, одной въ цѣломъ мірѣ, Ланде сталъ почему-то бояться: ему все казалось, что она, какъ помѣшанная, больная, видитъ не его, а кого-то другого, и что вотъ-вотъ она откроетъ свою ошибку и тогда возненавидитъ его всею своею душою, и не будетъ ни границъ, ни предѣла ея ненависти.

Въ одну одинокую, грустную ночь, Ланде написалъ Семенову длинное и горячее письмо, въ которомъ задавалъ много мучительныхъ вопросовъ о правдѣ, о людяхъ, о счастьи. На это письмо больной студентъ отвѣтилъ такъ:

„Оставь меня, пожалуйста въ покоѣ! Я умираю и мнѣ не до тебя! Передо мною теперь самый важный, послѣдній и единственный вопросъ человѣческой жизни, какъ умирать?.. Можно-ли толковать о людяхъ, о любви, объ одиночествѣ, когда человѣкъ всегда и при всякихъ отношеніяхъ къ людямъ умираетъ одинъ! Ты, конечно, не можешь понять этого слова во всемъ его настоящемъ смыслѣ: смыслъ этотъ—ужасъ. Этотъ ужасъ я долженъ перенести одинъ, никто не можетъ,—понимаешь?—не *можетъ* сопровождать меня, даже если бы захотѣлъ этого больше всего на свѣтѣ. Теперь все для меня раздѣлилось на двѣ половины, не имѣющія никакой связи: одна, ничтожная,—вся міровая жизнь, другая, неизмѣримо громадная,—моя смерть! Теперь, когда я

отошелъ отъ всего и стою одинъ въ пустотѣ, я вижу, что на самомъ дѣлѣ такъ было и всегда, а мнѣ только казалось, что я живу не одинъ. Всю жизнь, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, я старательно лѣпилъ вокругъ себя какой-то цементъ изъ вѣры, идей, любви и жалости и думалъ, что это прочно, незыблемо; но какъ только повисъ надъ пустотой смерти всей тяжестью своего *Я*,—все сразу распалась, какъ сухая глина, и я полетѣлъ одинъ, какъ камень. Не сегодня-завтра мнѣ умирать, а люди остаются жить, какъ ни въ чемъ не бывало. Такъ о чемъ же ты городишь? Ты почувствовалъ себя одинокимъ и несчастнымъ оттого, что люди не раздѣлили твоихъ пылкихъ чувствъ и не бросились въ твои братскія объятія?.. Удивительно! Да неужели ты не зналъ, что все равно, когда ты будешь умирать, люди не будутъ даже въ состояніи понять твое чувство, и будутъ принуждены выпустить тебя изъ самыхъ крѣпкихъ объятій... Ты, впрочемъ, человѣкъ вѣрующій, — я было позабылъ объ этомъ; но пойми же ты хоть разъ въ жизни, что если мы всѣ и встрѣтимся въ той, иной жизни, о которой мы ровно ничего не знаемъ и знать не можемъ, то тамъ мы и поговоримъ въ подходящемъ случаю духѣ, опираясь на то, что намъ тогда будетъ извѣстно!.. Знаю я, что теплѣе жить, если люди тебя грѣютъ,—оно, конечно, что и говорить!., Ну, что же, бѣги по улицамъ и кричи: „О, люди, люди, люди!“ И побѣгутъ за тобой и будутъ кричать: „О, Ланде, Ланде“!.. Только и всего! А страдать ты всегда все-таки будешь одинъ, ибо если у тебя заболитъ животъ, у самаго лучшаго друга, у брата, у жены не сдѣлается отъ сочувствія отвѣтное разстройство желудка.

„Еще разъ прошу тебя: оставь меня въ покоѣ! Когда-нибудь ты самъ поймешь, какъ это все глупо, и такъ же возненавидишь людей за ту глупую роль, которую старался сыграть, какъ я теперь возненавидѣлъ. Если бы ты зналъ, какую ужасную, душащую ненависть возбуждаютъ во мнѣ всѣ... Будьте вы всѣ

прокляты! Если бы я могъ, я бы задавилъ всю землю. Зачѣмъ я жилъ, Ланде? Господи, какъ страшно, пусто, холодно! Ради Бога, не трогай меня больше!"

Холодный ужасъ повѣялъ въ лицо Ланде отъ этого письма. Образъ умирающаго въ одиночествѣ Семенова всталъ передъ нимъ, какъ сплошное, кровоточащее страданіе.

„Бѣдный, Вася, что съ нимъ, откуда такой ужасъ, такая злоба? Вѣдь это ужасъ, которому имени нѣтъ—такая смерть!.. Не можетъ быть, чтобы это было такъ, само по себѣ! Это оттого, что онъ одинъ, отъ страха, отъ боли. Надо ѣхать къ нему".

И всѣ чувства и мысли Ланде вылились въ одну: надо къ нему. Онъ не зналъ, что скажетъ, чѣмъ подыметъ упавшую душу; но въ немъ жила свѣтлая и торжественная вѣра, что любовь сдѣлаетъ все: любовь пробьется сквозь страданіе, согрѣетъ и оживитъ душу, и она раскроется, какъ цвѣтокъ на зарѣ, освѣтится и воспримете любовную торжественную вѣру.

Вся кровь прилила къ лицу и сердцу Ланде, такъ что въ глазахъ у него помутилось. Страстное чувство томило и тянуло его до боли, до лихорадочнаго состоянія. Онъ машинально вышелъ на крыльцо и долго стоялъ безъ шапки, глядя въ далекое небо, съ котораго моросилъ невидимый, мелкій дождь. Холодный, упругій вѣтеръ рванулъ его широкой волной, зашевелилъ волосами, буйно и холодно ударилъ въ лицо и перехватилъ дыханіе.

„Надо достать денегъ"! мелькнуло въ головѣ Ланде. „Негдѣ"! сейчасъ же подумалъ онъ. „Маму нельзя просить,—она не дастъ. Все, что я хочу, теперь вызываетъ въ ней только злобу и желаніе сдѣлать не такъ. А больше не у кого. У Шишмарева нѣтъ, навѣрное"...

Ланде растерянно, блуждая глазами, вернулся въ комнату. Тутъ, глядя въ упоръ на лампу, онъ подумалъ:

„Пойду къ отцу Павлу".

Почему у него явилось такое рѣшеніе, Ланде не

могъ бы объяснить. Въ его памяти просто выяснилась фигура стараго заштатнаго священника, съ его розовой лысиной, добродушнымъ старческимъ лицомъ, бѣлой ряской и тѣмъ, какъ будто ласковымъ и сочувственнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ, которымъ онъ провожалъ его при встрѣчѣ.

И на другой же день, все еще съ обвязаннымъ лицомъ и закрытымъ глазомъ, похожій на вставшаго отъ тяжелой болѣзни, Ланде перешелъ большую, заросшую пыльной травой, площадь, отворилъ калитку и пошелъ въ маленькій, уютный и какъ будто теплый дворикъ. День былъ сѣрый, сухой и неподвижный; но большія осыпанныя золотомъ деревья казались освѣщенными яркимъ солнцемъ, и во дворикѣ было свѣтло, тихо и радостно. Неподвижно стояли передъ окнами, въ крошечномъ палисадникѣ, милые, наивно-пестрые цвѣты. Пахло яблоками, осенними листьями, ладаномъ и какимъ-то особеннымъ запахомъ тишины и покоя.

Старый попикъ сидѣлъ на чисто остругannомъ крыльцѣ, въ чистой, бѣлой ряскѣ, весь розовый и бѣлый.

Ланде торопливо подошелъ съ озабоченнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, отецъ Павелъ! заговорилъ онъ.

Старый попикъ посмотрѣлъ на него, точно нисколько не удивившись его приходу.

— Здравствуйте! привѣтливо отвѣтилъ онъ.—Садитесь! Чѣмъ могу служить?

Ланде такъ же торопливо сѣлъ на другомъ крылѣ крылечка.

— Я къ вамъ съ просьбой... наскоро заговорилъ онъ, ибо ему казалось, что то огромное, что наполняетъ его душу, всякому человѣку понятно съ одного слова, и надо поменьше словъ. — У меня есть одинъ товарищъ... вы, вѣроятно, его знаете, — Семеновъ.

Старый попикъ помолчалъ.

— Слыхалъ... неопредѣленно отвѣтилъ онъ и про-

велъ маленькой, сморщенной ручкой по серебристымъ, сухимъ волосамъ.

— Такъ вотъ... Этотъ Семеновъ теперь въ чахоткѣ... умираетъ... торопился Ланде.

— Воля Божья! торжественно и просто сказалъ старый попикъ.

Онъ вздохнулъ и перекрестился.

— Я отъ него письмо получилъ, говорилъ Ланде довѣрчиво придвигая голову къ попику, — ужасное письмо!.. Видно, что онъ впалъ въ послѣднее отчаяніе, когда въ душѣ только ненависть и злоба... Я вамъ покажу это письмо!..

Ланде торопливо вытащилъ изъ кармана тужурки письмо.

Старый попикъ посмотрѣлъ на письмо и ничего не сказалъ.

— Сколько въ немъ страданія, одиночества, горя!.. со скорбнымъ напряженіемъ говорилъ Ланде.—Сколько отчаянія и невѣрія!.. Страшно становится, когда читаешь это письмо... Страшно и жалко до слезъ! Вы понимаете, сколько страданія долженъ испытать человѣкъ, умирая въ полномъ невѣріи! Нѣтъ названія этой мукѣ!.. Вотъ, вы прочтите письмо!

Попикъ опять посмотрѣлъ на письмо, но руки не протянулъ.

— Я чувствую, вѣрю, продолжалъ Ланде, держа письмо въ протянутой рукѣ и не замѣчая этого, — что если бы я могъ поѣхать къ нему, я много облегчилъ бы ему. Я чувствую, что смогу, потому что вѣрю въ это. Онъ почувствуетъ, что не одинъ, и этого уже достаточно... Только у меня денегъ нѣтъ на дорогу, по-дѣтски улыбаясь, вдругъ прибавилъ Ланде.

Онъ взглянулъ въ лицо попику, и вдругъ ему показалось, что добродушные глазки его — не глазки, а только глубокія дырочки, добродушныя только отъ морщинокъ, розовыхъ и лучистыхъ, а въ глубинѣ этихъ дырочекъ сидитъ кто-то маленькій, злой и острый. Онъ съ инстинктивнымъ испугомъ замолчалъ и растерянно смотрѣлъ на попика.

Попикъ тоже молчалъ и смотрѣлъ на него. Было тихо, и за спиной попика беззвучно кружился золотой листъ, опускаясь на землю.

— Да вотъ, вы прочтите письмо! торопливо пробормоталъ Ланде и протянулъ къ самымъ колѣнямъ попика сложенную бумагу.

Старый попикъ вздохнулъ, погладилъ волосы и бородку и взялъ письмо.

Читалъ онъ его долго, спокойно, какъ будто читалъ мирное и сладкое житіе преподобнаго. Потомъ опять вздохнулъ, сложилъ письмо и отдалъ Ланде.

— Вотъ видите! оживленно показывая рукой, сказалъ Ланде, взялъ письмо и положилъ на крыльцо.

— Вы письмецо уберите,—тутъ у меня этой погани не годится! тихо, но властно сказалъ попикъ.

Ланде не понялъ его словъ, но письмо взялъ и положилъ въ карманъ.

— Вотъ я и хотѣлъ денегъ попросить у васъ... Вы видите, необходимо ѣхать кому-нибудь, серьезно и просто сказалъ онъ.

Старый попикъ вздохнулъ.

— Да-съ, очень можетъ быть. Только денегъ я не дамъ, — ужъ вы простите... И есть, послушайте серьезно, да не дамъ.

Точно холодная тяжесть ударила Ланде по головѣ. Онъ вскочилъ въ отчаяніи.

— Почему? Вы же читали сами!

Старый попикъ тоже всталъ.

— А потому, послушайте серьезно, отвѣтилъ онъ,— что Семенова этого я давно и хорошо знаю. Безбожный и зловредный человѣкъ, послушайте серьезно, невѣрующій, отступникъ. И послушайте серьезно, и вамъ не совѣтую.

Ланде широко раскрылъ глаза.

— Значитъ, отступиться отъ него? Оставить его умирать въ отчаяніи?..

— По дѣяніямъ достойная смерть! сказалъ старый попикъ, заложивъ руки за спину, и опять изъ-за розовой маски выглянуло что-то жесткое и злое.

— Побойтесь Бога! воскликнулъ Ланде. — Что вы говорите, батюшка!

Не вамъ меня учить, послушайте серьезно! возразилъ попикъ.

— Да вѣдь вы служитель Церкви... Христовой Церкви!

— Господинъ Семеновъ самъ давно отступился отъ Церкви, и не Церкви за нимъ бѣгать, послушайте серьезно! сказалъ старый попикъ.

Ланде съ молчаливымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на него. Старый попикъ стоялъ, спокойно заложивъ руки за спину. Въ его маленькихъ глазахъ что-то играло и какъ будто веселилось.

— Такъ, вѣдь... не могу же я ѣхать безъ денегъ... машинально пробормоталъ Ланде.

— А вы зайчикомъ... вдругъ сказалъ старый попикъ. — А то и пѣшечкомъ пойдите!

Ланде съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но лицо попика было какъ будто серьезно.

— Да вѣдь это очень далеко! проговорилъ онъ.

Старый попикъ вздохнулъ.

— Далеко. Что жъ, послушайте серьезно, по вашему понятію дѣло это великое... Вотъ вы и потрудитесь...

И стало вдругъ Ланде холодно возлѣ этого розоваго, сѣденькаго, бѣленькаго старика-попика. Онъ машинально повернулся и пошелъ къ калиткѣ.

— Но тутъ надо скорѣе... Онъ можетъ умереть, пока я дойду... остановился онъ.

Старый попикъ отвѣтилъ ехидно, съ нескрываемой уже насмѣшкой.

— Если Господу будетъ угодно, то застанете вы его въ живыхъ...

Ланде помолчалъ. Какъ бѣлое облако въ золотомъ фонѣ, стоялъ попикъ посреди чистаго, мирнаго дворика.

— Ну, что жъ, сказалъ Ланде — придется итти. Я пойду, если не достану денегъ, — не въ томъ дѣло... Какъ вамъ будетъ стыдно потомъ! скорбно и торжественно прибавилъ онъ.

И поднялъ попикъ сухенькую ручку.

— Идите, послушайте серьезно, идите отсюда!

— Батюшка, я не хотѣлъ васъ обидѣть! вскрикнулъ Ланде.

— Идите, идите!

И было что-то такое холодное и непреклонное въ его тихомъ, ясномъ голосѣ, что Ланде ничего больше не сказалъ, опустилъ голову и вышелъ.

Слышно было, какъ старый попикъ подошелъ къ калиткѣ и наложилъ крюкъ.

XXII.

Вечеромъ Ланде сказалъ объ этомъ матери. Она посмотрѣла на него съ ненавистью, дикой на старомъ, добромъ лицѣ, и шипящимъ голосомъ сказала:

— Опять фокусы!.. Господи, да когда же это кончится, наконецъ!

Она встала и ушла отъ него, съ холодной и тупой злобой въ душѣ, хлопнувъ дверью.

Ланде печально посмотрѣлъ ей вслѣдъ, взялъ фуражку и пошелъ къ Шишмареву.

Маленькій студентъ сидѣлъ одинъ, въ маленькой комнатѣ, и пилъ чай за маленькимъ самоваромъ. Большая раскрытая книга лежала передъ нимъ.

Увидѣвъ Ланде, онъ какъ-то нескладно всталъ и протянулъ руку.

— А, это ты... Здравствуй! Садись! Хочешь чаю? рѣзко, какъ будто не проговорилъ, а прокричалъ онъ.

— Нѣтъ, сказалъ Ланде, — я пилъ чай... Получилъ письмо отъ Семенова.

— А!.. Что же онъ пишетъ?

— Ты самъ прочти, — я этого не могу пересказать... отвѣтилъ Ланде.

Маленькій студентъ долго и внимательно читалъ письмо.

— Да, бѣдняга! вздохнулъ онъ кончивъ и, заложивъ обѣ руки, въ короткихъ рукавахъ тужурки, между колѣнъ, потеръ ихъ, точно ему стало холодно.

— Я хочу ѣхать къ нему! сказалъ Ланде.

— Зачѣмъ? серьезно и внимательно спросилъ Шишмаревъ.

Его рѣзкій голосъ произвелъ почему-то на Ланде такое впечатлѣніе, какъ будто онъ запустилъ ему куда-то въ душу тонкій и твердый ножикъ.

— Что жъ ты тамъ можешь сдѣлать? повторилъ вопросъ Шишмаревъ, пока Ланде собрался отвѣчать.

— Я не знаю, что я могу сдѣлать... отвѣтилъ Ланде. — Я только чувствую, что надо ѣхать.

Шишмаревъ уже давно сталъ чуждаться Ланде: кротость его казалась маленькому студенту безсиліемъ, неспособностью къ борьбѣ. Иногда онъ чувствовалъ за этой кротостью что-то, что смутно его поражало; но онъ сторонился отъ этого и смотрѣлъ намѣренно-равнодушными глазами, какъ смотрѣлъ маленькій студентъ на все, чего не понималъ просто и ясно его рѣзкій и жесткій умъ.

Серьезнымъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ въ лицо Ланде, еще глубже засунулъ между колѣнями широкія кисти рукъ и возразилъ.

— Не знаю... Ты такъ подчеркиваешь это „чувствую“, точно здѣсь что-то мистическое... Что касается меня, то мнѣ кажется, что своимъ пріѣздомъ ты ровно ничему не поможешь. И самъ измучишься и его измучишь... Оставь лучше... зачѣмъ?

— Вотъ ты говоришь,—зачѣмъ?.. задумчиво отвѣтилъ Ланде.—Въ этомъ вопросѣ уже заложена мысль, которая губитъ человѣка... Не надо спрашивать. Надо дѣлать то, что чувствуешь. Это выше насъ: прикладывая свою мѣрку, мы только убиваемъ душу...

Шишмаревъ рѣзко пожалъ плечами, не вынимая рукъ

— Какую тамъ душу?.. досадливо возразилъ онъ.— Оставь, пожалуйста... Долженъ же быть какой-нибудь критерій поступковъ... Разъ ты хочешь ѣхать, то долженъ же ты себѣ уяснить, какая польза будетъ отъ этого.

Ланде печально вздохнулъ.

— Я не знаю... можетъ, и никакой пользы не будетъ... грустно проговорилъ онъ.

Шишмаревъ удивленно поднялъ брови.

— Такъ для чего же?

Отъ его рѣзкаго голоса лампа какъ будто вздрагивала.

— Для чего? Для той правды, которую я чувствую и которая зоветъ меня! — глубокимъ грудным звукомъ сказалъ Ланде.

— Опять эта правда!.. Можетъ, скажешь, высшая правда! съ ироніей спросилъ Шишмаревъ.

— Конечно, высшая, потому что выше ужъ ничего нѣтъ! серьезно отвѣтилъ Ланде.

Шишмаревъ не пожалъ, а рванулъ плечами.

— Высшая правда — одна, та, которую даетъ разумъ, мысль! крикнулъ онъ. — У насъ нѣтъ ничего, кромѣ добытаго мыслью пониманія!

Ланде всплеснулъ руками.

— Что ты говоришь! Какое убожество, какая бѣдность жизни была бы, если это такъ!

Шишмаревъ вскочилъ и размахнулъ руками, отчего чуть не до ушей поднялись его узкія плечи.

— Какъ убожество? По-моему убожество — это тѣшить себя сказками, заранѣе ставить предѣлы своей мысли!

— Она сама знаетъ свои предѣлы... тихо возразилъ Ланде.

— Никакихъ предѣловъ она не знаетъ! рѣзко кричалъ Шишмаревъ. — Горизонты мысли безпредѣльны! Изъ того, что сейчасъ мы не знаемъ всего, вовсе не значитъ, что мы такъ никогда и не узнаемъ. Мысль такъ же безпредѣльна, какъ весь міръ! какъ возможность!.. Какъ расширяется теорія возможности, такъ расширяется и мысль... безконечно!

— Въ пустоту? мучительно спросилъ Ланде, широко открывъ глаза.

— Да, въ пустоту! горячо и рѣзко, еще рѣзче, чѣмъ прежде, отвѣтилъ Шишмаревъ.

— Но вѣдь это ужасъ!

— Ну и пусть ужасъ... Я самъ знаю, что куда легче убаюкивать себя золотой мечтой о единой, все-

объединяющей душѣ міра и тому подобное! Но что касается меня, я предпочту пустоту той правдѣ, которая только потому и правда, что съ ней легко и пріятно жить. Хм!.. Онъ замолчалъ и весь дергался отъ возбужденія, глубоко засунувъ красныя кисти рукъ въ карманы тужурки и перебирая тамъ пальцами быстро и безпокойно.

— Я не стану съ тобой спорить, просто сказалъ Ланде,—и потому, что ты умнѣе меня, и потому, что объ этомъ не надо спорить; но только именно потому, что я чувствую всю безконечную громадность внутренней силы человѣческой, человѣческой мысли,— я не могу повѣрить, чтобы она исходила изъ абсолютной пустоты и уходила въ нее же, какъ безсмысленный болотный огонь, возникшій изъ грязи!.. Слишкомъ свѣтло она горитъ, слишкомъ сильно разгорается, охватываетъ весь міръ, освѣщаетъ, согрѣваетъ!.. Нѣтъ, я чувствую правду... Я все-таки поѣду къ Семенову, Леня!

— Это дѣло другое... сдержанно отвѣтилъ Шишмаревъ.—Если хочешь, если тебѣ жаль его, такъ поѣзжай... Дѣло твое!

Онъ сѣлъ за столъ и сталъ помѣшивать ложечкой, тихо звеня въ полупустомъ стаканѣ. Плечи его все еще вздрагивали отъ возбужденія.

— Я поѣду, только денегъ у меня нѣтъ.

— Ну, и у меня, братъ, нѣтъ! извиняющимся тономъ отвѣтилъ Шишмаревъ, виновато разводя руками.

Ланде хрустнулъ пальцами.

— Ахъ, Господи... что же мнѣ дѣлать?..

Шишмаревъ опять развелъ руками.

— Подожди! Можетъ, какъ-нибудь устроится...

— Нѣтъ, махнулъ рукой Ланде,— здѣсь не время ждать... Пойду...

Шишмаревъ быстро поднялъ голову, смѣшливое удивленіе расширило его ротъ.

— Пойдешь? То-есть, какъ пойдешь? пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ, конечно... Гдѣ-нибудь подвезутъ... просто отвѣтилъ Ланде.

Шишмаревъ пристально, расширивъ ротъ‘ смотрѣлъ на него, потомъ вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Слушай, Ланде... есть же границы всякимъ чудачествамъ! пожавъ плечами, вразумительно сказалъ онъ.

— Это не чудачество. Мнѣ не на что ѣхать, я и пойду. Ходятъ же богомолки за тысячи верстъ...

— Богомолки... спутался на мгновеніе Шишмаревъ.—Такъ то, во первыхъ, богомолки, а во вторыхъ, не осенью... Ты не дойдешь просто!

— Можетъ быть, и дойду.

Раздраженіе опять начало овладѣвать Шишмаревымъ.

— Богомолки ходятъ ради вѣры... которая у нихъ одна въ...

— И я иду ради своей вѣры, улыбнулся Ланде.

— Да... Ну... Но вѣдь долженъ же ты сообразоваться хоть съ обстоятельствами!

— Это такъ легко опредѣлять жизнь свою по обстоятельствамъ! съ нѣжной укоризной сказалъ Ланде, улыбаясь свѣтлыми глазами.—Такъ можно совсѣмъ перестать вѣрить себѣ и начать во всемъ уже вѣрить обстоятельствамъ... Нѣтъ, пусть ужъ такъ: чувствую я, что надо итти, ну, и пойду... Какъ-нибудь...

— Да пойми ты, наконецъ, что прежде всего ты этимъ фактически ничего не измѣнишь!

— Мы этого не знаемъ! строго отвѣтилъ Ланде.— Это только кажется такъ...

Шишмаревъ безсильно помолчалъ.

— Это глупо,—ты не дойдешь, ничего не поправишь!.. Это глупо и невозможно.

— Нѣтъ ужъ, вздохнулъ Ланде, задумчиво глядя на него,—я знаю, что тебѣ кажется это глупымъ, невозможнымъ, нелѣпымъ, но... только я все-таки пойду... Не удерживай меня, голубчикъ, не надо этого!

Шишмаревъ со страннымъ чувствомъ пожалъ плечами.

— Чортъ знаетъ, что такое! пробормоталъ онъ и наклонился къ стакану.

Они молчали.

— Ну, я ухожу,—прощай пока! сказалъ Ланде вставая.

— Посиди!

— Нѣтъ, голубчикъ... приготовить кое-что надо...

Онъ тепло пожалъ руку Шишмареву. И вдругъ маленькій студентъ почувствовалъ смутную грусть.

— Такъ и пойдешь? усиливаясь смѣяться, но дрогнувшимъ голосонъ спросилъ онъ.

Ланде былъ выше его на голову и любовно смотрѣлъ на него сверху.

— Пойду! кивнулъ онъ головой.

Шишмаревъ хотѣлъ что-то сказать, но странное чувство сдавило ємy горло, и онъ только слабо пожалъ плечами.

Они стояли уже въ темной передней, въ которую падалъ только узкій свѣтъ изъ двери, когда Ланде вспомнилъ о Ткачевѣ.

— Помнишь ты того человѣка, изъ-за котораго меня Молочаевъ побилъ? спросилъ онъ.—Какъ-то онъ приходилъ ко мнѣ...

Ланде разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Ткачевымъ. Разсказалъ онъ просто и коротко, но что-то громадное, подавляющее стало медленно вставать въ мозгу Шишмарева. Грандіозная фантазія властно захватила его и, страннымъ образомъ воплощаясь въ темной фигурѣ Ланде, стоявшаго передъ нимъ, очаровала маленькаго студента новымъ, захватывающимъ чувствомъ. Онъ порывисто схватилъ Ланде за рукавъ и рѣзко крикнулъ:

— А вѣдь это громадно! Что жъ ты?

— Да, сказалъ Ланде,—мнѣ было ужасно больно разрушать его мечту... Несчастный онъ... Съ такой бурей въ душѣ никогда нельзя успокоиться...

— Значитъ, ты отказалъ? съ какимъ то испугомъ спросилъ Шишмаревъ.

Ланде улыбнулся.

— Развѣ я могъ согласиться быть пророкомъ, не будучи имъ?..

Шишмаревъ вдругъ опомнился, потеръ руки и смутно проговорилъ:

— Ну, да...

Онъ проводилъ Ланде на крыльцо.

Было темно и уныло.

— Прощай! сказалъ Ланде, удаляясь въ темноту.

— Прощай! сказалъ Шишмаревъ.

Онъ долго стоялъ на крыльцѣ, потомъ вернулся въ комнату и сѣлъ за столъ. Лампа горѣла ярко, но ея узкій свѣтъ тупо и вяло ложился вокругъ. Углы комнаты были уже въ сумракѣ. Шишмаревъ подвинулъ къ себѣ книгу, но буквы рѣзали глаза, не врѣзываясь въ мозгъ. Странное волненіе овладѣло имъ. Онъ то вставалъ, то садился, точно что-то громадное вошло въ него и томило его. Всѣ мысли и чувства его были полны Ланде. Было трудно думать о немъ, мысли прыгали и путались, смѣняя одна другую. Голосъ Ланде, слабый и мягкій, стоялъ въ ушахъ, и неясный образъ стоялъ возлѣ и въ немъ, туманный и огромный.

Шишмаревъ вдругъ пожалъ плечами и неестественно рѣзко засмѣялся, хотя никогда прежде не смѣялся одинъ. Смѣхъ остро зазвенѣлъ у него самого въ ушахъ.

— Чортъ знаетъ что такое! хрипло проговорилъ онъ.

Было такое чувство, точно по душѣ его, жестокоупорной, прошла вдругъ какая-то глубокая, огненная борозда, конецъ которой терялся впереди, въ безконечной дали будущей жизни.

XXIII.

Ночью, въ началѣ осени, когда воздухъ былъ уже рѣдокъ и холоденъ, Ланде тихо вышелъ изъ дому, одѣтый въ черный, старый, купленный у монаха подрясникъ, и съ мѣшкомъ за спиной.

„Такъ легче и проще будетъ итти“... думалъ онъ.

Тихо и пусто было во всемъ городѣ. На небѣ была непроглядная пелена блѣдныхъ тучъ. Не было луны, не было звѣздъ. Медленно уходили назадъ темные дома, съ запертыми, слѣпыми окнами, и холодныя деревья, облѣпленныя черной тьмой. Скоро Ланде вышелъ въ поле. Вѣтеръ рванулъ полы его подрясника и зашумѣлъ въ ушахъ протяжно и уныло. Пусто, широко и холодно раскинулось вокругъ безконечное поле. Тучи шли, казалось, еще дальше, еще выше. На темныхъ буграхъ уныло качалась сухая трава. Въ душу Ланде вошло необъятное чувство простора, и вмѣстѣ съ нимъ вошло и отчетливое сознаніе, что ему не дойти. Но вошло оно безъ сомнѣнія, безъ тоски и отчаянія, напротивъ, ему стало легко и свободно, какъ будто именно этимъ онъ сталъ на прямой путь, наконецъ уже прямо ведущій къ цѣли, и сердце его сладко сжалось, точно въ предчувствіи свѣтлой радости.

Но это было только сознаніе, а не мысль. Въ мысли его стоялъ только образъ больного, страдающаго человѣка, къ которому онъ шелъ, и онъ не думалъ, что съ нимъ самимъ будетъ впереди, какъ не чувствовалъ жалости и печали о томъ, что оставлялъ. Въ сердцѣ его было свѣтло и оттого вездѣ было свѣтло. Легкими, быстрыми шагами, точно упругая земля сама отталкивала его ноги, шелъ онъ впередъ, по широкой, мягкой дорогѣ, радостно и удивленно оглядываясь кругомъ и радостно прислушиваясь ко всякому звуку степи, приносимому уныло шумящимъ вдоль дороги, одинокимъ вѣтромъ.

Настало утро, потомъ день, опять ночь и опять утро. Пять дней онъ шелъ деревнями и ночевалъ у мужиковъ, смотрѣвшихъ на него недовѣрчиво и угрюмо и неохотно пускавшихъ его къ себѣ. Съ нимъ мало кто говорилъ, потому что мало кто его понималъ, хотя онъ просто и легко заговаривалъ со всѣми. Старухи, подперевъ высохшія щеки рукою,

спрашивали, откуда онъ идетъ и не отъ Серафима ли; а мужики только косились и отмалчивались. На пятый день огромный, черный мужикъ, съ черной, точно вырубленной топоромъ бородой и злыми глазами, сказалъ ему угрюмо:

— Проходи, проходи, а не то и къ уряднику недолго... Много васъ тутъ шляется!

И было въ этомъ что-то такое недружелюбное, непонимающее, чужое, что Ланде стало страшно и жалко. Широко раскрытыми глазами онъ всматривался въ деревню, и она проходила мимо, такая же обособленная, непонятная и убогая и богатая жизнью, какъ тѣ огромныя, пестрыя стада, которыя медленно поворачивали къ нему рогатыя, могучія головы и провожали его таинственными, большими глазами, когда онъ проходилъ мимо. Съ любовью и умиленіемъ смотрѣлъ Ланде на этихъ людей, похожихъ на воловъ, и на этихъ воловъ, похожихъ на какихъ-то странныхъ людей, и чувствовалъ себя еще далекимъ, еще ненужнымъ и непонятнымъ имъ. Было грустно, и мечтательно хотѣлось заглянуть куда-то вдаль. Но взоръ былъ тупъ и безсиленъ, и было тяжело. Только когда въ полѣ было совсѣмъ пусто и солнце на всемъ необъятномъ просторѣ свѣтило, казалось, для него одного, Ланде было совсѣмъ весело, хорошо и легко. Но это было рѣдко, потому что по всѣмъ направленіямъ, въ безсчетномъ количествѣ, какъ муравьи, копошились люди.

И когда ему указали ближайшую дорогу черезъ лѣсъ, и лѣсъ выступилъ передъ Ланде зубчатой стѣной, и онъ вошелъ въ его торжественную и тихую зелень,—ему стало радостно, и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ облегченіе оттого, что не было здѣсь нигдѣ озабоченнаго, затаеннаго, непонятнаго человѣческаго лица.

Цѣлый день онъ шелъ по чуть намѣченнымъ, заросшимъ лѣснымъ колеямъ, и цѣлый день вокругъ него стояли только высокія, задумчивыя деревья и во всѣ стороны углублялась ихъ прозрачная,

зеленая глубина. Беззвучныя птицы неслышно перепархивали вокругъ него, какъ будто притворяясь, что не замѣчаютъ человѣка. Гдѣ-то трещали вѣтки, точно по лѣсу шелъ кто-то, не человѣкъ.

Потомъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, потянуло сыростью и еще непонятной, но ясно ощутимой силой, что-то заблестѣло между деревьями. Это была большая, глубокая, многоводная рѣка. Только у самыхъ береговъ росла зеленая осока, таинственно раскачивающая надъ глубиной узкими, какъ зеленыя острыя сабли, листьями; а огромная масса воды, полной и свободной, медленно и гладко текла, чистая и широкая. На той сторонѣ стоялъ сплошной стѣной такой же темно-зеленый лѣсъ, и сзади надвигались молчаливыя деревья, вытягивая къ рѣкѣ узловатыя вѣтви, точно колдуя надъ темной глубиной.

Было пусто, и долго было пусто, и Ланде задумчиво сидѣлъ на берегу. Потомъ вдоль берега неслышно заскользилъ челнокъ, такой же зеленоватый, сырой и дикій, какъ стволы деревьевъ, а въ немъ стоялъ на колѣняхъ мокрый и тоже зеленый, корявый мужикъ. Онъ не нарушалъ покоя рѣки и лѣса, а сливался съ ними, такъ что глазъ не останавливаясь скользилъ по немъ, какъ и по осокѣ, и по водѣ и по небу.

— Дѣдушка! крикнулъ Ланде, вставая на берегу.

На той сторонѣ, въ лѣсу, кто-то прокричалъ тоненькимъ, страннымъ, гулкимъ голоскомъ:

— У... а—а! И смолкъ гдѣ-то страшно далеко, точно подхватилъ рѣдкіе звуки и быстро унесъ ихъ въ глубину лѣса.

Мужикъ положилъ весло на колѣни, поперекъ челнока, и челнокъ долго скользилъ самъ, оставляя за собой узкую серебристую ниточку, звенѣвшую, какъ стеклянная.

— Ась! отозвался мужикъ.

— А-а!.. акнулъ въ лѣсу подкравшійся, и опять торопливо убѣжалъ въ чащу...

Потомъ мужикъ долго гребъ черезъ рѣку, а Ланде

сидѣлъ на носу челнока, длинной, черной полосой отражаясь въ водѣ.

— Далече ли идешь? спрашивалъ мужикъ глуховатымъ, лѣснымъ голосомъ.

— Далеко, охотно отвѣтилъ Ланде.

Мужикъ посмотрѣлъ на него маленькими, быстрыми, лѣсными глазками.

— Такъ... сказалъ онъ, пересталъ грести и смотрѣлъ въ воду.

— Сказываютъ, въ Сибири много вольготнѣе... заговорилъ онъ неожиданно, какъ будто то, что сказалъ Ланде, было въ связи съ его долгой, упорной думой. — Такъ-то вотъ, ходитъ народъ искать гдѣ лучше... Оно точно, податься некуда, а только ни къ чему это... Правды искать идутъ, а правды-то нигдѣ нѣтъ... Все одно, здѣсь ли, тамъ ли, а только ты себѣ живешь, вотъ какъ я, къ примѣру, въ лѣсу... думашь, окромя Бога надъ тобой никого нѣтъ... Все отъ Бога, и ты самъ къ Богу, помощи больши никто не подастъ; анъ нѣтъ, придетъ незнамо кто, незнамо зачѣмъ и беретъ... Народъ темный, не зна, можетъ, и надо такъ, кто его знатъ!.. Думка-то есть да кто ее скажетъ!.. Такъ-то вотъ, вѣкъ спину гнешь, напираешь, глядишь, только-только вздохнулъ, Бога вспомнилъ, разъ! — и нѣтъ ничего!.. А опосля того въ кабакъ, потому невозможно... Правды нѣтъ, милый человѣкъ, нѣтъ... А тутъ, тамъ ли, все едино, земля вездѣ одна!.. говорилъ мужикъ убитымъ, монотоннымъ голосомъ, съ той скрытой страстью, которая безъ крику кричитъ объ изстрадавшейся въ конецъ душѣ.

— Правда въ самомъ человѣкѣ, скорбно сказалъ Ланде,—а не въ землѣ. Надо любить и жалѣть прежде всего другъ друга, а остальное потомъ все будетъ!

Мужикъ мрачно усмѣхнулся.

— Знаемъ мы, милый человѣкъ, что будетъ! какъ будто не придавая этому значенія, какъ неизбѣжному, какъ тому, что завтра непремѣнно будетъ день, ска-

залъ онъ. — А теперь какъ жить, вотъ ты скажи!.. Любить, говоришь... Гдѣ ужъ тутъ любить, когда иной разъ за корку хлѣба, скажемъ, глотку бы перервалъ!... Вотъ.

Мужикъ помолчалъ и съ затаенной ненавистью прибавилъ:

— Господамъ-то оно хорошо говорить... Господамъ да попамъ!.. Нѣтъ, ты вотъ тутъ правду-то поищи! злобно проговорилъ онъ и, вмѣстѣ съ весломъ, ткнулъ къ Ланде свою корявую, мозолистую, сплошь изъѣденную рыбьей солью руку.

— Такъ-то... другимъ голосомъ, тихимъ и печальнымъ, помолчавъ заговорилъ онъ. — Богу-то виднѣй, куда дѣло идетъ!.. Тѣмъ и живемъ, а то бъ... Нѣту на свѣтѣ правды, а можетъ, въ томъ-то и дѣло все: Богу-то правда нужнѣй сытости; затѣмъ люди и муку принимаютъ, что черезъ нее правда на землѣ идетъ!.. Такъ ли, милый человѣкъ?

— Такъ, такъ!.. радостно отвѣтилъ Ланде, кивая головой. — Все, что на свѣтѣ есть, и науки всѣ, и дѣла всѣ, и мысли всѣ,—все двигается страданіемъ... Не будь муки, остановилось бы все и душа бы умерла!

Челнокъ ткнулся о берегъ. Ланде медленно и нерѣшительно вылѣзъ наверхъ. Мужикъ остался внизу. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Что-то крѣпкое и сильное протянулось между ними, и были въ эту минуту они и близки и далеки другъ другу, какъ два конца туго натянутаго каната; чувствовалось жгучее и властное желаніе что-то сказать, что-то важное, соединяющее; но ничего нельзя было выразить, потому что не было словъ, одинаково сильныхъ и одинаково понятныхъ для обоихъ, мужика и Ланде.

— Прощай, дѣдъ! грустно сказалъ Ланде.

Мужикъ угрюмо пробормоталъ что-то непонятное, оттолкнулся отъ берега и опять заскользилъ по рѣкѣ, корявый, зеленый и мокрый, какъ водяной корень. Ланде долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ беззвучно

не уплылъ за поворотъ и пока не сгладилась на широкомъ водномъ зеркалѣ длинная серебристая полоска. Опять стало Ланде тяжело, грустно и опять захотѣлось уйти въ зеленую чащу.

Къ вечеру онъ сбился съ дороги, набрелъ на старый, брошенный шалашъ и остался въ немъ ночевать.

Ночь была холодная, колющая, и Ланде плохо спалъ отъ холода и усталости.

Туманъ, который всю ночь густой, бѣлой пеленой стоялъ между неподвижными, высокими деревьями, тронулся къ утру и посѣрѣлъ. Что-то неуловимое дрогнуло въ воздухѣ, и все проснулось легко и быстро, точно по уговору. Какая-то птица слабо чирикнула, будто спрашивая кого-то о чемъ-то. Ворона, тяжело снявшись съ отсырѣвшей вѣтки и неуклюже цѣпляясь мокрыми отъ росы крыльями за тоненькія вѣточки, полетѣла между деревьями, не погружаясь внизъ, въ туманъ. Вздрогнула трава и шевельнулись листья, и вдругъ сразу стало радостно свѣтлѣть. Туманъ рѣшительно заколыхался вверхъ и внизъ, будто волнуясь, и вытянулся въ легкіе, колеблющіеся столбы, торопливо и неслышно заходившіе между стволами деревьевъ, какъ таинственные воздушные призраки между колоннъ высокаго, холоднаго храма. Съ неслышнымъ звономъ разлились въ воздухѣ нѣжные, розовые отблески.

Ланде вылѣзъ изъ шалаша, и его тонкая, черная фигура вытянулась надъ блѣдно-зеленымъ папоротникомъ, какъ черный зигзагъ въ бѣлой мглѣ. За ночь онъ сильно продрогъ, и лицо у него было блѣдное, сѣрое, измятое. Онъ оглянулся кругомъ, и въ первую минуту ему показалось странно и одиноко въ колышащейся мглѣ.

Но утро все больше и больше свѣтлѣло. Туманъ безслѣдно и покорно таялъ. Блѣдные и прозрачные призраки неслышно убѣгали куда-то отъ настигающихъ розовыхъ стрѣлъ. Близко и далеко начался невидимый, могучій хоръ лѣсной жизни. Верхушки

деревьевъ вспыхнули густымъ, розовымъ огнемъ, а надъ ними ярко заголубѣло небо. И Ланде весь проникся живымъ тепломъ и свѣтомъ, разливающимся повсюду.

Ему не хотѣлось итти отсюда. Онъ сѣлъ возлѣ шалаша на землю и сидѣлъ тихо, напряженными, радостными глазами наблюдая кругомъ.

День подымался. Его яркій, безконечно-могучій и живой свѣтъ грѣлъ сердце. Ланде то сидѣлъ, то лежалъ подъ деревомъ, съ котораго на него сыпались легкіе золотые листья, и жадно слѣдилъ за новой для него, таинственной жизнью лѣса. И ему казалось, что смутно началъ онъ постигать ее.

Все глубже охватывалъ его радостный покой и все больше слабѣло тѣло.

Онъ замѣтилъ эту слабость и поѣлъ; но ѣда не шла въ горло, и послѣ ѣды онъ ослабѣлъ еще больше. Ланде всталъ на ноги, но итти не могъ: странная, истомная слабость дрожала у него въ колѣняхъ, голова чуть кружилась, была тяжела, а сердце билось тихо и рѣдко.

„Я нездоровъ“... подумалъ Ланде, безъ страха и удивленія, какъ будто ждалъ этого, и ему казалось, что онъ, точно, ждалъ и зналъ. „Должно быть, ночью простудился, — машинально сообразилъ онъ, — надо остаться здѣсь“.

Смутная, покойная радость тихо стала подыматься въ его душѣ.

„Чему я радъ?“ улыбаясь самъ себѣ, спросилъ Ланде. „Тому ли, что надо еще оставаться здѣсь, или чему-то другому?.. Не знаю... а только, какъ свѣтло, тихо, какъ хорошо!..“

Цѣлый день онъ безъ опредѣленныхъ мыслей, весь въ созерцательномъ, ласковомъ чувствѣ, смотрѣлъ передъ собою.

Такъ было много свѣта, красокъ, прозрачности и жизни, что счастье и умиленная тоска жгли его глаза.

Гулъ лѣсныхъ голосовъ непрестанно шелъ по

лѣсу, но кромѣ молчаливыхъ птичекъ съ зелеными хвостиками Ланде не видалъ никого. Въ самый полдень уже, изъ лѣсу, по ту сторону папоротниковъ, вышелъ худой, всклокоченный медвѣдь. Маленькіе черные глазки его смотрѣли на Ланде внимательно и серьезно. Онъ сѣлъ на заднія лапы, слегка повелъ шеей, вздохнулъ и опять уставился на Ланде. Все кругомъ было тихо и ясно. Какая-то птица тихо ворошилась вверху, между зелеными, сквозившими на небѣ, вѣтками.

— Господи, какъ хорошо! повторилъ себѣ Ланде, и глаза у него стали мокрыми.

Медвѣдь издалъ странный, точно всхлипывающій звукъ и опять повелъ шеей.

— Милый! сказалъ Ланде, и ему страшно захотѣлось подойти и приласкать медвѣдя по бурой, облѣзшей клоками, шерсти. Но онъ побоялся испугать его.

То, что медвѣдь можетъ броситься на него, не приходило ему въ голову, потому что въ душѣ его было такъ тихо и кротко, что ничто грубое, жестокое и злое не входило въ нее.

„Хлѣба ему дать?“ подумалъ Ланде, и самъ засмѣялся этой мысли.

Медвѣдь тяжело и протяжно вздохнулъ, посмотрѣлъ своими черными глазами, всталъ и легко переваливаясь, пошелъ прочь въ лѣсъ. Ланде было грустно и весело смотрѣть, какъ онъ уходилъ между высокими, какъ колонны, деревьями.

„Тутъ бы и умереть“... подумалъ вдругъ Ланде съ теплыми глазами.

И мысль о смерти, съ отчетливымъ, круглымъ сознаніемъ ея близости, властно, но спокойно, вошла въ его душу.

„А Вася“? вспомнилъ онъ, но мысль эта тихо вспыхнула и растворилась въ радостномъ могучемъ сіяніи дня, точно ушла къ кому-то другому болѣе властному.

XXIV.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, и по всему лѣсу шелъ долгій, непрестанный шумъ. Иногда казалось, что вблизи, за кустомъ, кто-то всхлипываетъ и плачетъ тоненькимъ, серебристымъ плачемъ. А потому становилось слышно, что то вода звенитъ.

Ланде лежалъ въ шалашѣ. Мокро, душно и непроницаемо-темно было вокругъ. Иногда ему казалось что онъ лежитъ въ безконечной пустотѣ, тогда Ланде съ трудомъ поднималъ горячую, дрожащую руку, у самаго лица натыкался на невидимыя, намокшія, тяжелыя вѣтви, и на его лицо падали крупныя, холодныя капли. Голова горѣла, страшный ознобъ рвалъ все тѣло, и Ланде безсильно корчился на землѣ, напрасно стараясь согрѣться подъ мокрымъ подрясникомъ. Передъ открытыми глазами во мракѣ сыпались огненныя искры и крутились золотые круги. Физическая тоска сжимала сердце.

„Я умираю“... подумалъ Ланде. „Такъ... Господи, да будетъ воля твоя!“

Отъ холода, отъ боли онъ плакалъ. Одинокія, никому незримыя, капали горячія слезы на мокрую землю, попадали въ ротъ, на судорожно колотившіеся зубы.

— Господи, Господи!.. тихо позвалъ онъ, и этотъ одинокій звукъ былъ такъ страненъ во мракѣ и лѣсу, что ему самому показалось, будто все стихло на мгновеніе; стихло и прислушалось; а потомъ еще сильнѣе, и близко и далеко, зашумѣлъ по лѣсу дождь и захлюпала вода.

Ланде забылся, неподвижно скорчившись на землѣ, колѣнями въ подтекшей холодной лужѣ. Былъ бредъ.

Изъ мрака выглянула большая заячья голова. Длинныя уши были прижаты назадъ и красные глаза въ упоръ смотрѣли на Ланде. Что-то ужасное, насмѣшливое и злое было въ этой молчащей головѣ. Она тихо, медленно, чуть замѣтно кивала Ланде. Вдругъ все вокругъ освѣтилось желтымъ свѣтомъ, точно гдѣ-то близко, за спиной, стала невидимая лампа, и при ея странномъ свѣтѣ Ланде, какъ будто со сто-

роны, увидѣлъ свое тѣло, скорченное въ лужѣ, безобразное и жалкое, облипшее мокрымъ, чернымъ подрясникомъ, грязное, несчастное, какъ червь. Страшная мука и страхъ приблизились къ сердцу Ланде. Съ дикимъ, нелѣпымъ крикомъ онъ сѣлъ, стукнувшись головой о вѣтки. Цѣлыя струи холодной воды полились на него, но онъ не очнулся. Масса знакомыхъ лицъ, живыхъ, блестящихъ глазами, безконечной лентой, уходящей вдаль, стали приближаться къ нему. Они подходили, наклонялись къ нему, смотрѣли и отходили, а за ними шли новыя. Лампа уже не стояла за спиной Ланде, а какъ будто отъ него самого шелъ слабый, но ясный свѣтъ и ложился на наклоняющіяся къ нему лица все дальше и дальше, во всѣ стороны. Стало тихо и хорошо. А потомъ опять засвѣтилась лампа, и опять корчилось черное, какъ раздавленный червякъ, тѣло и опять чуть-чуть кивала заячья голова.

Не мысль и не бредъ, и не чувство, а яркій свѣтъ какого-то чудеснаго проникновенія пронизалъ воспаленный мозгъ Ланде, и въ ту же минуту вся жизнь его раскололась надвое: будто-то что то громадное, свѣтлое и чудесное въ своей непонятности, что онъ дѣлалъ всю жизнь, отошло отъ него и медленно расплылось, наполняя все вокругъ; а его самого острое страданіе, одинокое, непобѣдимое и послѣднее, схватило, впустило острые когти и страшно придавило къ землѣ.

— А... а!.. слабо и тоненько прокричалъ во мракѣ Ланде.

XXV.

Рязанскіе мужики, плотники, пробираясь на родину, въ лѣсу, далеко отъ жилья, наткнулись на мертваго человѣка.

Трупъ лежалъ въ шалашѣ, набросанномъ изъ сухихъ и вялыхъ вѣтокъ, поджавъ ноги и скрючивъ пальцы рукъ. Голова, на длинной, тонкой шеѣ, подвернулась такъ, что лица не было видно. На немъ

былъ черный подрясникъ, слежавшійся въ грязныя комья; одна нога почему-то была босая. Отъ трупа шелъ тяжелый, мертвый запахъ и странно и страшно мѣшался съ тонкимъ и сладковатымъ запахомъ вянущаго папоротника, которымъ поросло это мѣсто.

Одинъ изъ плотниковъ, рыжій, высокій мужикъ, потрогалъ ногу трупа носкомъ сапога. Мертвая ступня чуть-чуть шевельнулась и замерла.

— Померши... глубокомысленно проговорилъ мужикъ, почесалъ затылокъ, постоялъ, и вдругъ, съ исказившимся отъ страха и непонятной ему самому мучительной злобы лицомъ, дернулъ и потащилъ трупъ изъ шалаша за ногу. Голова закачалась и запрыгала по землѣ, руки шлепнулись на землю, какъ будто тяжело всплеснули, и поволоклись, ковыряя пыль. И сразу пахнуло такимъ ужаснымъ, омерзительнымъ запахомъ, что мужиковъ шатнуло.

— О, чортъ! удивленно сказалъ рыжій мужикъ, какъ будто этого никакъ нельзя было ожидать.

Мужики стояли и смотрѣли.

Горько и одиноко лежалъ трупъ, прямо передъ собой глядя въ далекое небо мертвыми, мутными, какъ будто отъ тяжкихъ слезъ, глазами. Холодный и нѣмой, съ навсегда сжатыми губами, безъ словъ говорящими о страшной тайнѣ, онъ какъ будто распространялъ вокругъ себя, вмѣстѣ съ тяжелымъ запахомъ, скорбное молчаніе. На груди разорвалась черная матерія, желтѣла изсохшая, какъ глина, кожа, къ которой плотно налипли сухіе листья и сѣрая грязь, и казалось, что это земля ужъ охватила его своими сѣрыми щупальцами и медленно и неуклонно ужъ тянетъ въ себя.

Долго стояли мужики и смотрѣли, какъ будто не находя того, что было нужно. Наконецъ, сѣдой и величавый мужикъ вздохнулъ, снялъ шапку и перекрестился. Перекрестился разъ, подумалъ, сказалъ:— Вѣчная, значитъ, память!.. и перекрестился еще два раза. И всѣ мужики, поспѣшно, точно сваливая съ

себя страшную томительную тяжесть, посдергивали шапки и замелькали въ воздухѣ пальцами.

Потомъ пошли гуськомъ, не глядя назадъ.

И имъ еще долго казалось, что желтый лѣсъ и солнечный свѣтъ, трава и высокое небо, какъ будто невидимымъ чернымъ налетомъ, скованы тяжелымъ молчаніемъ. Но на самомъ дѣлѣ все было радостно, свѣтло сверкало и переливалось въ свѣтѣ солнца вѣчно живой, свѣжей и веселой въ самой смерти своей зеленью.

Шедшій сзади всѣхъ мужикъ украдкой обернулся и далеко уже позади, изъ-за куста, золотого и яркаго, увидѣлъ блѣдный силуэтъ изсохшей, неподвижной ноги.

На этомъ мѣстѣ, изъ года въ годъ, особенно густо и радостно росъ папоротникъ.

Тѣни утра.

I.

Была весна. Паша Афанасьевъ, гимназистъ восьмого класса, освобожденный отъ экзаменовъ по болѣзни, и гимназистка Лиза Чумакова стояли у плетня, который перегораживалъ два сада.

Лиза прислонившись однимъ плечомъ къ плетню, и съ тѣмъ, еще дѣтски серьезнымъ и уже дѣвически нѣжнымъ, выраженіемъ своихъ сѣрыхъ, немного выпухлыхъ глазъ, которое появлялось у нея всегда въ важныхъ случаяхъ жизни, — слушала и глядѣла внизъ, на книгу, которую держала, и на оборки своего свѣтло-сѣраго платья. А Паша Афанасьевъ, съ другой стороны навалившись грудью на плетень, потому что ему было трудно стоять, — высокимъ, надтреснутымъ голосомъ говорилъ:

— А если васъ не пустятъ, такъ удеремъ сами!.. Не пропадемъ... какъ-нибудь! Я вамъ тамъ уроки достану, переписку какую-нибудь. Проживете, ничего!.. А трудно будетъ сначала... такъ что жъ, безъ этого нельзя! беззаботно махнулъ рукой Паша Афанасьевъ.— Въ этомъ даже своя прелесть есть, право... А то что жъ тутъ торчать?.. Тамъ вѣдь жизнь какая!.. Тамъ все движется, живетъ... Съ работы на сходку, со сходки въ театръ или библіотеку... вотъ это я понимаю, это жизнь настоящая; а то что жъ это?.. Я какъ подумаю, что двадцать лѣтъ просидѣлъ въ этой дырѣ проклятой, такъ...

Паша Афанасьевъ отломилъ отъ плетня гнилую, сѣрую палку и съ отчаяніемъ швырнулъ ее въ траву.

Гдѣ-то далеко, за зелеными деревьями и кустами, разливавшими вокругъ какое-то безконечно зеленое море, насквозь пронизанное свѣтомъ и тысячами удивительно отчетливыхъ, свѣжихъ звуковъ, горничная Чумаковыхъ, Васи тиса звонко прокричала:

— Ба-рышня!.. идите обѣдать!.. Ау!..

Въ этомъ неожиданномъ лѣсномъ „ау“ было что-то такое безшабашно веселое и жизнерадостное, что Лиза и Паша Афанасьевъ разомъ взглянули другъ на друга и улыбнулись.

— Иду-у! громко, такъ что гдѣ-то вблизи вздрогнуло маленькое, круглое эхо, крикнула Лиза, оттолкнулась плечомъ отъ плетня и, опять сдѣлавъ то же наивно-серьезное выраженіе лица, сказала низкимъ и полнымъ голосомъ:

— Можетъ быть, и не пустятъ, но я поѣду... и помолчавъ прибавила: — Я ужъ такъ рѣшила.

Паша Афанасьевъ восторженно щелкнулъ пальцами.

— Ну, вотъ это я называю — молодецъ Лизочка!.. радостно задрожавшимъ, свѣтлымъ голосомъ сказалъ онъ. — И вы жалѣть не будете, Лиза, милая!.. Они, что жъ... посердятся и перестанутъ; а у васъ вся жизнь впереди!.. Эхъ, заживемъ мы тамъ съ вами!.. Работать будемъ такъ, что только держись!.. Время-то теперь горячее, рабочее, — люди нужны.. Кружокъ у насъ тамъ будетъ свой, хорошій... Будемъ искать людей дѣла! басомъ прибавилъ Паша Афанасьевъ.— Мы съ вами вѣдь еще и сами не знаемъ, какое счастье окунуться въ самую гущу жизни... Когда идешь и чувствуешь, что тутъ рядомъ, плечо въ плечо, шагаютъ такіе же люди, рабочіе, сильные... смѣлые...

Паша Афанасьевъ сжалъ кулаки и задорно встряхнулъ головой. На лицо его падалъ свѣтъ и темные глаза блестѣли восторгомъ и силой, и оттого ярче обозначались на этомъ лицѣ блѣдныя черты слабости и болѣзни. Лиза внимательно и довѣрчиво смотрѣла на него.

— А то читаешь, какъ люди живутъ, борются, свое счастье куютъ... иной разъ духъ захватываетъ, такъ, кажется, и побѣжалъ бы впереди всѣхъ, а... ты только изъ книжки, сидя за чаемъ съ вареньемъ, и узнаешь, что есть какая-то иная жизнь, не похожая на твое куриное прозябаніе...

Лиза тяжело вздохнула и дернула себя за кончикъ косы.

— Итакъ, значитъ, по рукамъ? съ шутливой торжественностью спросилъ Паша Афанасьевъ, протягивая руку черезъ плетень.

Лиза улыбаясь посмотрѣла въ его юное, милое лицо, — такое мужественное и такое нѣжное, чуть тронутое пухомъ, — и подала свою руку, маленькую, съ пухлой ладонью и прелесть какими хорошенькими, изящными пальчиками, которые такъ и хотѣлось медленно и осторожно перецѣловать всѣ подъ рядъ. Паша Афанасьевъ крѣпко встряхнулъ ее, и на глазахъ у него выступили свѣтлыя, безпричинныя слезы.

— Ахъ, вы, милая моя Лизочка! задушевно, напряженнымъ голосомъ сказалъ онъ и слабо вздохнулъ больною грудью.

— Барыш-ня!.. настойчиво прокричала гдѣ-то уже совсѣмъ близко Василиса.

Лиза кивнула головой Пашѣ Афанасьеву и пошла по дорожкѣ, быстро и упруго ступая желтыми туфельками на обтянутыхъ черныхъ чулкахъ.

— Да... вдругъ хлопнулъ себя по лбу Паша Афанасьевъ. — Лиза!..

Лиза сейчасъ же остановилась и оглянулась.

— Я вамъ и забылъ сказать... Попутчица-то для васъ уже есть: Дора Баршавская... Тоже на курсы ѣдетъ... Она изъ Полтавской гимназіи...

— Жидовка? спросила Лиза издали.

— Жидовка... то-есть, еврейка! огорчился Паша Афанасьевъ. Какъ вамъ не стыдно, Лиза, ей Богу?.. Я думалъ, вы выше этого!..

Лиза внимательно и серьезно посмотрѣла на него.

— Я не о томъ... сказала она спокойно.—Такъ...

— Я васъ съ нею сегодня познакомлю на бульварѣ, — хорошо? спросилъ Паша Афанасьевъ, мигомъ успокаиваясь. — Она очень хорошая, развитая дѣвушка...

— Познакомьте... сказала Лиза, кивнула головой и пошла дальше.

Паша Афанасьевъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ, держась за плетень обѣими вытянутыми худыми руками и покачиваясь взадъ и впередъ. Потомъ мечтательно поглядѣлъ вверхъ, гдѣ сквозь зеленую решетку листьевъ ярко голубѣло небо. Въ головѣ у него все еще стояло что-то огромное, какіе-то рычаги, люди, какое-то веселое и страшное движеніе. Паша Афанасьевъ закрылъ глаза, провелъ рукою по мягкимъ волосамъ и пошелъ домой, прямо по бурьянамъ, по молодой зеленой травѣ, сплошь пересыпанной мелкими, разноцвѣтными глазками простыхъ цвѣтовъ.

Столъ былъ накрытъ на балконѣ, и Павелъ Ивановичъ съ Ольгой Петровной сидѣли за столомъ. Василиса подавала бѣлую миску съ зеленой ботвиньей, звеня своими безчисленными монистами на раскачивающейся во всѣ стороны крупной и твердой груди. Гимназистикъ Сережа бѣжалъ съ балкона за сестрой.

— Иду, иду! крикнула она ему и вдругъ, встряхнувъ косой, увернулась и неожиданно пустилась бѣжать вокругъ площадки, быстро мелькая желтыми туфельками. Сережа взвизгнулъ отъ восторга и понесся за ней. На балконѣ удивленно и озабоченно залаяла бѣлая лаечка и, поднявъ хвостъ калачикомъ, со всѣхъ ногъ пустилась за ними, точно покатился какой-то пушистый бѣлый шарикъ.

Павелъ Ивановичъ степенно опустилъ газету на колѣни, снялъ очки и снисходительно улыбнулся. Ольга Петровна пролила мимо тарелки ботвинью и засмѣялась.

— Ну, расшалилась... а еще невѣста! мягко и съ радостной любовью сказала она.

Лиза стремглавъ облетѣла вокругъ большой клумбы, налетѣла на лаечку, запутавшуюся въ подолѣ ея сѣ-

рой юбки, и упала на дорожку, руками, въ чистый желтый песокъ. Развернувшаяся книга, сверкнувъ на солнцѣ бѣлыми листами, далеко полетѣла въ траву.

— Ага! оглушительно закричалъ Сережа и осторожно схватилъ ее за длинную, разбившуюся косу.— Поймалъ!

— Я сама упала... серьезно возразила Лиза, встала, подняла книгу и степенно пошла на крыльцо. Лаечка выжидательно вертѣлась у нея подъ ногами, то и дѣло становясь на заднія лапки; а Сережа задиралъ, встряхивая круглой выстриженной головой.

— Да... упала... Я бы все равно поймалъ!

Лиза сѣла за столъ, взяла ложку и задумалась. Всѣ смотрѣли на нее. Было что-то такое радостное, милое и красивое въ ея молодости, въ ея небольшой, упругой груди за сѣрымъ, строгимъ платьемъ, въ ея только что закруглившихся плечахъ, въ свѣжемъ запахѣ ея волосъ и нѣжнаго, сильнаго, молодого тѣла, — что вокругъ нея всегда и вездѣ устанавливалась чистая атмосфера молодой радости, въ которой легко дышалось и интересно, весело жилось. Ея новая, могучая жизнь, наполнявшая все ея существо, била ключомъ, освѣщала и согрѣвала все вокругъ.

Ложки слабо позвякивали о края тарелокъ; лаечка чихала подъ столомъ; солнце золотило волосы Лизы. Было просто, тихо и свѣтло.

II.

Вечеромъ пришелъ корнетъ Савиновъ, предполагаемый женихъ Лизы, и зазвенѣлъ на балконѣ шпорами, сверкая лакированными голенищами сапогъ и туго натянутыми рейтузами.

Было такъ тихо въ воздухѣ, прозрачномъ и свѣтломъ отъ лучей уже невидимаго солнца, что всѣ звуки казались стеклянными и дрожащими, а легкое покашливаніе корнета гулко отдавалось въ саду, между темными, сочно зелеными деревьями.

Сережа надѣлъ фуражку и пошелъ на рѣку ловить рыбу удочкой, на которую, чортъ знаетъ почему,

никогда ничего не ловилось; а Лиза закрутила въ толстый жгутъ волосы и сказала:

— Николай Николаевичъ, мы пойдемъ на бульваръ.

Корнетъ радостно звякнулъ шпорами и, отчетливо шагая лакированными сапогами, принесъ ей съ балкона накидку.

Они пошли подъ руку, и въ тѣхъ напряженно-осторожныхъ движеніяхъ, съ которыми корнетъ несъ маленькую, круглую ручку, довѣрчиво лежавшую на бѣломъ рукавѣ его кителя, было видно, что все его существо, плотно затянутое въ рейтузы и китель, такъ же напряжено въ одно безконечно благоговѣйное чувство любви, восторга и робкаго, почти цѣломудреннаго, желанія.

На дворѣ они встрѣтили мамку квартирантовъ съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ таращилъ глупые, водянистые глазки и тянулся къ Лизѣ.

Лиза бросила корнета и взяла ребенка на руки. Она высоко подкинула его вверхъ, потомъ прижала щечкой къ своей щекѣ и посмотрѣла на корнета.

Гм!.. хмыкнулъ ребенокъ и счастливо засмѣялся, размахивая короткими обрубками-рученками и пуская пузыри.

Лиза вдругъ сконфузилась, отдала ребенка и чинно пошла впередъ. На лицѣ у корнета было написано такое счастье, что оно стало блаженнымъ.

На бульварѣ ихъ встрѣтилъ Паша Афанасьевъ, гулявшій съ маленькой, сухенькой барышней, у которой была большая голова съ сухими, черными волосами, еврейскіе миндалевидные глаза и мелкія, торопливыя движенія.

— А, вотъ и вы, Лиза! громко сказалъ Паша Афанасьевъ и не сразу, сухо прибавилъ корнету, котораго, какъ и всѣхъ военныхъ, не любилъ и считалъ глупымъ, пустымъ человѣкомъ:

— Здравствуйте, господинъ Савиновъ!

— Здравствуйте!.. дружелюбно отвѣтилъ корнетъ.

Паша Афанасьевъ немедленно отвернулся отъ него и сказалъ Лизѣ и маленькой еврейкѣ:

— Ну, вотъ познакомьтесь: это Дора Моисеевна Баршавская, а это Лиза Чумакова, о которой я вамъ говорилъ...

Лиза протянула руку, и Дора крѣпко и отрывисто встряхнула ее своей узкой и сухой рукой.

— Очень рада съ вами познакомиться... Паша мнѣ много о васъ разсказывалъ.

Въ концѣ бульвара былъ военный клубъ, и въ его саду играла музыка. Звонкіе металлическіе звуки трубъ далеко разносились по бульвару, гоняясь другъ за другомъ въ какомъ-то неопредѣленномъ мотивѣ, не то очень грустномъ, не то очень игривомъ.

Дѣвушки пошли рядомъ впереди, а корнетъ и Паша Афанасьевъ тоже рядомъ, сзади.

— Трамъ... та-та... трам... та-та... тамъ! тихо и съ удовольствіемъ повторялъ за мотивомъ корнетъ.

— Терпѣть не могу военной музыки! сказалъ Паша Афанасьевъ, брезгливо морщась, не потому, что ему дѣйствительно были непріятны звуки трубъ, — въ такомъ прозрачномъ воздухѣ всѣ звуки были чисты и пріятны, — а потому, что корнетъ казался ему пошлымъ и раздражалъ его.

— Развѣ? спросилъ корнетъ дружелюбно и высоко поднялъ брови.

— Представьте себѣ! съ ироніей отвѣтилъ Паша Афанасьевъ. — И звуки какіе-то пошлые и мотивы ваши капельмейстеры выбираютъ какіе-то... чортъ ихъ знаетъ!.. Скажите, пожалуйста, вѣдь есть же хорошая музыка!.. А впрочемъ, у нихъ въ каждомъ звукѣ слышится, что до музыки собственно никому нѣтъ никакого дѣла, а просто надо увеселять обывателей, — ну, и увеселяютъ...

— Что жъ, уступчиво возразилъ корнетъ, — все-таки пріятно, знаете, въ такой чудный вечеръ послушать хорошенькій мотивчикъ.

Паша Афанасьевъ посмотрѣлъ на него съ уничтожающимъ презрѣніемъ и закусилъ себѣ губу.

— Вотъ, съ удовольствіемъ прислушиваясь, сказалъ корнетъ: — оч-чень хорошо... Это изъ „Гейши“...

съ еще большимъ удовольствіемъ пояснилъ онъ и слегка прищелкнулъ въ тактъ пальцами.

Паша Афанасьевъ окончательно искрививъ губы, посмотрѣлъ на него и хмыкнулъ носомъ. Лиза повернула голову и серьезно посмотрѣла на корнета.

— Ну-съ, сказалъ Паша Афанасьевъ помолчавъ,— итакъ, мы всѣ осенью двинемся...

— Да... рѣзковатымъ и отрывистымъ голосомъ отвѣтила Дора.

— Куда? спросилъ корнетъ удивленно.

— Въ Петербургъ! отвѣтилъ ему Паша Афанасьевъ, и ему почему-то стало жаль корнета.

— То-есть... А Лизавета Павловна? тѣмъ же удивленнымъ тономъ спросилъ корнетъ, и въ его мужественномъ голосѣ что-то вздрогнуло.

— Всѣ, всѣ тронемся!.. сказалъ Паша Афанасьевъ.

Корнетъ замолчалъ, и на его красивомъ и неумномъ лицѣ ничего нельзя было разобрать.

— Вы рѣшили на какіе курсы? дѣловито спросила Дора.

— На медицинскіе, конечно! съ жаромъ отвѣтилъ за Лизу Паша Афанасьевъ.

— На медицинскіе... серьезно сказала и Лиза.

— Я думаю, тутъ не можетъ быть выбора! горячо заговорилъ Паша Афанасьевъ, какъ-то черезчуръ молодо размахивая руками. Что такое при теперешнихъ условіяхъ педагогическіе курсы? — Чепуха!.. Учить тому, чему вамъ хотѣлось бы, не позволятъ, а вдалбливать азбуку... слуга покорный!.. То ли дѣло медикъ! Въ его-то дѣло вмѣшаться трудно... А какое, въ сущности, счастье хоть одного человѣка спасти отъ смерти или страданій!.. Глядишь, совсѣмъ пропала жизнь, и вдругъ... вѣдь это только понять надо!..

Добрые большіе глаза Паши отъ волненія покрылись влагой.

— Да, и притомъ это самое нужное теперь народу! И медику легче всего пропагандировать! немного въ носъ отозвалась Дора.

Музыка оборвалась на высокой нотѣ рѣзкой и

звонкой трубы. Стало тихо. Звѣзды незамѣтно высвѣтились надъ городомъ, а на бульварѣ потемнѣло такъ, что не видно стало уже лицъ. Въ концѣ бульвара, подъ большими липами, вспыхивали папиросы и чуть-чуть бѣлѣли кителя офицеровъ.

— А впрочемъ, проговорилъ Паша Афанасьевъ такимъ углубленнымъ голосомъ, точно отвѣчалъ на свои собственныя мысли, — всякій трудъ есть трудъ прежде всего... Исполняй честно свое дѣло, а польза будетъ... Дѣло не въ томъ, а въ томъ, чтобы самому зажить настоящей жизнью, чтобы была въ ней борьба и побѣда... Ахъ, когда я подумаю, что еще два-три мѣсяца, и я буду далеко отъ всѣхъ этихъ сѣренькихъ, сытенькихъ, спокойненькихъ людишекъ, отъ всѣхъ ихъ мелкихъ интересиковъ, — такъ у меня даже въ груди что-то замретъ!

Корнетъ издалъ какой-то неопредѣленный, дрожащій звукъ.

— Что? строго спросила Лиза.

Корнетъ промолчалъ.

— Главное — учиться, учиться и учиться! рѣзкимъ голосомъ, точно считая, и встряхивая головой, проговорила Дора. — Въ этомъ сила, въ этомъ все!.. Намъ нужны только образованные люди, — довольно диллетантовъ... Съ голыми руками въ наше время ничего не сдѣлаешь!

— Ну, да! сказалъ въ темнотѣ голосъ Паши Афанасьева. — И не только для того, чтобы что-нибудь сдѣлать, а прежде всего для самого себя, для своей личной жизни прежде всего... Надо знать все, чтобы умѣть понимать всю красоту и радость жизни!

— Расширить кругозоръ... вдругъ, неестественно увѣреннымъ тономъ, въ которомъ было слышно что-то робкое и жалкое, сказалъ корнетъ.

Всѣ внезапно замолчали, такъ что стало даже неловко.

Лиза опять посмотрѣла на корнета, но въ темнотѣ не увидѣла ничего, кромѣ бѣлѣвшаго кителя.

Паша Афанасьевъ засмѣялся коротко и враждебно.

У него уже не было жалостливаго чувства къ корнету, а было пріятно оборвать его и унизить.

— Для корнета христолюбиваго воинства и то слава Богу! шепнулъ онъ Дорѣ.

— Н-да... сказала Дора, и по голосу ея было слышно, что она сдерживаетъ насмѣшливую злорадную улыбку.

И оттого, что пропало чистое дружелюбное настроеніе и смѣнилось мелкой злорадностью и обособленностью, вдругъ всѣмъ стало уже не такъ весело, какъ то пусто и неловко.

— Пора по домамъ,—сказалъ Паша Афанасьевъ и почему-то вздохнулъ.

Дора зѣвнула.

— Да-а...

Они всѣ проводили Дору до воротъ ея дома и пошли назадъ втроемъ. Дорогой Паша Афанасьевъ спрашивалъ корнета, читалъ ли онъ Ницше и Маркса. Корнетъ отвѣчалъ, что читалъ; но въ голосѣ его была слышна неувѣренность, и когда Паша Афанасьевъ злорадно спрашивалъ его, помнитъ ли онъ то или то, корнетъ какимъ-то мучительно тупымъ голосомъ и дыша черезъ носъ, говорилъ:

— Не помню, право... Кажется, это я пропустилъ... Знаете, такъ мало времени свободнаго...

Лиза серьезно слушала ихъ, и ей было странно, что одно время, еще такъ недавно, она собиралась замужъ за корнета. Теперь она подумала, что этого ни въ какомъ случаѣ не будетъ, и почему-то ей стало грустно.

Паша Афанасьевъ остановился у своего дома, а корнетъ проводилъ Лизу еще нѣсколько шаговъ до калитки ея двора. Имъ было слышно, какъ Паша Афанасьевъ, подымаясь на деревянное крыльцо, стучалъ каблуками, а потомъ загремѣлъ щеколдой.

— До свиданья, Николай Николаевичъ! сказала Лиза, протягивая руку.

Корнетъ взялъ ея руку и сейчасъ же выпустилъ.

— Лизавета Павловна, вдругъ заговорилъ онъ

дрожащимъ и страннымъ у такого большого, мужественнаго человѣка, слабымъ голосомъ,—это, значитъ, правда, что вы уѣзжаете?..

Лиза вдругъ непріятно вспомнила, какъ Паша Афанасьевъ смѣясь увѣрялъ ее, что когда она скажетъ Савинову о своемъ отъѣздѣ, корнетъ вытащитъ изъ кармана пушку и сейчасъ же „безвозвратно“ застрѣлится.

— Ѣду... сухо и даже враждебно, какъ никогда ни съ кѣмъ не говорила, отвѣтила она.

Корнетъ помолчалъ.

Лѣвая нога его въ гладко натянутой синей рейтузѣ сильно дрожала, и что-то непонятное тяжелое и безнадежное давило подъ грудь.

— Такъ... срываясь выговорилъ онъ. — Зачѣмъ?..

— Учиться, конечно... пожала мягкими плечами Лиза и строго посмотрѣла на него.

— Развѣ это... непремѣнно надо? спросилъ корнетъ.

Лиза не отвѣтила, и ей все страннѣе казалось, какъ это она могла думать выйти замужъ за такого тупого и ограниченнаго человѣка.

— Ну, пора домой... сказала она холодно. — До свиданья!

— А я, Лизавета Павловна... что жъ... пулю въ лобъ!.. пробормоталъ какимъ-то безсмысленнымъ и тяжелымъ голосомъ корнетъ и совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать.

— Изъ пушки? серьезно спросила Лиза.

— Н-нѣтъ... удивился корнетъ. — Почему изъ пушки?

— Такъ... До свиданья! сказала Лиза и опять протянула руку.

Корнетъ хотѣлъ еще что-то сказать, но мучительно проглотилъ и остался одинъ. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно, а потомъ повернулся и тихо пошелъ по улицѣ, цѣпляясь шпорами.

Сторожъ неодобрительно постучалъ гдѣ-то въ темнотѣ подъ заборомъ.

III.

Черезъ четыре мѣсяца Лиза Чумакова и Дора Баршавская ѣхали въ Петербургъ. Паша Афанасьевъ уѣхалъ раньше и долженъ былъ встрѣтить ихъ на вокзалѣ. Ѣхали они въ третьемъ классѣ.

Была уже осень, и погода стояла сѣрая, дождливая, но еще свѣтлая и тихая. Дождь шелъ цѣлый день. Все было мокро—и вагоны, и рельсы, и начальники станцій; шпалы почернѣли; проносившіяся мимо, вздувшіяся рѣченки и лужи мелко рябили отъ дождя. Все было мокро и блестѣло, точно на каждомъ желтомъ листочкѣ, на каждомъ столбѣ, на землѣ, на людяхъ—была своя водяная прозрачная корочка. И все мелко дрожало и струилось подъ дождемъ.

Дора сидѣла на своемъ мѣстѣ въ вагонѣ и читала, а Лиза стояла на закрытой площадкѣ у окна и смотрѣла своими выпуклыми, немного вопросительными глазами назадъ, гдѣ дрожащій за сѣткой дождя мокрый, сѣрый горизонтъ сливался съ бѣлымъ, однообразнымъ небомъ. И ей все казалось, что оставленный городъ, отецъ и мать, Сережа, лаечка, старый домъ, все такое безконечно дорогое, до боли милое, гдѣ-то тутъ, сейчасъ же за горизонтомъ, и что если приподняться повыше на цыпочки—увидишь.

— Тра-та-та... тра-та-та... тра-та-та!.. ритмически, съ желѣзной жестокостью стучалъ поѣздъ, уносясь все дальше и дальше.

— Траррарах!.. загудѣлъ и задрожалъ мимо высокій желѣзный мостъ надъ какой-то большой желтогрязной рѣкой. Лиза заглянула внизъ и далеко подъ собой увидѣла, показавшіяся ей игрушечно маленькими, лодки, барки, тянувшіяся одна за другой, мокрыя дрова на баркахъ, сѣрыхъ, маленькихъ людей, что-то ворочавшихъ длинными, тонкими шестами, и мутную, широкую, желтую воду, медленно уплывавшую куда-то, крутясь мелкими воронками и струйками водоворотовъ. Было грязно и печально на этой желтой рѣкѣ, въ размытыхъ желтыхъ берегахъ, по которымъ чахло и мертвенно-неподвижно зубились елки и

березки. Все было такое чужое, холодное, незнакомое.

Лиза вдругъ съ ужасомъ подумала:

— Что они тамъ дѣлаютъ?..

Было непонятно, чуждо, а потому страшно ей то, что дѣлали маленькіе, незнакомые люди съ длинными шестами, куда и откуда текла мутная рѣка, кто и какъ жилъ на размытыхъ желтыхъ берегахъ, за этими зубчатыми елками и березками.

Когда стало смеркаться, Лиза вздохнула, пошла въ вагонъ, гдѣ уже зажгли фонари и задвигались безтолковыя огромныя тѣни, и сѣла возлѣ Доры.

— Куда мы ѣдемъ? хотѣла всей грудью, всѣмъ существомъ своимъ спросить Лиза, но вмѣсто того сказала своимъ низкимъ, немного лѣнивымъ голосомъ:

— Паша насъ встрѣтитъ, должно быть.

— Конечно... отвѣтила Дора.

Она уже давно перестала читать, и ей было теперь тоскливо, страшно и жалко себя въ огромномъ, угловато неуютномъ вагонѣ, гдѣ копошились, лущили сѣмячки, говорили неестественно громкими голосами, играли на гармоникѣ и сдержанно ругались какіе-то новые, странно грязные и озлобленные на что-то люди. Въ эту минуту та невѣдомая, полная движенія, шума и успѣха жизнь, которая давно ярко рисовалась ея жгучему самолюбію, показалась ей несбыточно невозможною, нелѣпой и жалкой. Она обрадовалась Лизѣ и, не спуская блестящихъ глазъ, смотрѣла изъ своего темнаго угла на ея знакомое, давно милое, понятное лицо.

— Лизочка! сказала Дора тихо.

Она взяла ея мягкую, теплую руку своими сухенькими, узкими руками.

Лиза внимательно посмотрѣла на нее и вдругъ серьезнымъ и широкимъ движеніемъ обняла и притянула къ себѣ.

— Нѣтъ, ты посмотри еще, а тогда приходи на это мѣсто и потолкуемъ!.. со злобой, рѣзко выкрикнулъ кто-то изъ-за деревянной перегородки.

— Тіу!.. плачевно пискнула гармоника.

Высокій, до странности худой мастеровой, въ казинетовомъ пиджакѣ и въ красной рубахѣ на выпускъ, вышелъ изъ-за перегородки и пошатнувшись сѣлъ противъ Лизы.

— Куда изволите ѣхать? спросилъ онъ помолчавъ.

Слышно было, что отъ него сильно пахнетъ водкой.

— Въ Петербургъ... отвѣтила Лиза.

Черезъ перегородку сталъ сверху смотрѣть другой человѣкъ, должно быть, солдатъ съ крутыми рыжими усами и рябымъ лицомъ.

— Такъ... сказалъ мастеровой и сталъ тяжелымъ, пьянымъ глазомъ смотрѣть на Лизу, на лицо и на грудь.

Стало страшно.

Солдатъ вдругъ засмѣялся и фыркнулъ.

— А чего вы тамъ не видѣли? спросилъ мастеровой, и по заплетающемуся звуку его голоса и покачиванію впередъ стало видно, что онъ страшно пьянъ.

— Лиза, испуганно позвала Дора, — пойдемъ, постоимъ на площадкѣ.

— Что жъ, вы со мной разговаривать не желаете? ломаясь, враждебно спросилъ опять мастеровой.

— Нѣтъ, отчего же... торопливо отвѣтила Лиза.

— Я спрашиваю... люб... бопытно мнѣ знать, для чего, напримѣръ, въ Петербургъ?..

— Учиться... покорно отвѣтила Лиза.

Солдатъ опять засмѣялся.

— Учиться? переспросилъ мастеровой. — А не...?

Солдатъ фыркнулъ, какъ лошадь, и отъ восторга упалъ лицомъ на перегородку.

Дора испуганно заплакала. Лиза смотрѣла на мастерового серьезными, внимательными глазами и въ груди у нея что-то пустое и холодное мучительно сжало сердце.

— Вотъ я те какъ дамъ по уху, неожиданно сказалъ съ другой стороны вагона бородатый старый мужикъ въ лаптяхъ, — такъ будешь знать, какъ обижать зря, дуракъ!

Мастеровой мутными глазами посмотрѣлъ на него.

— А мнѣ наплевать... чортъ съ ними! Онъ выругался сквернымъ словомъ, всталъ и ушелъ.

— Наро-одъ!.. укоризненно сказалъ старый мужикъ и тоже всталъ и пошелъ за нимъ.

— А вы отколѣ ѣдете? спрашивалъ онъ кого-то.

— Изъ-подъ Калуги... отвѣтилъ тотъ же мастеровой.

— А мы курскіе... сказалъ мужикъ.

Къ вечеру воздухъ въ вагонѣ сталъ еще тяжелѣе. За стеклами въ темнотѣ невидимо, дрожа, колотился дождь, и безконечно стучалъ поѣздъ.

Дора тихо улеглась на своемъ мѣстѣ, и чувствовалось, что она боится пошевелиться. Лиза опять ушла на площадку, съ которой уже ничего не было видно, а было только холодно и мокро, и тамъ простояла часа два, напряженно и тоскливо глядя въ темноту.

Ей припомнилось, какъ два дня тому назадъ ее провожали изъ дому, Сережа и мать плакали, а въ домѣ было такъ пусто, какъ будто только что вынесли что-то самое важное, безъ чего все должно затихнуть, опустѣть, замереть. Потомъ на вокзалѣ вдругъ неожиданно подошелъ къ нимъ Савиновъ, въ сѣрой, длинной, мокрой отъ дождя шинели, и лицо у него было сѣрое, мокрое и измученное.

— Лизавета Павловна... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Я съ вами хотѣлъ поговорить...

Лизѣ стало тяжело и непріятно. Все, что можно было сказать, уже было переговорено сто разъ за это лѣто. Ей даже казалось, что все лѣто продолжался этотъ нудный, скучный разговоръ о томъ, чего нельзя было передѣлать. Сначала ей до слезъ было жалко корнета, но потомъ онъ сталъ раздражать ее и не потому, что надоѣлъ ей, а потому, что всѣ смѣялись надъ нимъ и ей было стыдно, что она чуть-чуть было не вышла за него замужъ.

— Онъ правильную блокаду ведетъ съ вами! говорилъ Паша Афанасьевъ. — Бѣдный, онъ сильно

страдаетъ, а все похожъ на индюка, у котораго выщипали хвостъ!

Все-таки она пошла съ нимъ по платформѣ, блестѣвшей отъ дождя.

— Вы скорѣе... холодно замѣтила Дора.

— Сейчасъ! отвѣтила Лиза увѣренно.

— Я не задержу Лизавету Павловну... печально прибавилъ корнетъ.

Они прошли молча два раза взадъ и впередъ. Корнетъ тяжело дышалъ и смотрѣлъ внизъ на забрызганные грязью лакированные сапоги.

— Ну, что вы мнѣ хотѣли сказать? спросила Лиза.

— Я... Значитъ, все между нами кончено? проговорилъ корнетъ унылымъ голосомъ, и слышно было, что спросилъ онъ это Богъ знаетъ зачѣмъ, и самъ прекрасно понимаетъ, что все кончено.

Лиза молчала.

Прозвонилъ первый звонокъ.

Корнетъ вздохнулъ.

— Лизавета Павловна, вдругъ быстро заговорилъ онъ, — я, можетъ быть, и очень смѣшной и... человѣкъ не... но я не стану вамъ мѣшать... Вы знаете, что болѣе преданнаго вамъ человѣка вы не найдете... Я, правда, не понимаю, почему вамъ нужно ѣхать, когда вы и здѣсь... столько счастья всѣмъ... Можетъ быть, я недостоинъ васъ... конечно... но я бы пѣшкомъ пошелъ за вами, если бы зналъ, что... Вы меня простите, Лизавета Павловна, если я...

Вдругъ губы корнета задрожали и лицо его стало жалко и похоже на дѣтское; онъ круто оборвался и замолчалъ.

Потомъ онъ дѣятельно помогалъ переносить вещи, кричалъ на носильщика и долго махалъ фуражкой, когда поѣздъ пошелъ.

— А онъ, въ сущности, ничего... сказала Дора про корнета. — Только скучный ужасно.

И вотъ, глядя въ темный четырехугольникъ окна, за которымъ что-то мерещилось, Лиза подумала те-

перь, что было бы, если бы вдругъ, когда къ нимъ приставалъ и ругалъ ихъ мастеровой, дверь отворилась и вошелъ корнетъ. И вдругъ ей страстно захотѣлось его увидѣть, прижавшись, пройти по саду подъ руку, почувствовать себя безопасно, спокойно, чисто и просто.

Лиза тихо заплакала, и слезы катились мимо носа по еще дѣтски-пухлымъ губамъ и падали на закруглившуюся, невысокую грудь.

IV.

Весна началась. Вся земля вздохнула, точно свалилась съ нея огромная, прилипчивая тяжесть. Это теплое, влажное, пахучее и радостное для всего живого дыханіе земли было ясно слышно въ городѣ, съ полей и лѣсовъ, приносимое мягкимъ, упругимъ вѣтромъ. Гдѣ-то начиналъ таять мягкій, бѣлый и хрупкий снѣгъ, потекли чистыя струйки холодной какъ ледъ воды и появилась на проталинахъ еще сырая, но уже готовая зазеленѣть трава. Но въ самомъ городѣ мало было видно весну: снѣгъ тамъ и зимой былъ незамѣтный, талый и грязный, морозовъ не чувствовалось такъ остро, — жизнь и зимой и лѣтомъ была одинаково суетливая и пестрая.

Въ палатѣ военно-медицинскаго госпиталя было свѣтло. Въ открытую форточку струей вливался запахъ весны, и оттого было еще скучнѣе и невыносимѣе среди ровныхъ рядовъ кроватей и умирающихъ, исхудалыхъ людей.

Паша Афанасьевъ сидѣлъ у окна въ госпитальный садъ, гдѣ было больше зеленыхъ заборчиковъ, чѣмъ деревьевъ, а на каждомъ деревцѣ висѣлъ размокшій кусочекъ картона съ названіемъ дерева по-русски и по-латыни. На колѣняхъ у Паши была книга, а руки, которыми онъ ее придерживалъ, были такъ худы и прозрачны, что на нихъ жалко и больно было смотрѣть.

Лиза Чумакова, Дора Баршавская и студентъ Андреевъ сидѣли съ нимъ и молчали. Было странно и

неловко говорить о чемъ бы то ни было, потому что въ коридорѣ ассистентъ профессора сказалъ имъ, что Афанасьевъ умретъ на этой недѣлѣ, что его безвозвратно убили вѣчное напряженіе, непривычный, непосильный трудъ и чуждый климатъ.

— Сгорѣлъ человѣкъ... жаль! — сказалъ докторъ.

Но зато, хотя ему уже и трудно было говорить, Паша Афанасьевъ говорилъ безъ умолку. Этого не запрещали, такъ какъ теперь было все равно.

— Я когда прочелъ это, — слабымъ и прерывистымъ голосомъ, похожимъ на скрипъ останавливающейся небольшой машинки, говорилъ Паша Афанасьевъ и постукивалъ по книгѣ худыми пальцами, — мнѣ показалось, будто въ моей комнатѣ окно открыли: такъ и посвѣтлѣло все вокругъ! Все это сѣрый, безрадостный тонъ... вѣдь онъ душу выѣдаетъ у человѣка!.. А теперь — молодецъ!.. Какимъ торжествующимъ аккордомъ онъ заканчиваетъ!.. Вѣдь это какъ посмотрѣть: вѣдь это не простой разсказъ о томъ, что вотъ, молъ, взяла дѣвушка да и поѣхала учиться... Это символъ глубокаго значенія!

Онь знали, о какомъ разсказѣ онъ говоритъ, разсказъ всѣмъ нравился, но всѣмъ было странно и тягостно слышать торжествующій, восторженный голосъ наканунѣ смерти. И теперь, при умирающемъ человѣкѣ, книга казалась неинтересной и даже ненужной.

— Ахъ, побольше бы такихъ зовущихъ, смѣлыхъ голосовъ! тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалось огромное напряженіе, мечтательно говорилъ Паша Афанасьевъ. — Надо будить, надо звать... надо разсказать всѣмъ, что нѣтъ жизни тамъ, гдѣ нѣтъ могучаго, напряженнаго труда!.. Главное, надо, чтобы исчезъ свой уголъ, свои интересы, свои люди, чтобы были *всѣ* люди, *все* кипѣло, чтобы *весь* міръ былъ открытъ человѣку!..

— Да... только какъ же этого достигнуть? неопредѣленно отозвался Андреевъ.

Паша Афанасьевъ сразу замолчалъ и непони-

мающимъ взглядомъ заслушавшагося чего-то человѣка посмотрѣлъ на него болѣзненно блестящими глазами. Но Андреевъ молчалъ.

— Милая Лизочка, сказалъ Паша Афанасьевъ мягко и радостно, — я такъ радъ, такъ радъ, что вытащилъ васъ изъ нашего болота!.. И за васъ радъ, и за себя... Вѣдь это не малая заслуга — вытащить человѣка, да еще такого милаго, такого хорошаго, какъ вы!.. А вѣдь это я васъ вытащилъ, правда?.. Ну, не совсѣмъ я, и книги много помогли, — онъ опять слабо постучалъ по книгѣ, — но все-таки...

Онъ помолчалъ, напряженно о чемъ-то думая, и когда опять заговорилъ, то говорилъ съ трудомъ и криво, виновато усмѣхаясь:

— Вотъ, Лизочка, если я умру... дѣло возможное, конечно... вамъ я и оставлю свое дѣло... Вы мое созданіе, въ вашей милой, хорошей душѣ буду жить и я... Такъ-то, Лизочка... Въ какую я грустную матерію впалъ... А помните, какъ вы хотѣли выйти замужъ за того корнета, что хотѣлъ застрѣлиться изъ пушки?..

Паша Афанасьевъ радостно засмѣялся.

— Помню, Паша... грустно отвѣтила Лиза, глядя ему въ глаза своими добрыми, выпуклыми глазами, и принудила себя улыбнуться.

— Да... Ну, да Богъ съ нимъ!.. Мнѣ его, знаете, подъ конецъ даже жалко стало. Въ сущности, не виноватъ же онъ въ томъ, что судьба и люди сдѣлали его пошлякомъ. А страдалъ онъ, кажется, сильно... Да...

Паша Афанасьевъ опять задумчиво помолчалъ, и въ глазахъ его было что-то грустное и теплое.

— Да, главное сдѣлали, — ушли! вдругъ снова оживился онъ. — Что бы тамъ ни было, а теперь передъ вами... милая Лизочка!..

Паша Афанасьевъ захлебнулся, и что-то странное, непонятное, какой-то изступленный, нечеловѣческій восторгъ освѣтилъ его худое, обросшее спутанными мягкими волосами лицо. Дорѣ показалось, что онъ не съ Лизой и не о Лизѣ говоритъ, и лицо его не въ

первый разъ напомнило ей болѣзненно ярко одну картину, на которой въ пламени и въ дыму вздымали кверху искривленныя руки ополоумѣвшіе самосожигатели. Ей стало страшно.

Когда они поднялись уходить, Паша, ослабѣвшій отъ напряженія, сказалъ Андрееву:

— Голубчикъ, возьми ты у меня тамъ литературу, отнеси ее къ Богданову... Тамъ важное, срочное есть... Я, пожалуй, залежусь... Ну, до свиданья, мои дорогіе!

Они пошли къ двери, но Паша вдругъ громко позвалъ:

— Лизочка... Лиза.

Дора и Андреевъ остановились въ коридорѣ, а Лиза быстро вернулась и стала близко отъ него, наклонясь. Ей былъ слышенъ сухой и потный въ одно и то же время запахъ его больного тѣла.

— Лизочка... сказалъ Паша Афанасьевъ и замолчалъ. Глаза у него странно блестѣли глубокимъ, внутреннимъ блескомъ, какъ будто онъ смотрѣлъ куда-то внутрь себя. Лиза ждала наклонившись, и почему-то боялась посмотрѣть на него.

— Лизочка... повторилъ Паша Афанасьевъ еще тише, какъ будто боялся, что его услышатъ,—теперь весна... у насъ, должно быть, снѣгъ таетъ... Лизочка... докторъ сказалъ, что если бы я все жилъ на югѣ, я, можетъ быть, и... поправился бы...

Изъ темнаго, широко открытаго близко отъ Лизы глаза, выплыло что-то крупное, прозрачное и расплылось по рѣсницамъ.

V.

Пашу Афанасьева похоронили въ сѣрый и теплый день. Въ могилѣ была желто-мутная вода, на дорожкахъ стоялъ кисель изъ талаго снѣга, размокшая глина во всѣ стороны расползалась изъ-подъ ногъ, и гробъ, раскачивая и толкая, съ трудомъ донесли до могилы.

— Въ ногу, господа, въ ногу идите! все время со страданіемъ въ голосѣ приговаривалъ одинъ изъ

несшихъ студентовъ, съ котораго угломъ гроба все сбивало фуражку и рѣзало плечо.

Глина быстро шлепалась, сначала рѣзко и звучно на крышку гроба, а потомъ мягко и пріятно въ черно-желтый кисель. Холмикъ слѣпили кое-какъ и онъ тотчасъ же расползся.

Студенты и курсистки, странно чернѣя въ бѣломъ пустынномъ мѣстѣ, молча стояли и не расходились.

— Ларіоновъ, рѣчь... скажи! подталкивалъ одинъ другого, и по его вспотѣвшему и красному отъ усилій лицу было видно, что ему странно уйти отсюда такъ, просто, какъ онъ уходилъ отъ всякаго другого вполнѣ законченнаго дѣла.

— Нѣтъ... что жъ... дергалъ плечомъ Ларіоновъ.

Молоденькій, красивый студентъ, съ восторженнымъ и неумнымъ лицомъ, вдругъ выступилъ однимъ плечомъ впередъ, взмахнулъ фуражкой надъ своей курчавой головой и, глядя поверхъ крестовъ и памятниковъ, нутрянымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Даромъ ничто не дается... судьба жертвъ искупительныхъ проситъ!..

И весь налившись кровью, торжественно и скромно замолчалъ. Стало опять тихо и, несмотря на кучку людей, пусто. Вороны низко пролетали куда-то надъ талымъ, мокрымъ снѣгомъ. Было невыносимо грустно.

— Что жъ... пойдемъ... сказала Дора Лизѣ.

Лиза покосилась на могилу страшно заплаканными, сѣрыми глазами, въ которыхъ было горе и какое-то растерянное выраженіе, и отвѣтила густымъ, красивымъ шопотомъ:

— Пойдемъ...

Вороны обратно пролетѣли надъ крестами и одна каркнула:

— Крр!..

Сейчасъ же за унылымн воротами кладбища Дора и Лиза сѣли въ конку и долго ѣхали по безконечной, широкой и все-таки темной улицѣ, мимо совершенно однообразныхъ, какъ одна сплошная стѣна, домовъ. Дорогой всѣ мужчины въ конкѣ посматривали на кра-

сивую, полную Лизу, и какъ всегда, она этого не замѣчала, а Дора видѣла и почему-то сердилась, хотя и скрывала отъ самой себя это раздраженіе. Когда онѣ встали съ конки и пошли по улицѣ къ квартирѣ Доры, она вздохнула и сказала:

— Ну, вотъ и похоронили... и передернувъ плечами, точно отъ холода, прибавила: — Какъ же это все просто... ужасно просто!

Крупныя слезы сейчасъ же покатились по лицу Лизы.

— Бѣдный, бѣдный Паша! тихо сказала она.

— Что жъ, зайдешь? спросила Дора подъ мрачными, похожими на погребъ воротами.

— Не знаю, право... зайду... почему-то виновато отвѣтила Лиза и вздохнула.

Онѣ вошли въ ворота, прошли наискось, похожій на обледенѣлую помойную яму, дворикъ и по лѣстницѣ, на которой скверно пахло помоями и котами, полѣзли въ четвертый этажъ. Маленькія, короткія лѣстницы мелькали и поворачивались изъ стороны въ сторону съ безконечно утомительнымъ однообразіемъ. У Доры по обыкновенію сильно билось сердце и стучало во вспотѣвшихъ вискахъ. Въ тѣсной, темной передней, гдѣ еще хуже пахло, — жаренымъ лукомъ и мокрыми тряпками,—онѣ раздѣлись и вошли одна за другою въ комнату Доры.

Это была маленькая, полутемная комната, съ ограниченной и унылой мебелью. По сырости на стѣнахъ и по тонкому запаху пустоты и холода чувствовалось, что сюда никогда не заглядываетъ солнце, и была она такъ мрачна и темна, что странно было, что въ ней живетъ такое молодое и нѣжное существо.

Лиза сѣла на узенькую кровать, красиво обтянувъ полныя, круглыя колѣни сѣрой юбкой; а Дора машинально остановилась у стола и ничего не видя, стала смотрѣть въ мутное, бѣло-сѣрое окно, въ которое глядѣли ряды такихъ же мутныхъ и слѣпыхъ оконъ.

Эти три дня онѣ были такъ возбуждены и заняты, столько было вокругъ грустныхъ и озабоченныхъ

разговоровъ, бѣготни, хлопотъ и сборовъ, столько вокругъ пѣли, кадили, столько зажигали среди бѣлаго дня свѣчей, столько плакали, — что теперь имъ было какъ-то странно и даже непріятно, что все снова такъ тихо, что надо спокойно сѣсть, обѣдать, спать, заниматься или дѣлать другое какое, простое, повседневное дѣло. У обѣихъ было нервное, тоскливое чувство.

— Послѣзавтра анатомія... медленно и тоскливо, думая о другомъ, протянула Лиза.

Дора молчала.

— Скоро конецъ экзаменамъ... проговорила опять Лиза, и видно было, что ей просто хочется прервать свою собственную невыносимую грусть.

— Я вчера изъ дому письмо получила... продолжала она.

— Да? машинально переспросила Дора.

— Да... Мама пишетъ, что у нихъ теперь весна въ полномъ разгарѣ... Тепло, и дни стоятъ хорошіе.

Лиза вздохнула и замолчала. Ей захотѣлось сказать, что ее тянетъ домой, на зеленую траву, въ тепло, къ простой, тихой, спокойной жизни, что ей все надоѣло здѣсь. Но какой-то страхъ передъ Дорой, передъ самою собой не давалъ ей высказать этого.

„Это малодушіе... подумала она,—слабость... надо бороться...“

Дора все молчала.

— Вчера бестужевки заявили Вязникову протестъ противъ безобразнаго поступка... продолжала монотонно, тягучимъ голосомъ Лиза.

— Ну? отозвалась Дора.

— Ну, и ничего...

Дора вдругъ быстро подошла къ ней, сжала руки и придушеннымъ, напряженнымъ голосомъ сказала:

— Ахъ, Лиза, Лизочка!.. Скучно, скверно... Это все не то... не то...

Лиза сейчасъ же почувствовала слезы на глазахъ, и ей безконечно стало жаль Дору. И какъ будто въ

этомъ было именно то, что ей нужно, она моментально забыла о себѣ. Чувствовалось какое-то сильное, материнское движеніе въ ея жестѣ, когда она обняла Дору за худенькую талію обѣими полными, мягкими руками и притянула къ себѣ.

— Ничего, Дорочка... милая... сказала она, цѣлуя ее въ волосы и щеку.

— Самоваръ подавать? хрипло и угрюмо спросила ихъ изъ-за двери хозяйка.

Дора вздрогнула. Лиза отвѣтила дѣловитымъ тономъ:

— Подавайте!

Толстая и грязная мѣщанка, ненавидѣвшая курсистокъ за то, что онѣ жили лучшею жизнью, чѣмъ она, а она должна была за пятнадцать рублей терпѣть ихъ въ своей квартирѣ, — хмуро внесла грязный, позеленѣвшій самоваръ съ кривой камфоркой.

— Булокъ надо? съ озлобленнымъ презрѣніемъ спросила она, ни на кого не глядя.

— Нѣтъ! торопливо отвѣтила Дора.

И Лиза и Дора всегда стѣснялись и боялись ея, хотя и не признавались въ этомъ и самимъ себѣ. Имъ было страшно и больно отъ этой безсмысленной, холодной злобы чужого человѣка, къ которой онѣ не были приспособлены, съ которой не умѣли бороться. Въ ея присутствіи имъ было тяжело и трудно, и когда онѣ встрѣчались съ нею въ коридорѣ, всегда старались незамѣтно проскользнуть. Это было унизительно и непонятно, чуждо ихъ молодымъ, цѣломудренно-простымъ душамъ, безсознательно тянущимся только къ любви, ласкѣ и всеобщей привѣтливости.

Хозяйка зорко и съ явнымъ желаніемъ придраться оглядѣла комнату, сердито схватила тазъ, въ которомъ было чуть-чуть грязной воды, и какимъ-то рывкомъ вынесла его вонъ, что-то ворча и хлопая дверьми.

Лиза и Дора долго сидѣли молча. Въ тихой душѣ Лизы, какъ волны, подымались то острое горе о Пашѣ, то тупое чувство растерянности и недоумѣнія.

Совершенно непонятно и странно казалось ей, что Паши уже нѣтъ и никогда не будетъ, а все останется въ ея жизни попрежнему. Было похоже, какъ будто изъ ея жизни вынесли какой-то свѣтъ и она стала темной и пустой.

Дора тихо задвигалась по комнатѣ, приготовила чай и опять затихла, напряженно думая о чемъ-то своемъ, неизвѣстномъ Лизѣ. Самоваръ жалобно пѣлъ унылыми, приниженными нотками. Лиза опять заплакала тихо и незамѣтно.

Черезъ часъ пришли студенты — Ларіоновъ и Андреевъ, и толстый, близорукій Ларіоновъ сейчасъ же сталъ говорить о Пашѣ Афанасьевѣ.

— По-моему, это былъ какой-то совсѣмъ особенный, чудный человѣкъ, говорилъ онъ грустно восторженнымъ голосомъ, глядя на всѣхъ поверхъ пенснэ. — Въ немъ была какая-то огромная сила... и какъ-то не вѣрится, что она могла такъ легко умереть... И главное, была у него способность на другихъ дѣйствовать... Мнѣ такъ и кажется, что теперь наше дѣло должно само собой прекратиться...

— Не прекратится! качнулъ головой Андреевъ.

— Ну, да...

— Въ сущности говоря, Афанасьевъ плохой былъ дѣлецъ.

— Дѣлецъ-то онъ былъ плохой... согласился Ларіоновъ.—Но онъ умѣлъ какъ-то зажигать... И вѣдь вотъ какая штука: я очень хорошо всегда понималъ, что все это не такъ ужъ великолѣпно, и что спроси самого Афанасьева, что собственно надо дѣлать, онъ и самъ не отвѣтилъ бы... или отвѣтилъ бы фразой; но въ немъ самомъ всегда что-то такое горѣло... и это увлекало... Понимаете?... И видишь, что все это не такъ, а тянетъ... а?

Ларіоновъ недоумѣлыми глазами оглядѣлъ всѣхъ.

— Слабый ты человѣкъ и больше ничего! грубовато возразилъ Андреевъ, закусивъ одинъ усъ.

— Можетъ быть... весь дергаясь отъ внезапнаго волненія, согласился Ларіоновъ. — Знаете... я соб-

ственно не о томъ хотѣлъ поговорить... Что-то мнѣ послѣднее время скверно... Такъ, размечтаешься, по читаешь что-нибудь такое... или вотъ, послушаешь Афанасьева, и ничего... начинаетъ даже рисоваться что-то большое и смѣлое... Бодрость такую почувствуешь въ себѣ опять!.. А потомъ сейчасъ же приходятъ въ голову другія мысли, и опять на душѣ скверно... Да...

Ларіоновъ помолчалъ.

— Вотъ на первомъ... на второмъ даже курсѣ совсѣмъ какъ-то иначе было... Тогда все занимало... Въ театръ пойдешь—хорошо, на сходкѣ кричать—хорошо... За книги засядешь—хорошо... И всегда такъ весело, славно...

— Чего лучше! насмѣшливо отозвался Андреевъ.

— Ну, да... А потомъ вдругъ сталъ думать: ну ладно, учусь я... такъ... Но вѣдь дѣло-то не въ самомъ же ученіи? Вѣдь не собираюсь я посвятить всю жизнь одной наукѣ... какъ таковой... Дѣло въ томъ, для чего все это дѣлается,—такъ?.. Ну, вотъ, когда я спросилъ себя, для чего? у меня никакого отвѣта не получилось.

— Какъ же это такъ? подымая голову, спросила Дора.

— Да вотъ такъ... Никакого!.. Знаете, я даже старался придумать...то-есть, просто надуть себя; но ничего не придумалъ!.. Вы только послушайте...

Ларіоновъ вскочилъ и развелъ руками, точно чему-то испуганно удивился. Пенснэ не держалось на его короткомъ носу, и онъ ежеминутно поправлялъ его.

— Ну, я, знаете, говорю себѣ такъ: для служенія народу... Хорош-ш-о, такъ... Это говорятъ всегда очень увѣренно и громко... это даже очень легко сказать... Но возможно ли вообще служить народу,— этого въ сущности никто не знаетъ!.. Вотъ, видите ли, какая штука: я, напримѣръ, медикъ и, слѣдовательно, долженъ быть докторомъ и лѣчить больныхъ... Такъ?

Онъ остановился, вопросительно глядя поверхъ пенснэ.

— Допустимъ... шутливо, благосклоннымъ тономъ согласился Андреевъ.

— Нѣтъ, ты не шути,—я серьезно говорю! обидѣлся Ларіоновъ.

— Да я не шучу! тѣмъ же тономъ возразилъ Андреевъ.

Ларіоновъ съ минуту недоумѣло смотрѣлъ на него, потомъ добродушно махнулъ рукой.

— Ну, хорошо... Такъ вотъ какая штука: буду я докторомъ и буду лѣчить больныхъ... Если бы я былъ какой-нибудь особо даровитый человѣкъ, я обогатилъ бы науку открытіями...

— Гдѣ тебѣ! презрительно подсказалъ Андреевъ.

— И дѣйствительно, гдѣ же мнѣ! покорно и совершенно серьезно согласился Ларіоновъ.—Ну, значитъ, буду я лѣчить больныхъ... Хорошо... Многихъ я вылѣчу, многихъ не вылѣчу, и главнымъ образомъ не потому, что болѣзнь сильнѣе науки, а потому, что много болѣзней происходитъ отъ такихъ причинъ, которыя вообще... какъ это называется?..

Ларіоновъ пощелкалъ пальцами.

— Валяй: по независящимъ обстоятельствамъ! иронически, серьезно подсказалъ Андреевъ.

— Ну, да... пусть... Такъ вотъ, видите, какая штука: буду я лѣчить одного, другого, третьяго, сотаго, безъ конца... Всю жизнь буду лѣчить всякихъ людей, и хорошихъ, которымъ искренно, положимъ, желаю добра, и тѣхъ, которыхъ считаю вредными... сволочь всякую... Я не могу ихъ не лѣчить, потому что и они страдаютъ и имѣютъ право на помощь... вотъ какая штука!..

— Ну, это положимъ!.. возразилъ Андреевъ.

— Нѣтъ, не положимъ... Ты самъ меня первый подлецомъ назовешь, если я не пойду къ больному, а начну справляться, кто онъ, да что онъ...

— Конечно... поддержала Дора.

— Ну, вотъ! обрадовался Ларіоновъ. — Значитъ,

надо безразлично смотрѣть на больныхъ, только какъ на больныхъ... такъ?.. Знаете, казалось бы, что это очень хорошо, человѣколюбиво и прочее... а на самомъ дѣлѣ это—отсутствіе живой, сознательной любви и только... Какая-то чепуха!..

— Да, оживленно отозвалась Дора, радуясь, что ей пришла въ голову удачная мысль:—я сама думала объ этомъ: выходитъ же такъ, что я однихъ лѣчу потому, что жизнь устроена скверно, а сама же вылѣчиваю тѣхъ, которые создали и поддерживаютъ это зло!..

— Совершенно вѣрно! закусивъ усы, усмѣхнулся Андреевъ.

— Ну, вотъ видите, какая штука!.. Значитъ, я просто буду врачемъ по ремеслу, ремесленникомъ, и между мною и людьми не будетъ никакой сознательной связи. Я, знаете, на дняхъ внимательно прочелъ біографію Гааза и вижу, что все это чепуха!.. Столько же пользы, сколько и вреда!.. Да... Потомъ, я какъ-то чуть не попалъ въ заговоръ; мнѣ уже даже револьверъ дали... Браунинга, что ли... черный такой, тяжелый... Ну, я, было, и подумалъ: вотъ оно!.. начинается настоящее дѣло!.. А потомъ вижу, что и это не то... Надо убивать, а потомъ и тебя самаго повѣсятъ... Значитъ, такая штука: я убью, скажемъ, человѣка, которому хочется жить; потомъ убьютъ меня,—мнѣ тоже хочется жить!.. И то и другое совсѣмъ непріятно: смерть, а не жизнь... Форменное несчастье и только!..

Ларіоновъ высоко поднялъ толстыя, какъ у женщины, плечи, и его близоруке, доброе лицо выразило отчаяніе.

— Тутъ у меня въ душѣ пошла такая разладица, что я чуть не удавился!.. Съ одной стороны, дѣло большое, несомнѣнно важное, а съ другой стороны—съ какой стати? Кто смѣетъ требовать отъ меня моей жизни и... чтобы я сдѣлался убійцей?.. И... и... я, кажется, скоро совсѣмъ перестану понимать, въ чемъ тутъ дѣло!.. Вотъ, вѣдь, какая штука... что хорошаго

ни придумаешь, для всего требуется либо жертва, либо самопожертвованіе!.. И... и вообще... Я не могу объяснить всего, но... Когда я началъ, то думалъ, что легко высказаться, а теперь вижу, что не выходитъ... Ну, да вы поймете...

Въ комнатѣ было жарко и душно. Лампа горѣла уныло, освѣщая небольшой кругъ, въ которомъ желтѣли стаканы съ жидкимъ чаемъ и тускло блестѣли ложечки. Надъ лампой ходилъ синій табачный дымъ, и было трудно дышать въ немъ. Хотѣлось открыть форточку, но почему-то никто не догадывался сдѣлать это. Ларіоновъ молчалъ и вопросительно глядѣлъ на всѣхъ поверхъ пенснэ, и на его кругломъ потномъ лицѣ было написано страданіе и недоумѣніе. Дора положила подбородокъ на подставленныя руки и задумалась, глядя на огонь лампы. Андреевъ дергалъ и крутилъ усы, а Лиза сидѣла на кровати, и ея не было ни слышно, ни видно. Ей было до слезъ жаль Ларіонова и хотѣлось приласкать его, какъ мальчика, и утѣшить; но она не умѣла ничего сказать и молчала.

— Да, жизнь сложная... тяжелая штука! задумчиво проговорила Дора.

Ларіоновъ быстро сѣлъ и испуганно посмотрѣлъ на нее.

— И удивительно же, продолжала Дора медленно и раздумчиво: — всего какой-нибудь годъ... меньше, полгода всего тому назадъ, ѣхала же я сюда съ такимъ восторгомъ! И главное, что представляла я себѣ именно то, что и нашла... Все это тутъ и есть: газеты и наука, и сходки, и театры... все то, о чемъ я всегда слышала и читала. И вотъ все-таки, полгода прошло, а у меня въ душѣ одна пустота и все надоѣло, опротивѣло! Такъ иногда все противно, что я, кажется, скоро Пашѣ Афанасьеву завидовать начну...

Она замолчала, и стало совсѣмъ тихо. За стѣной вдругъ послышались голоса и звонъ посуды.

— Я иногда припоминаю теперь, какъ я два года занималась въ одной школѣ, и какимъ бѣднымъ и невыносимо скучнымъ казалось мнѣ тогда все... Де-

ревня такая сѣрая, мужики пьяницы, ребятишки глупые.. существованіе мое такое же сѣренькое, глупое... А „тамъ“, думаю себѣ, гдѣ-то идетъ жизнь!.. А теперь все это кажется мнѣ иногда такимъ милымъ... до слезъ!.. И деревня, и лѣсокъ березовый, въ который я каждый день отъ скуки ходила гулять, и ребятишки... особенно одинъ... мальчуганъ тамъ былъ... И не понимаю себя, какъ это я могла обнимать березы и плакать отъ тоски?.. Ну, начинаю думать, можетъ быть, я въ себѣ ошибалась и надо ѣхать назадъ, жить, какъ жила? Нѣтъ же!.. Опять становится скучно... и не то, что скучно, а обидно же: неужели такъ и прозябать тамъ всю жизнь?

Лиза глубоко вздохнула въ своемъ уголку.

— Ну, хорошо!.. сказалъ Андреевъ, кусая усы. — Что же, собственно, вы воображали, когда ѣхали сюда?.. Чего вамъ хотѣлось?

— Какъ чего! удивилась Дора. — Жизни... только! добавила она съ ироніей.

Андреевъ сердито дернулъ себя за усы.

— Жизни!.. Что такое жизнь, скажите мнѣ, пожалуйста?.. Дай папиросу, Ларіоновъ!

— Ну, это понятно! скрививъ губы, протянула Дора.

— Нѣтъ, вы скажите... Въ чемъ эта жизнь: въ томъ, чтобы ходить въ театръ, на лекціи... учиться, заниматься политикой... ну?

— Ну, да... и въ этомъ конечно...

— Но все это у васъ есть, — чего же вамъ еще не хватаетъ?

— Я сама не знаю этого, но чувствую, что чего-то самаго главнаго не хватаетъ.

— Я вамъ скажу, чего вамъ всѣмъ не хватаетъ! рѣшительно сказалъ Андреевъ.

— Ну, ну... это любопытно! насмѣхаясь проговорила Дора, и въ ея темныхъ глазахъ мелькнуло злое выраженіе. Ей было досадно и непріятно, что Андреевъ можетъ думать, что онъ знаетъ что-то такое, чего не знаетъ она, Дора.

— Не хватаетъ у васъ любви и уваженія къ самимъ себѣ.

— Это же изъ чего видно? тѣмъ же голосомъ и краснѣя спросила Дора.

— Это видно изъ того, что та жизнь, къ которой вы способны, которая доставляетъ вамъ удовольствіе, всегда кажется ничтожною... въ ней вы томитесь и хотите быть выше себя!

— Странно, право! обиженно и возмущенно фыркнула Дора.

— Нѣтъ, что жъ... это, въ сущности, правда... замѣтилъ Ларіоновъ.

— Еще бы не правда! пожалъ плечами Андреевъ. — Какъ васъ воспитывали?.. Вы привыкли съ ранняго дѣтства считать одну жизнь хорошей и гордой, а другую скверной и ничтожной... Быть писателемъ, артистомъ или, положимъ, политическимъ дѣятелемъ — это прекрасно, а быть, напримѣръ, деревенскимъ учителемъ, мужикомъ, рабочимъ — унизительно...

— Что ты говоришь, что ты говоришь! въ ужасѣ закричалъ Ларіоновъ.

— Оставь, пожалуйста!.. съ досадой отмахнулся Андреевъ. — Я правду говорю. Вы вѣдь порядочные іезуиты: вы всегда готовы преклоняться передъ святымъ трудомъ рабочаго, учителя, крестьянина и прочее; а если васъ завтра судьба заставитъ выгребныя ямы чистить, каменья да глину драть, ребятишекъ сопливыхъ учить азбукѣ, такъ вы въ такую меланхолію впадете, что вамъ свѣтъ съ овчинку покажется и стыдно будетъ со знакомымъ встрѣтиться!.. А почему?.. Потому, что въ васъ гордости нѣтъ, нѣтъ любви и уваженія къ самому себѣ... Вы не можете вѣрить въ то, что не жизнь краситъ васъ, а вы жизнь! что всякая жизнь интересна и важна для васъ только постольку, поскольку она — ваша!

— Ну, что жъ это! съ негодованіемъ закричалъ Ларіоновъ, дергаясь, какъ паяцъ.

— Я мужикъ! не слушая, громовымъ голосомъ кричалъ Андреевъ, любуясь своими словами и ихъ

выраженіемъ и сжимая кулакъ.—Я съ дѣтства жилъ самъ, своимъ трудомъ и жизнь видѣлъ не въ книжкахъ только!.. Я всю жизнь своимъ горбомъ хлѣбъ зарабатывалъ и привыкъ думать, что для меня я самъ—все... что мнѣ все равно, какое я мѣсто занимаю въ рядахъ другихъ людей, чортъ съ ними со всѣми, когда мнѣ сытно и весело!.. И потому я люблю себя и знаю, чего мнѣ нужно... дѣлаю только то, что мнѣ нравится. А вы пристраиваетесь къ чужимъ взглядамъ, къ чужимъ способностямъ, и ... сами не знаете чего вамъ нужно, что вы можете! Ты вотъ разсказывалъ такъ: „Я „чуть“ въ заговоръ не попалъ... мнѣ „дали“ револьверъ!“ передразнилъ Андреевъ.— И въ заговоръ вы попадете случайно, потому-что другіе попадаютъ, и въ жизнь идете только потому, что другіе говорятъ, что это хорошо!.. Нѣтъ, если я въ заговоръ пойду, такъ потому, что мнѣ это нужно и пріятно будетъ—мнѣ самому!.. Я тогда и умру безъ антимоніи и другого убью,— не поморщусь!.. Вотъ!..

Андреевъ замолчалъ и взволнованно дергалъ себя за усы.

— Какъ это все черезчуръ ужъ просто! проговорила Дора сердито.

— А вамъ непремѣнно хочется, чтобы было сложно? съ озлобленной насмѣшкой спросилъ Андреевъ.—Въ томъ-то и горе ваше, что вы дѣти того времени, когда человѣкъ былъ такъ глупъ и жалокъ, что тяготился своей простотой и красивой жизнью, и думалъ, что его долгъ уважать и любить все, что угодно, кромѣ самого себя. Эхъ вы, путанные люди!.. Путали вы, путали и запутались окончательно... Чего вы только ни придумали, чего только ни намудрили надъ собой!.. Тутъ у васъ и Христосъ, и родина, и человѣчество, и ближній, и дальній... идеализмъ, и марксизмъ, и прочее... Съ одной стороны, все это прекрасно, а съ другой—гдѣ же вы сами?.. Гдѣ ваша собственная свободная, индивидуальная жизнь?.. Мѣ-

ста вамъ какъ будто бы и не осталось... то-есть, осталось, но какое... чисто жертвенное!..

— Да постой! перебилъ Ларіоновъ, теряя пенснэ и ныряя за нимъ подъ столъ.

— Да чего тамъ, постой! рванулъ головой Андреевъ.—Конечно, такъ. Теперь, по моему, поворотное время настало... Пройдетъ десять, двадцать лѣтъ—и васъ будутъ какъ уродцевъ разсматривать... Какъ это, молъ, могли жить такіе несамостоятельные, робкіе, трусливые людишки!..

— Въ чемъ же, скажите, пожалуйста, насмѣшливо спросила Дора,—заключается это ваше умѣнье любить себя?

— Въ чемъ?.. Въ томъ, чтобы любить себя всего, какъ есть я—человѣкъ изъ плоти, крови и духа равно!.. Любить свое существованіе, свое тѣло, свои наслажденія, свою самостоятельность, свое настоящее, не фальшивое, подкрашенное и подстроенное міропониманіе... вотъ!

— Да вѣдь этакъ каждый лавочникъ себя любитъ: сказалъ Ларіоновъ.

— Нѣтъ, лавочникъ не такъ любитъ... Лавочникъ — несчастный человѣкъ: онъ совершенно не умѣетъ любить себя... онъ окружаетъ свою жизнь самыми неестественными условіями, всю жизнь пресмыкается, боится, не видитъ за заботами, какъ бы жить, какъ всѣ, ни солнца, ни радости общенія съ природой и людьми, какъ людьми... не понимаетъ ничего изящнаго, красиваго; наполняетъ свое существованіе самыми уродливыми, грязными, грубыми дѣяніями... Онъ самъ не видитъ этого, онъ даже воображаетъ, что любитъ себя; но вся жизнь его—сплошное страданіе, и смерть у него неудовлетворенная, глупая... Онъ не умѣетъ любить себя... какъ и вы... Вотъ!

Андреевъ неожиданно всталъ и взялся за фуражку.

— До свиданья! Пора домой... Уже двѣнадцатый часъ.

— Нѣтъ, ты вотъ что скажи...

— Ничего я тебѣ не скажу... пошелъ ты къ чорту, дурья голова! Если не понимаешь самъ, такъ этого не втолкуешь!.. Все равно будешь пичкаться всю жизнь всякой трухой...

Студенты ушли. Въ комнатѣ стало тихо, и опять слышно было, какъ за стѣной говорятъ.

— Ну, и философія! съ ироніей сказала Дора и встала. — Значитъ же, назадъ... къ первобытному состоянію!..

Лиза вздохнула и потянулась. И опять острое воспоминаніе о Пашѣ Афанасьевѣ защемило у нея въ сердцѣ.

Ночью она шла домой по пустымъ, мокрымъ улицамъ, въ мокрыхъ камняхъ которыхъ дрожали и искрились отблески фонарей. Черная, свободно-мрачная, широкая рѣка шла подъ мостомъ и уплывала въ черную даль, сливаясь съ чернымъ небомъ. Огромный темный куполъ, отражая зарево огней, въ невѣроятномъ просторѣ уходилъ надъ головой. Дулъ съ моря упругій, сырой вѣтеръ и влажною волной ударялъ въ лицо. Гдѣ-то далеко глухо и предостерегающе бухала пушка.

— Бух... бух..!

Лиза серьезно и строго посмотрѣла на рѣку, и что-то заныло и затосковало въ ея сердцѣ и потянуло за упругимъ вѣтромъ куда-то вдаль—въ просторъ, мракъ и вѣтеръ, откуда ясно слышался сырой и торжественный запахъ весны.

VI.

Лиза пріѣхала домой.

Опять была весна, но уже не было Паши Афанасьева, и когда Лиза въ первый же вечеръ пошла въ садъ и стала у забора, тихая грусть охватила ее. Казалось, гдѣ-то здѣсь еще слышатся слова Паши, его страстный и слабый голосъ, и было невозможно ясно представить себѣ, что его нѣтъ, совершенно нѣтъ нигдѣ, на всемъ свѣтѣ.

Не было въ городѣ и Доры Баршавской: она

осталась въ Петербургѣ, поступивъ на лѣто для заработка въ какую-то контору по храненію мебели.

Дома всѣ были рады Лизѣ и больше всѣхъ былъ радъ корнетъ Савиновъ. Онъ прибѣжалъ въ тотъ же вечеръ, запыхавшись и блестя глазами, и цѣлый вечеръ молчалъ, не спуская съ Лизы наивно-восторженнаго взгляда. Ей было радостно и пріятно видѣть его, но по обыкновенію она смотрѣла на корнета строго и серьезно.

Послѣ ужина пошли гулять. Въ душѣ Лизы была какая-то радостная истома и не терпѣлось сейчасъ же пойти по знакомымъ улицамъ, мимо старыхъ, знакомыхъ домовъ, церквей, заборовъ и садовъ.

Ночь была безлунная, темная, и послѣ бѣлесыхъ весеннихъ петербургскихъ ночей Лизѣ казалось темно, какъ въ погребѣ.

Она съ Савиновымъ шла впереди, а Павелъ Ивановичъ шагалъ сзади съ Ольгой Петровной.

— Ты не простудишься, Павелъ Ивановичъ? спрашивала по обыкновенію Ольга Петровна, и Лиза слышала этотъ, съ давнихъ поръ знакомый вопросъ, ждала знакомаго отвѣта; и ей было до слезъ весело и смѣшно.

— Чего ради я буду простуживаться?.. Не понимаю, право! сердито недоумѣвалъ Павелъ Ивановичъ.

Воздухъ былъ густой, какъ медъ, и съ каждымъ вздохомъ, казалось, въ грудь входило что-то могучее, сладкое, полное жизни и доходило до самаго сердца.

— Ахъ, какъ хорошо... прелесть, какъ хорошо! повторяла Лиза.

Восторгъ и робкая надежда расцвѣтали въ груди корнета.

— Чудная ночь! немного въ носъ сказалъ онъ.

И Лизѣ показалось, что онъ прекрасно выразилъ именно то, что нужно.

Тишина на улицахъ была полная, и звѣзды беззвучно мигали въ недосягаемой вышинѣ.

А со слѣдующаго дня жизнь пошла простая, спокойная и солнечная. День проходилъ за днемъ радо-

стно и мирно, а когда въ голову приходило воспоминаніе о Петербургѣ и о томъ, что лѣто пройдетъ, Лизѣ становилось тяжело и тоскливо.

Уже въ іюлѣ, когда послѣ жаркихъ и сухихъ дней наступили удивительныя истомныя ночи, и садъ блестѣлъ фосфорическими огоньками свѣтляковъ, а небо роями брилліантовыхъ звѣздъ, Лиза съ корнетомъ поѣхали кататься на лодкѣ.

Корнетъ сидѣлъ на веслахъ, а Лиза на рулѣ. Отъ одного берега до другого ровно колыхалась темная, глубокая вода, и въ ней отражались и качались звѣзды. На берегу стоялъ темный и задумчивый лѣсъ, полный мрака и теплаго влажнаго дыханія.

— Ахъ, Лизавета Павловна... если бы вы знали, какъ я скучалъ по васъ!.. Сто разъ думалъ: застрѣлюсь и кончено... А потомъ думаю: вотъ придетъ лѣто, Лизавета Павловна пріѣдетъ, а меня не будетъ, и я ее никогда больше не увижу... Такъ и не застрѣлился... тихо говорилъ корнетъ.

— Такъ и не застрѣлились!.. повторила Лиза и смѣялась чисто, звонко и стыдливо-счастливо.

— Чудная ночь! повторилъ корнетъ въ носъ, не спуская глазъ съ расплывающагося во мракѣ мягкаго и изящнаго силуэта Лизы.

А ей безсознательно хотѣлось быть еще изящнѣе, еще привлекательнѣе, и каждое движеніе, которое она дѣлала, было полно милой прелести и каждый звукъ голоса—нѣжности и красоты.

У одного островка они высадились и пошли въ лѣсъ, прижавшись другъ къ другу. Подъ деревьями было совсѣмъ темно и пахло сыростью и влажными, мягкими травами. Со всѣхъ сторонъ тихо свѣтились слабые огоньки свѣтляковъ, въ полной тишинѣ и тайнѣ, казалось, дѣлавшихъ въ травѣ какое-то свое важное, углубленное дѣло.

Они остановились на лужайкѣ и смотрѣли вверхъ на клочокъ далекаго, темнаго неба со звѣздами и на обступившій ихъ темный, таинственный лѣсъ. И что-то жаркое и властное тянуло ихъ другъ къ другу.

Чуть замѣтно, робко и стыдливо дрогнула рука Лизы и плечо, круглое, теплое и мягкое, прижалось къ плечу корнета. Жаръ и холодъ охватили большое мускулистое тѣло корнета; одну секунду онъ чуть не схватилъ Лизу за круглыя, мягкія плечи, чтобы всѣмъ вздрагивающимъ и млѣющимъ тѣломъ прижаться къ ней и прижать ее къ себѣ, раздавить и подчинить властной ласкѣ; но онъ не посмѣлъ и, скользнувъ внизъ, опустился колѣнями въ мокрую траву и прижался головой и губами къ ея рукѣ, нѣжной и маленькой, съ безпомощными, слабыми пальцами.

— Идемте... вздрагивая и путаясь проговорила Лиза...—Идемте!.. повторила она серьезно и строго, какъ всегда; но въ голосѣ ея было что-то сладкое, какъ пѣсня, и нѣжное.

Корнетъ всталъ, покорно подалъ ей руку, и они пошли.

Лѣсъ молчалъ, и свѣтляки тихо свѣтились въ травѣ, и было тяжело дышать отъ счастливаго, проникающаго все тѣло, безконечно сладкаго напряженія.

Всю дорогу они молчали и боялись смотрѣть другъ на друга: но стыдливыя, счастливыя улыбки не сходили съ ихъ лицъ, и между ними все время чувствовалась какая-то таинственная, счастливая связь.

Дома Лиза долго и странно-серьезно смотрѣла на себя въ зеркало и, раздѣваясь, всѣ движенія дѣлала медленно и лѣниво. А корнетъ, придя домой, кинулся головой въ подушку и замеръ.

— Какая чудная ночь... какая чудная ночь! вертѣлось у него въ головѣ, и все богатырское тѣло дрожало и млѣло отъ счастья.

VII.

Дня черезъ три послѣ этого Лиза получила письмо отъ Доры Баршавской.

„Дорогая Лизочка! писала Дора неаккуратно и размашисто. — Если бы ты знала, какъ скучно и скверно на душѣ! Проклятая контора вымотала изъ меня всю душу. Въ городѣ пустота и скука, жара...

Ларіоновъ уѣхалъ, а теперь я совсѣмъ, совсѣмъ одна Прежде хоть онъ, бывало, ходилъ ко мнѣ, — все не такъ было скучно. А воображаю, какъ ты тамъ веселишься!.. Твой корнетъ опять возлѣ тебя?.. Катаетесь, конечно, въ лунныя ночи на лодкѣ, гуляете въ темныхъ аллеяхъ задумчиваго сада... Воображаю, какая прелесть! Хоть замужъ-то, Бога для, не выйди! А впрочемъ, это твое дѣло... Ты не сердись на меня, но у тебя порядочная-таки склонность къ мѣщанскому счастью,—это еще Паша Афанасьевъ замѣчалъ. Что жъ, можетъ быть, это и къ лучшему: выйдешь замужъ за своего корнета, народишь дюжину младенцевъ и будешь себѣ счастлива и долголѣтна на землѣ!.. Ну, пока до свиданья! Твоя Дора Б... Лизочка, прости меня! Я злая, скверная... Сейчасъ перечитала это письмо и вижу, какое оно подлое и злое. Но я все-таки пошлю его, чтобы ты знала, какая я дрянь. Но я такая бѣдненькая сиротинка! Такъ мнѣ скучно, тошно все!.. Такая я несчастная, что ты не будешь сердиться и простишь свою бѣдную Дору".

Лиза серьезно прочла это письмо два раза, сдѣлала строгое лицо и тихо пошла въ садъ, гдѣ свѣтило солнце и чирикали воробьи. Она медленно прошла черезъ всю аллею и пришла къ тому мѣсту, гдѣ въ прошломъ году былъ перелазъ въ садъ Афанасьевыхъ. Тамъ она долго стояла и, неподвижно глядя на сѣрый, полуразвалившійся плетень, о чемъ-то думала. Солнечныя пятна шевелились на дорожкѣ и на ея сѣромъ платьѣ, а надъ головой тихо шелестѣли зеленые листья. Опять ей послышалось, что гдѣ-то тутъ, въ прозрачномъ воздухѣ, неслышимыя, но ясно звучатъ слова покойнаго Паши Афанасьева, какъ будто они навѣки остались и живутъ тутъ одинокія, тихія и печальныя, трогая въ сердцѣ невыразимо нѣжныя и грустныя струны. Стало больно,—и Лиза тихо заплакала. Слезы медленно выступали на свѣтлыхъ глазахъ и расплывались, а въ нихъ расплывались въ неопредѣленно зеленыя пятна и плетень, и листья, и трава, и голубое небо.

Идя назадъ, она наткнулась на Василису, которая за зиму растолстѣла, раскраснѣлась и теперь вольно и грубо шутила съ краснорожимъ, плотояднымъ кучеромъ Семеномъ. Лизѣ показалось, что отъ нихъ пахнетъ саломъ, и ей стало противно. Она ушла, строго глядя себѣ подъ ноги.

Вечеромъ, какъ всегда, пришелъ корнетъ. Должно быть, онъ чуялъ что-то, потому что съ его красиваго, добродушнаго, пустого лица не сходило робкое выраженіе. Лиза была холодна, сурова и молчалива.

Когда они остались одни, корнетъ робко спросилъ:

— Лизавета Павловна... что съ вами?

Лиза холодно посмотрѣла на него.

— Со мной?.. Ничего... строго отвѣтила она.

Корнетъ уныло помолчалъ, и сердце у него сжалось тоской.

— Но я вижу, что вы... Лизавета Павловна...

Лиза опять посмотрѣла на него, потомъ вдругъ вытащила изъ кармана письмо Доры и подала ему:

— Что это? испуганно спросилъ корнетъ.

Лиза не отвѣтила и пошла въ садъ.

Корнетъ остался на мѣстѣ, долго и оторопѣло смотрѣлъ ей вслѣдъ, а потомъ стыдливо развернулъ письмо и прочелъ. Сначала онъ весь покраснѣлъ и тяжело задышалъ, такъ что на него страшно было смотрѣть, и въ первую секунду казалось, что онъ порветъ письмо въ клочки, бросится на кого попало, закричитъ. Но тотъ обожательный страхъ, который онъ всегда питалъ къ Лизѣ, смирилъ его. Онъ сконфуженно оглянулся по сторонамъ, аккуратно сложилъ письмо и пошелъ за Лизой, звонко гремя шпорами и самъ пугаясь этого звука.

Лиза стояла у калитки и смотрѣла на улицу, по которой съ пылью и дребезжащимъ блеяніемъ проходило стадо.

— Лизавета Павловна!.. тихо позвалъ онъ.

Лиза обернулась и серьезно уставилась ему въ

глаза. Корнетъ потупился и почувствовалъ, что все пропало, что то огромное и свѣтлое счастье, приближеніе котораго съ такимъ восторгомъ онъ чувствовалъ, погибло и безвозвратно ушло куда-то далеко-далеко. Холодъ и мракъ обняли его душу.

— Я не понимаю, Лизавета Павловна... началъ онъ упавшимъ, унылымъ голосомъ.

— Не понимаете?! со страннымъ выраженіемъ переспросила Лиза, и лицо ея исказилось.

— Я сама ничего не понимаю... оставьте меня, оставьте! вдругъ истерически закричала она и бросилась бѣжать отъ него къ дому, путаясь въ длинной, сѣрой юбкѣ и размахивая мягкой косой, колотившейся по плечамъ.

Корнетъ не спалъ всю ночь и все ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. На столѣ горѣла свѣча, было пусто и неуютно въ голой комнатѣ, и уродливо-огромная черная тѣнь кривлялась на потолкѣ и стѣнахъ вслѣдъ за корнетомъ. Часовъ въ двѣнадцать онъ сѣлъ и написалъ прошеніе о переводѣ и объ отпускѣ, а потомъ всталъ, подошелъ къ своей шинели, висѣвшей въ углу на гвоздикѣ, хотѣлъ, было, вынуть изъ кармана револьверъ, но вмѣсто того отчаянно ударился головой о шинель и нѣсколько разъ произнесъ тихо и внятно:

— Лиза... Лиза... Лизочка!..

VIII.

Въ половинѣ февраля была оттепель и болѣзненно чувствительно напоминала весну запахомъ талаго снѣга, темнымъ, сырымъ небомъ и оживленно рѣзкимъ стукомъ колесъ по обнажившейся мѣстами мостовой.

Лиза и студентъ Кореневъ, высокій, черноволосый и смуглый человѣкъ, со жгучими черными глазами и горбатымъ носомъ, шли къ нему на квартиру. На Кореневѣ была студенческая шинель на распашку, шапка сидѣла у него на самомъ курчавомъ затылкѣ и крѣпкій, звучный голосъ заглушалъ стукъ колесъ

и шумъ воды, бѣжавшей черезъ тротуары изъ трубъ.

— Я не понимаю васъ, Лиза... говорилъ Кореневъ, сверкая глазами, какъ злое и хищное животное.—Если вы любите меня, а я знаю, что любите, то какой смыслъ уродовать свое счастье и вамъ, и мнѣ?.. Надо брать отъ жизни все, что она можетъ дать!.. Я не люблю трусости, половинчатости и нерѣшительности!..

Лиза молча смотрѣла себѣ подъ ноги и чувствовала, какъ странно, сладко и страшно дрожатъ у нея ноги и руки и какъ щемитъ въ груди. То ухо, которое видѣлъ Кореневъ, маленькое и красивое, алѣло у нея, какъ нѣжный густо-розовый цвѣтокъ.

Въ комнатѣ Коренева она не раздѣвалась и стояла у стола, распространяя отъ своей черной, гладкой кофточки запахъ свѣжести и холода, пока хозяйка Коренева не внесла самоваръ и не ушла, любопытно оглядѣвъ ее съ ногъ до головы.

Кореневъ видимо былъ возбужденъ, и глаза у него горѣли темнымъ, рѣшительнымъ блескомъ. Онъ былъ очень красивъ, и всѣ движенія его пріобрѣли властный и дерзкій оттѣнокъ.

— Раздѣвайтесь же, Лиза! сказалъ онъ, заперевъ дверь, и подошелъ къ ней.

Лиза быстро взглянула на него, и тотъ страхъ, безотчетный, полудѣтскій, который она всегда испытывала передъ нимъ съ самаго начала знакомства, отразился на ея поблѣднѣвшемъ, но попрежнему серьезномъ лицѣ.

— Ну, раздѣвайтесь же! повторилъ Кореневъ и, протянувъ взрагивающія руки, сталъ самъ разстегивать ея кофточку.

— Я сама... тихо проговорила Лиза... Она отколола шапочку и сѣла къ столу.

— Нѣтъ, что же вы... раздѣвайтесь! возразилъ Кореневъ.

Она послушно встала и начала снимать кофточку. Кореневъ сталъ ей помогать и вдругъ быстро и гру-

бо обнялъ ее, швырнулъ кофточку на полъ и, поднявъ Лизу на воздухъ, однимъ движеніемъ повернулъ, такъ что коса ея мягко ударила его по лицу, и опустилъ на кровать.

У Лизы закружилась голова; страхъ и отчаяніе, какъ при паденіи во снѣ въ страшную пропасть, охватили ее; она сдѣлала слабое усиліе вырваться, изогнулась на подушкѣ, и вдругъ затихла и закрыла глаза. И все поплыло вокругъ въ жгучемъ и страшномъ хаосѣ страданія и наслажденія.

Она встала тихо и не глядя на Коренева, прекрасная и жалкая въ своемъ сѣромъ, измятомъ платьѣ, съ разсыпавшимися волосами и опущенной головой. Кореневъ дышалъ тяжело и рѣдко. Глаза у него блестѣли и ноздри раздувались восторгомъ и силой. Странный, теплый запахъ окутывалъ ихъ, и вся комната, казалось, тонула въ какомъ-то горячемъ, сладострастномъ туманѣ.

Лиза ушла поздно. Въ коридорѣ было темно, и она старалась пройти его неслышно и незамѣтно. Но изъ двери хозяйки падала полоса свѣта, и тощая, худая чиновница вышла на порогъ.

— Затворяйте, пожалуйста, дверь! скрипучимъ голосомъ, въ которомъ слышались презрѣніе и насмѣшка, сказала она.

На лѣстницѣ Лиза остановилась, упала грудью на перила, твердыя и холодныя, и замерла, закрывъ глаза. Перила вдавливались въ упругую, небольшую грудь... Было холодно и пусто. Кто-то хлопнулъ внизу дверью, и стукъ гулко пронесся по всѣмъ этажамъ. И представилось Лизѣ, что она маленькая-маленькая, несчастная и униженная, и что во всемъ свѣтѣ она одна. Въ головѣ ея мелькнулъ образъ Коренева, странно свѣтлый и яркій, точно въ какомъ-то ореолѣ, и погасъ безсильно въ ея потемнѣвшей и опустѣвшей душѣ.

IX.

Почти каждый день къ Дорѣ и Лизѣ, жившимъ теперь въ одной комнатѣ, приходили Ларіоновъ и

Андреевъ и цѣлыми вечерами постоянно спорили объ одномъ и томъ же.

— Я понимаю теперь, разводя руками, вскакивая и глядя поверхъ пенснэ, говорилъ толстый бѣлобрысый Ларіоновъ: — теперь время борьбы для борьбы, — вотъ какая штука!.. Прежде на борьбу смотрѣли, какъ на долгъ или какъ на печальную необходимость, — понимаете?.. А теперь находятъ наслажденіе въ самомъ фактѣ борьбы... наслажденіе чисто животное, эгоистическое, для самого себя, — вотъ въ чемъ штука!..

— Вѣрно! одобрительно соглашался Андреевъ.

— Ну, да... Только это очень просто, этакъ всякій обратится въ звѣря!..

— Нѣтъ, братъ, врешь! усмѣхнулся Андреевъ. — Это надо умѣючи... Звѣремъ, какъ ты говоришь, такимъ звѣремъ, какъ я понимаю, надо или родиться или съ дѣтства воспитаться!.. А то будешь просто скотиной и больше ничего!

Лиза внимательно слушала ихъ, сидя въ углу кровати, и представляла себѣ Коренева такимъ, какимъ не разъ послѣ того вечера онъ приходилъ къ ней въ отсутствіе Доры. Въ первый разъ она почувствовала къ нему какую-то нѣжную жалость и хотѣла приласкать его, прижаться къ нему и сказать что-то хорошее, нѣжное, со слезами на глазахъ. Но онъ былъ требователенъ, веселъ и жестокъ, смѣялся и ласкалъ ее такъ, что послѣ его ухода у нея болѣло все тѣло и цѣлый день она была слаба и нездорова. Вѣяло отъ него силой и холодомъ, и Лиза стала бояться его попрежнему и даже больше. То, что онъ дѣлалъ съ ней, было ей противно и стыдно. Но она не смѣла ему противиться и подчинялась покорно и робко. И теперь, слушая Андреева, она представляла себѣ Коренева именно тѣмъ звѣремъ, о которомъ онъ говорилъ; и ей было стыдно, больно и страшно, чтобы никто не узналъ о ея ужасѣ, униженіи и страданіи.

Дора была молчалива и сосредоточенна. Она почти не слушала спорящихъ и вся жила мыслью въ томъ,

что по ночамъ писала, пряча даже отъ Лизы. Ей казалось теперь, что наконецъ, она нашла то, что ей было нужно и когда ночью иногда въ жгучемъ волненіи вставала отъ стола и начинала тихо, чтобы не разбудить Лизу, ходить по комнатѣ, голова у нея горѣла, глаза расширялись, необъяснимое волненіе, сладкое и мучительное, тѣснило грудь. Она проводила рукой по сухому, горячему лбу, и что-то свѣтлое, славное и громадное рисовалось ей впереди.

Но въ одинъ сѣрый и холодный день, въ пустой и холодной комнатѣ редакціи ей вернули ея рукопись холодно и равнодушно.

Она шла домой черезъ большой мостъ и тупыми, жалкими глазами смотрѣла въ мутную, сѣрую, уползающую въ даль воду. Въ душѣ стало сразу пусто, холодно, не хотѣлось жить.

Навстрѣчу ей попались двѣ товарки по курсамъ, одна высокая, полная и красивая, другая маленькая и веселая, какъ кошечка. Онѣ остановили Дору, и со смѣхомъ, блестя глазами и оглядываясь по сторонамъ безъ причины, стали разсказывать о состоявшейся сходкѣ.

— Если бъ ты слышала, какъ говорилъ Точниковъ!..

И онѣ передавали содержаніе его рѣчи безсвязно и восторженно, а потомъ стали восхищаться его наружностью.

— Я не выношу блондиновъ!.. говорила быстро и дробно, точно разсыпая бисеръ, маленькая курсистка.— Но это что-то особенное!..

Она блестѣла глазками и щечки у нея розовѣли, точно отъ поцѣлуя. Большая смѣялась полнымъ и круглымъ звукомъ, закидывая голову. А Дорѣ были онѣ противны и докучны. Она бросила ихъ и ушла. Дѣвушки пошли дальше, звонко смѣясь, а Дора, стискивая зубы, думала:

„Какъ мало имъ нужно, чтобы жить... Какая пошлость, какая пошлость!.. Господи, хоть бы умереть же“...

Ею овладѣла страшная злоба. Ей захотѣлось пронзительно крикнуть, ударить кого-нибудь, броситься ничкомъ въ грязный, талый снѣгъ, биться въ немъ, царапать его руками, грызть и кого-то проклинать; проклинать такъ отчаянно и злобно, какъ когда-то при ней худая, заморенная еврейка, съ безумными глазами, проклинала Бога и людей надъ трупомъ погибшаго во время погрома сына.

Это было такое острое и мучительное чувство, что ей самой стало страшно и тяжело.

— Да что, въ самомъ дѣлѣ, случилось? пыталась она спросить себя. — Ну, и пусть у меня нѣтъ таланта... что жъ изъ этого?..

— Не таланта, отвѣчала она сама себѣ: — у меня ничего нѣтъ... На сходкахъ я только молчу, учиться мнѣ только скучно... я заурядная, ничтожная... Но это не можетъ быть!.. Тогда лучше не жить!..

Дома она впала въ тяжелую и безнадежную апатію, и Лиза не могла вывести ее изъ напряженнаго, тупого молчанія.

— Дорочка, милая... да что съ тобой? спрашивала она тихо и трогательно. — Вѣдь ничего не случилось.

И почему-то Дорѣ казалось обиднымъ это предположеніе Лизы; хотѣлось раскрыть передъ нею какую-то мрачную и унылую бездну и освѣтить себя трагическимъ свѣтомъ.

Однажды ночью Дора вдругъ встала съ кровати, босая и въ одной рубашкѣ, маленькая и тоненькая, съ растрепанными, сухими черными волосами, подошла къ Лизѣ и сѣла къ ней на кровать.

— Лиза, изступленно зашептала она, ломая сухенькія, смуглыя руки, — я говорю тебѣ, что я больше не могу!.. У меня была одна надежда подняться надъ толпой... Я не знаю, что теперь дѣлать съ собой и чего желать!.. Все кажется безнадежнымъ, сѣрымъ... И это жизнь!.. Если бы ты знала, что я передумала и перечувствовала за это лѣто въ этой проклятой конторѣ, гдѣ на меня смотрѣли, какъ на какое-то

ничтожество... И каждый контролеръ смотрѣлъ на меня сверху!..

— Дорочка, это пройдетъ...

— Что пройдетъ? почти крикнула Дора, съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ прислушиваясь къ собственнымъ мрачнымъ и рѣзкимъ словамъ. — Я не ребенокъ, чтобы впасть въ отчаяніе отъ случайной неудачи... Нѣтъ, я чувствую, что у меня въ душѣ нѣтъ того, что даетъ людямъ возможность жить. Я не такъ глупа, чтобы утѣшаться какими-то игрушками... Я могла бы жить, если бы чувствовала себя вверху... надъ всѣми... большой, смѣлой, гордой!.. А такъ, учиться, ѣхать, одною изъ тысячъ, въ глушь какую-нибудь, лѣчить всю жизнь какихъ-то идіотовъ, состариться и умереть такъ же незамѣтно, какъ жила... Неужели ты не понимаешь, какой это ужасъ!.. Пойми, цѣлую жизнь! Лучше смерть! страстно выкрикнула Дора, трагически вытягивая голыя смуглыя руки.

Лиза смотрѣла на нее большими, серьезными и строгими глазами и лежала неподвижно. Слышно было, какъ на хозяйской половинѣ что-то скрипѣло, точно тамъ качали деревенскую люльку.

Дора молчала и смотрѣла прямо передъ собою, широко открывъ черные, миндалевидные глаза. И ей казалось, что въ этихъ глазахъ Лиза видитъ сейчасъ что-то роковое, трагически прекрасное. Случайно высказанная мысль, казалось ей, освѣтила ее ужаснымъ и красивымъ свѣтомъ. И Дора подумала, что ничего нѣтъ красивѣе, величественнѣе и легче, какъ убить себя.

— Лучше смерть! повторила она, сжавъ брови и прислушиваясь къ своимъ словамъ.

Лиза поднялась на локтѣ и серьезно кивнула головой.

— Я уже думала объ этомъ... просто, но съ какою-то зловѣщей серьезностью сказала она.

Дора долго молчала и думала. Ей показались странными слова и тонъ Лизы, но долго останавливаться на нихъ она не могла. Ей хотѣлось думать о

себѣ. Лиза хотѣла еще что-то сказать, поблѣднѣла, шевельнула губами, но вздохнула и промолчала. Потомъ Дора тихо встала и сказала:

— Пойдемъ, пройдемся... Мнѣ что-то не хорошо...

Лиза кивнула головой и встала, откинувъ одѣяло. И почему-то Дора въ первый разъ за все время обратила вниманіе на ея мягкую, стройную спину, покатыя голыя плечи и точеныя, круглыя ноги.

Онѣ одѣлись и вышли. На лѣстницѣ было темно и мрачно, подъ воротами спалъ дворникъ, похожій на кучу вонючей овчины. На улицахъ, слабо освѣщенныхъ рядами мертвыхъ, желтыхъ фонарей, было пусто и просторно, какъ на площадяхъ. Онѣ долго ходили по пустому городу, мимо молчаливыхъ домовъ, съ черными, слѣпыми окнами. Попадались имъ навстрѣчу черные люди и исчезали, какъ тѣни. Дора тихо говорила о безцѣльности и никчемности жизни, о своемъ рѣшеніи уйти изъ нея. Она старалась подбирать только самыя грустныя, значительныя слова, и когда они не подбирались и выходило шаблонно, ей почему-то было мучительно неловко.

Онѣ были на набережной, когда за сѣровато-синими силуэтами крѣпости небо стало прозрачно и холодно розовымъ. И вода также стала розовой и холодной. Широкія волны глухо ударяли внизу о камни, а вокругъ все стало сѣровато-синимъ и прозрачнымъ. Стекла оконъ заблестѣли стекляннымъ, розовымъ блескомъ и сдѣлались еще безжизненнѣе и глуше. Наступило утро. Онѣ сѣли на каменную, сквозь платье проникавшую холодомъ скамью и долго молча смотрѣли на рѣку.

Гдѣ-то, еще невидимое, всходило солнце. Уже шпицъ крѣпости и верхушки домовъ засверкали краснымъ свѣтомъ, въ которомъ стекла оконъ засіяли, какъ звѣзды; а надъ широкой, то розовой, то синей рѣкой все еще было холодно и пусто. Только чуть видный туманъ скользилъ вдоль береговъ, и его блѣдныя утреннія тѣни колыхаясь поднимались на-

встрѣчу солнцу и безсильно таяли надъ холодной, мутной водой.

X.

Съ этого дня жизнь двухъ дѣвушекъ пошла странно и тяжело. Стоило имъ остаться однѣмъ, и Дора начинала говорить все о томъ же, точно кто-то, сильнѣе ея, толкалъ ее. Ей было страшно и интересно говорить и думать, что она дѣйствительно можетъ сдѣлать такъ. Лиза смотрѣла на нее страдальческими и покорными глазами и казалась Дорѣ жалкой и подчиненной. И Дорѣ доставляло почти сладострастное наслажденіе мучить ее своими рѣчами. Мучить и страдать отъ ея страданій самой.

Въ угнетающей атмосферѣ постоянныхъ разговоровъ о смерти становилось душно и невыносимо, и начинала вставать грозная необходимость найти тотъ или другой выходъ.

И чѣмъ ближе приближалась Дора къ этой необходимости, тѣмъ острѣе было какое-то странное наслажденіе. Временами ей казалось, что она все ближе и ближе наклоняется надъ пропастью, и хотя въ глубинѣ души она не вѣрила возможности упасть, ей хотѣлось вѣрить и заставить повѣрить и Лизу. И когда ей удавалось, Дора чувствовала себя сильной, красивой и наслаждалась этимъ. Временами, когда ей почему-либо становилось весело и легко, Дора стыдилась своего веселья, точно оно снова дѣлало ее маленькой и обыкновенной, и насильно опускалась въ мрачное и рѣшительное отчаяніе. И то, что Лиза постоянно была грустна и блѣдна, часто плакала и слушала ее серьезно и печально, — помогало Дорѣ настраиваться и вѣрить въ свое рѣшеніе.

Въ одну напряженную, тяжелую минуту, когда разговоръ принялъ уже невыносимо острый, мучительный характеръ, Дора назначила день, и въ этотъ день Лиза пошла къ Кореневу.

— Ты подожди меня! серьезно сказала она Дорѣ. — Мнѣ надо... тутъ...

Дора подозрительно посмотрѣла въ ея вдругъ покраснѣвшее лицо, но ничего не сказала. Ей показалось, что Лиза боится и бѣжитъ, и въ самой темной глубинѣ ея души шевельнулось что-то робкое и таинственное, какъ нехорошая надежда, въ которой нельзя признаться самому себѣ.

Студентъ былъ дома и при видѣ Лизы вскочилъ и обрадовался.

— А, Лиза! яркимъ голосомъ вскрикнулъ онъ. — Вотъ не ждалъ!

Лиза молча вошла и, не раздѣваясь, сѣла у стола. Кореневъ насильно сталъ раздѣвать ее и, уже раздѣвая, стаскивая узкую кофточку съ полныхъ и круглыхъ плечъ подъ натянутымъ, сѣрымъ платьемъ, сталъ возбуждаться, блестѣть глазами и раздувать тонкія ноздри.

Лиза опять сѣла у стола, но Кореневъ поднялъ ее за руки, сѣлъ на кровать и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Лиза сидѣла покорно и какъ-то слабо.

— Что это значитъ? спрашивалъ Кореневъ.— Чѣмъ мы обязаны честью?

— Я скоро умру... вдругъ проговорила Лиза, и въ ея всегда спокойныхъ глазахъ появилось на мгновеніе что-то жалкое и молящее.

— Ухъ!.. Не можетъ быть! засмѣялся Кореневъ.— Да, не можетъ того быть! повторилъ онъ, сдавливая ея мягкія, теплыя ноги колѣнями и чувствуя, какъ все его тѣло дрожитъ и напрягается.

Лиза подняла на него печальные глаза, посмотрѣла и промолчала.

Кореневъ вдругъ повалилъ ее черезъ колѣно на кровать и сталъ цѣловать въ шею и сѣрое жесткое платье на мягкой груди. Лиза не сопротивлялась и отдалась ему такъ же покорно и безотвѣтно, какъ всегда. Потомъ встала, строго и серьезно посмотрѣла ему въ глаза, какъ будто надѣясь что-то увидѣть, и задумалась.

— Ну, что же... будемъ теперь чай пить? спра-

шивалъ Кореневъ, немного вспотѣвшій, разгоряченный и счастливый.

— Я пойду... тихо сказала Лиза.

— Чего ради?

— Такъ... грустно отвѣтила Лиза и вдругъ робко и трогательно-нѣжно взяла его за руку.

Кореневъ пожалъ плечами.

— Странная ты какая-то... сказалъ онъ. — Ну, какъ хочешь.

Лиза тихо выпустила его руку, глядя въ полъ, потомъ встала и одѣлась и посмотрѣла на Кореневa.

— Спасибо, что пришла... почему-то сказалъ Кореневъ.

Лиза вздохнула и затворила дверь. Кореневъ слышалъ, какъ хозяйка въ передней проворчала ей вслѣдъ:

— Шляется... а еще барышня, курсистка!

XI.

Лиза шла по улицамъ. Уже смеркалось и зажигали фонари. Она шла быстро и легко, немного подавшись впередъ и глядя на мокрая плиты тротуара. Кто-то обогналъ ее, и маленькая бѣлая собаченка попалась ей подъ ноги. Лиза вздрогнула и быстро подняла глаза.

Впереди степенно шелъ маленькій гимназистикъ, въ сѣренькой шинели и большой фуражкѣ. Бѣлая веселая собаченка бѣжала сзади, поминутно не соразмѣряя скорости и удивленно тыкаясь гимназистику въ ноги.

Необычайно теплое и нѣжное чувство волной наполнило грудь Лизы и глаза у нея стали мокрыми. Ей болѣзненно ярко вспомнились Сережа и лаечка. И чувство давящаго одиночества смѣнилось горячимъ чувствомъ нѣжности и радости. Она свернула со своей дороги и сама не зная зачѣмъ, пошла за гимназистикомъ и его бѣлой собачкой. Они шли долго, и все время Лизѣ было и легко, и грустно, и хорошо, она забыла о томъ, что надо итти домой, и крѣпко прижавъ муфту къ груди, не спускала глазъ съ малень-

кой сѣрой шинели и ушастаго большого картуза надъ розовыми торчащими ушами. По временамъ гимназистикъ оглядывался и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на высокую, полную барышню, неотступно идущую за нимъ. Она улыбнулась ему робко и чуть замѣтно; а онъ опять поворачивался и, желая доказать свою независимость, кричалъ пискливымъ голосомъ:

— Фарсикъ, иси... не смѣй бѣгать!.. Я тебѣ дамъ!..

Фарсикъ озабоченно острилъ бѣлыя ушки и, поднявъ хвостъ калачикомъ, тыкался ему въ ногу.

Лиза тихо смѣялась.

— Домой, домой! пѣло что-то сладкое и радостное у нея въ груди.

Вдругъ гимназистикъ быстро повернулъ къ калиткѣ, оглянулся еще разъ на Лизу и, видя, что она остановилась, демонстративно крикнулъ:

— Фарсикъ, сюда!

Бѣлый Фарсикъ махнулъ черезъ порогъ, и сѣрая желѣзная калитка плотно закрылась.

Лиза какъ-то неожиданно осталась одна. И такъ же быстро, какъ пришло, такъ же и ушло теплое, нѣжное чувство радости. На улицахъ было грязно и пусто, и желто блестѣли фонари. Шли люди, отражаясь въ мокрыхъ камняхъ, и въ сумракѣ казались безличными.

Лиза постояла на мѣстѣ и пошла назадъ, пошатываясь на ослабѣвшихъ ногахъ.

Сережа, домъ, отецъ,—все безсильно мелькнуло въ ея головѣ и исчезло. И одно давящее и безнадежное сознаніе, что она „не можетъ“ уже вернуться туда, что той Лизы, которая, веселая и чистая, жила въ томъ старомъ домѣ съ Сережей, съ лаечкой, со спокойствіемъ и радостью,—уже нѣтъ и никогда не будетъ.

Чувство, похожее на то, какъ будто она быстро пошла ко дну, въ пустую, мутную зеленоватую воду и вода глухо зашумѣла въ ушахъ, затемнило все въ ея глазахъ и душѣ. Широко раскрывъ глаза, Лиза, съ ужасомъ поднявъ обѣ руки, отчаянно прижала муфту къ виску и остановилась.

— Конецъ! сказалъ у нея въ душѣ холодный, рѣшающій голосъ. И въ ней все затихло, упало, стало пусто и мертво.

XII.

Когда Лиза пришла домой, Дора ничкомъ лежала на кровати. Услышавъ стукъ, она быстро, какъ отъ толчка, приподнялась и уставилась на Лизу горящими, воспаленными глазами.

— А, это ты... проговорила она звевящимъ, невѣрнымъ голосомъ.—Какъ ты меня испугала!..

Лиза машинально раздѣлась, зажгла лампу и увидѣла на столѣ листъ бумаги, исписанный Дорой, и черный, уродливый револьверъ, смутно поблескивающій холоднымъ, металлическимъ блескомъ.

Дора встала и подошла.

— Смотри, что я написала... какимъ-то неестественнымъ голосомъ проговорила она. Ей было неловко и стыдно чего-то, хотя она и старалась увѣрить себя, что все въ ея поступкахъ и словахъ — красиво и мрачно.

Лиза облокотилась однимъ локтемъ на столъ и молча прочла:

„Въ смерти нашей, конечно, просимъ никого не винить. Мы умираемъ отъ того, что жизнь вообще не стоитъ того, чтобы жить".

— Я думаю, что этого достаточно? съ страннымъ авторскимъ самолюбіемъ вздрагивающимъ голосомъ проговорила Дора, мучительно чувствуя, что все выходитъ какъ-то наивно и глупо, и оттого стыдясь взглянуть Лизѣ въ глаза.

Лиза молчала и стояла въ неудобной позѣ, облокотившись однимъ локтемъ на столъ. Коса свѣсилась у нея черезъ плечо и свернулась на столѣ. Лизѣ вдругъ захотѣлось взять перо и приписать еще что-то другое, самое главное для нея, что наполняло ея грудь и сжимало сердце. Но она только вздохнула и медленно выпрямилась. Потомъ тронула револьверъ пальцемъ и оставила.

— Да, что жъ... мнѣ все равно... тихо проговорила она.

Наступило тяжелое и мучительное для Доры молчаніе. „Надо же что-нибудь дѣлать... Какъ все глупо выходитъ...“ мелькало у нея въ головѣ.

— Надо запереть дверь... сказала она нерѣшительно и краснѣя.

Лиза тихо прошла и заперла дверь... Опять наступило подавленное молчаніе, и становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Лиза стояла у двери, а Дора у стола. Что-то огромное, невыносимо страшное и нелѣпое выползало изъ всѣхъ угловъ и наполняло комнату. Дорѣ показалось, что лампа ничинаетъ тухнуть.

— Да что же это такое! хотѣла крикнуть она, но вмѣсто того спросила:—Гдѣ ты была? такимъ страннымъ голосомъ, точно что-то круглое сидѣло у нея въ горлѣ.

Лиза тоскливо повела на нее глазами и не отвѣтила.

— Ну, что жъ... надо к...кончать... съ усиліемъ ворочая коснѣющимъ языкомъ, будто какой невѣроятной тяжестью, сказала Дора.

Лиза глухо отвѣтила.

— Да...

Дора протянула руку и, не вѣря себѣ, взяла револьверъ. Холодъ и дрожь пробѣжали у нея по всему тѣлу. Ее стала бить лихорадка, мучительная и страшная. Всѣ звуки стали вдругъ глухи и слышались какъ будто издалека. Казалось, что какой-то туманъ поднимается съ пола и становится кругомъ, отдѣляя ее отъ всего міра. Когда она приложила револьверъ къ виску и холодъ, желѣзный и острый, мгновенно пронизалъ ея черепъ, лицо Доры страшно исказилось, какъ будто въ безсильной смертельной борьбѣ.

„А вдругъ та не застрѣлится и я останусь въ дурахъ! — съ острой и нелѣпой подозрительностью мелькнуло у нея въ мозгу. — А впрочемъ... Это все такъ... чепуха!“ подумала она въ ту секунду, когда

уже чувствовала, что сейчасъ нажметъ спускъ конвульсивно сжимающимся пальцемъ. Какъ сквозь стѣну она услышала, какъ Лиза что-то сказала, и быстро опустила револьверъ. Невыразимо сладкое облегченіе и страшную слабость почувствовала Дора и опустилась на стулъ.

— Я... сначала... сказала Лиза, съ непонятнымъ, печальнымъ состраданіемъ и тоской.

Дора молчала и смотрѣла на нее безумно-выпученными глазами. Зубы у нея стучали.

— Потомъ ты... добавила Лиза строго.

Она подошла къ столу, взяла револьверъ изъ ослабѣвшихъ пальцевъ Доры и спокойно и аккуратно приложила его къ лѣвой сторонѣ груди, слегка прижавъ мягкое тѣло.

Дора видѣла ея серьезные, немного выпуклые, сѣрые глаза и лицо въ тѣни, и ей все больше и яснѣе казалось, что все это какая-то странная, скверная шутка, неизвѣстно чья и надъ кѣмъ. Въ слѣдующій моментъ лицо Лизы отчетливо и страшно измѣнилось въ выраженіе невыразимой тоски и отчаянія, оглушительный грохотъ ахнулъ у Доры въ ушахъ и почему-то послышался рѣзкій звонъ разбитаго стекла. Лиза покачнулась, коротко взмахнула рукой и, страшно широко раскрывъ глаза, цѣпляясь за столъ и опрокидывая на себя стаканъ съ холоднымъ чаемъ, во весь ростъ повалилась на спину. Стулъ опрокинулся и съ грохотомъ откатился на середину комнаты.

— Ай!.. ужасающимъ голосомъ, острымъ, какъ ножъ, пронзительно закричала Дора, обѣими руками хватаясь за голову... — Лиза!..

Какой-то кровавый кошмаръ наполнилъ ея голову, все закружилось вокругъ въ невѣроятномъ вихрѣ, и Дора съ размаху ударилась о дверь.

— А... а... а... а... а!.. долгимъ, равномѣрно ужаснымъ и пронзительнымъ крикомъ кричала она, въ изступленіи царапаясь въ запертую дверь, которая уже дрожала и рвалась отъ ударовъ снаружи.

Въ коридорѣ громко и тревожно гудѣли многочисленные голоса.

XIII.

На улицахъ было еще почти свѣтло, но фонари уже горѣли, и ихъ золото странно и красиво блестѣло въ синеватомъ сумракѣ лѣтняго вечера.

Какъ-то напряженно тихо было въ пустой квартирѣ. Горѣла только одна лампа въ столовой и, какъ огромная, мертвая огненная бабочка съ распростертыми крыльями, неподвижно висѣла надъ бѣлымъ столомъ. Слышно было, какъ гдѣ-то скучно тикали часы, точно для собственнаго развлеченія наединѣ отсчитывая никому ненужное время. Были спущены всѣ сторы и оттого казалось, будто за стѣнами — черная, непроглядная глухая ночь.

Закутавшись въ большой теплый платокъ, Дора тихо лежала на кровати въ маленькой, темной спальнѣ и думала.

Прошелъ годъ со дня смерти Лизы Чумаковой, и на ея могилѣ, должно быть, давно уже проросла вторая трава. Черной полосой былъ этотъ годъ для Доры: острая грусть, болѣзнь, ядовитый стыдъ истомили ее. Лицо у нея похудѣло, глаза стали блестѣть болѣзненнымъ выраженіемъ, голова стала еще больше, а тѣло меньше и слабѣе. Но въ душѣ ея попрежнему жило что-то безпокойное, что жгло ее сознаніемъ своей незначительности, неодолимо толкало на поиски великаго, красиваго и сильнаго, въ одинъ годъ протащило ее черезъ всю Россію, сквозь тысячи опасностей и втолкнуло, наконецъ, въ эту пустую, зловѣщую квартиру, въ которой зародился и выросъ обширный террористическій заговоръ.

Было страшно холодно и невыносимо тяжело думать о томъ, что должно было произойти завтра, но все-таки Дора знала, что пойдетъ и сдѣлаетъ все, и душа ея наполнялась наивнымъ, тайнымъ восторгомъ, что именно ей поручена отвѣтственная и опасная роль. Огромное кошмарное дѣло политическаго заговора какъ-то расплывалось, не укладывалось въ сознаніе,

и Дора видѣла только себя, съ замираніемъ сердца представляя себѣ свое спокойное и гордое лицо среди какого-то кроваваго хаоса.

Она лежала тихо и смирно, и только глаза у нея блестѣли въ темнотѣ, какъ у спрятавшейся мыши.

Въ сосѣдней квартирѣ, за глухой стѣной что-то упало, и почему-то это тяжелое паденіе опять вызвало со дна ея памяти скорбныя воспоминанія, цѣлый годъ мучившія ее, какъ тяжелый бредъ. Стала опять сверлить вѣчная мысль о томъ, что она не съумѣла умереть такъ просто и хорошо, какъ Лиза. Въ сотый разъ она попыталась объяснить себѣ это случайностью и въ сотый разъ повѣрила, но въ самой глубинѣ души, въ темномъ, никому невѣдомомъ уголкѣ, снова заныла болѣзненная, кровоточащая ранка.

Стало и страшно и стыдно, и одиноко, и тяжело, какъ никогда.

Звонокъ задрожалъ въ передней, и звукъ его, острый и предостерегающій, пробѣжалъ по всей квартирѣ, сначало тихо, потомъ громко и отрывисто, а немного спустя опять тихо и долго, точно просясь.

Что-то испуганно вздрогнуло въ груди, но сейчасъ же исчезли воспоминанія и оттого стало легче. Дора торопливо встала и пошла въ переднюю. Въ столовой уродливая, черная тѣнь родилась отъ нея на стѣнѣ, кривляясь, проводила до дверей и скрылась въ темной передней.

На лѣстницѣ было свѣтло, и фигура Андреева, въ пальто и ушастомъ картузѣ, отчетливо вырисовывалась въ яркомъ четыреугольникѣ открытой двери.

— А, зто вы? тихо сказала Дора. — А остальные?

Андреевъ неторопливо заперъ дверь, снялъ шинель и шапку и тогда только отвѣтилъ:

— Они придутъ въ девять часовъ. Незнамову надо будетъ дать поѣсть. Онъ здѣсь останется ночевать.

— У меня все готово... отвѣтила Дора.

Они прошли въ столовую. Дора сѣла на кушетку,

попрежнему кутаясь въ платокъ до самаго подбородка, точно ей все время было холодно.

Андреевъ принесъ изъ передней какой-то свертокъ, отперъ шкафъ и осторожно, какъ стеклянную вещь, положилъ его на полку.

— Вы тутъ поосторожнѣе... предостерегающимъ голосомъ сказалъ онъ.

Наступило молчаніе. Андреевъ медленно прохаживался изъ угла въ уголъ. Дора молча слѣдила за нимъ глазами, и ей казалось, что во всей квартирѣ виситъ что-то тяжелое, что давитъ ей грудь и голову.

— Ну, что... все готово? спросила она только для того, чтобы не молчать.

Андреевъ, должно быть, понялъ это, потому что ничего не отвѣтилъ.

— Кто такой Незнамовъ? опять спросила Дора.

Андреевъ внезапно остановился передъ нею, пересталъ дергать усы и улыбнулся.

— Я не могу сказать этого даже и вамъ... Да это все равно. Хорошій человѣкъ... настоящій... это самое главное... Ну, впрочемъ, скажу, что онъ студентъ.

Андреевъ опять сталъ ходить по комнатѣ и кусать усы.

— Не знаю, чѣмъ все это кончится... заговорилъ онъ раздумчиво. Но если они пропадутъ, то будетъ скверно... Намъ такихъ людей скоро не нажить. Да... Въ другой странѣ они сдѣлали бы великія дѣла, а тутъ, чего добраго, пропадутъ ни за грошъ...

— Ну же... гдѣ же ни за грошъ! протянула Дора.

— А вы думаете, я бы ихъ отдалъ за какую-то старую сановную обезьяну?..

Дора улыбнулась.

— Вы такъ говорите, точно сами не рискуете... сказала она съ невольной легкой лестью.

Андреевъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, я что... моя роль самое большее „шлиссельбургская“... А ихъ прямо на висѣлицу... А жаль. Я ихъ обоихъ хорошо знаю вѣдь. И оба они мнѣ

дороги такъ, что я, пожалуй, спокойнѣе самъ бы пошелъ...

— Почему же вы и не пошли?

— Нельзя же всѣмъ сразу... улыбнулся Андреевъ.— Придетъ и мой чередъ.

— Такъ вы Незнамова знаете?

— Да. Я его давно знаю... Сложная, богатая натура... Кореневъ—это борецъ по природѣ... по темпераменту... Онъ потому только и взялся за дѣло, что въ настоящее время нѣтъ выше и отчаяннѣе борьбы, какъ революціонная... Только въ борьбѣ за свободу, когда всѣ силы человѣческія напрягаются для того, чтобы или разорвать цѣпь или самому погибнуть, возможно такое высокое напряженіе... Кореневъ, въ сущности, жестокій человѣкъ... Да... А Незнамовъ только ожесточенный... Онъ вѣдь удивительно добрый и нѣжный... Всѣ настоящіе анархисты, должно быть, такіе же добрые, чуткіе люди: та огромная масса зла, грубости и несправедливости, которая наполняетъ міръ, и которая для насъ только печальный фактъ, — для него настоящій ужасъ!..

Андреевъ остановился и сталъ задумчиво жевать кончикъ лѣваго уса. Глаза у него стали мягкими и задумчивыми.

— Есть такія натуры, опять заговорилъ онъ, — которыя поднимаютъ на себя все зло міра и переживаютъ его въ глубинѣ своей уединенной души отъ начала до конца... и душа у нихъ окровавленная... да. Имъ становится непереносимо и невозможно только сострадать и возмущаться, потому что общее страданіе уже становится ихъ собственнымъ страданіемъ. Наступаетъ тотъ моментъ, когда у нихъ душевная боль достигаетъ такого невыносимаго напряженія, что... надо уже или самому умереть, или вступить въ активный бой. И тогда эти мягкія, нѣжныя, музыкальныя души становятся неподвижно напряженными, ожесточаются... да. А душа у Незнамова чистая, святая... Жаль, если онъ пропадетъ!..

Андреевъ махнулъ рукой и зашагалъ по комнатѣ.

Опять слышно стало, какъ скучно и монотонно тикаютъ часы. Дора сидѣла, понурившись, и неясная, тайная для нея самой мысль, что у нея душа тоже какая-то особенная, — пріятно и стыдливо пронеслась у нея въ головѣ.

— Да... Такъ-то, Дора Моисеевна! проговорилъ Андреевъ.—Помните же: вы будете стоять на углу такъ, чтобы намъ было видно и съ вокзала и отъ переулка. Когда поѣздъ придетъ и князь выйдетъ изъ вагона, акушерка выйдетъ на крыльцо и махнетъ рукой извозчику. Въ это время вы должны обмахнуться платкомъ, точно вамъ жарко, и этотъ сигналъ передадутъ до кофейни; а когда князь сядетъ въ карету, вы повторите сигналъ. По второму сигналу Незнамовъ и Кореневъ выйдутъ навстрѣчу... Вотъ...

— Помню... Неужели вы думаете, что это можно забыть? возразила Дора.

— Я этого не думаю... спокойно отвѣтилъ Андреевъ. — Но на мнѣ лежитъ обязанность провѣрить... Вы главное, не волнуйтесь.

Дора отрицательно покачала головой.

Стало тихо, и долго было тихо, пока не прозвучалъ въ темной передней новый звонокъ, точно повторяя заученный звукъ.

— Ну, вотъ и они... сказалъ Андреевъ спокойно и пошелъ отворять.

Слышно было, какъ загремѣлъ дверной крюкъ и вошли люди. Дора подняла голову и заблестѣвшими глазами уставилась навстрѣчу.

Кореневъ былъ такъ же высокъ, красивъ и размашисто подвиженъ, какъ и прежде. Незнамовъ былъ такъ же высокъ, какъ и онъ, но тоньше и изящнѣе его. Былъ онъ бѣлокуръ, съ большими глазами и мягкими волосами, и болѣзненно неожиданно напомнилъ Дорѣ покойнаго Пашу Афанасьева. Оба они пожали ей руку.

— Вы бы намъ чаю дали, товарищъ Баршавская... шутливо сказалъ Кореневъ, сразу наполняя всю тихую квартиру своимъ голосомъ, фигурой и силой дви-

женій. Дорѣ показалось, что отъ него пахнетъ свѣжестью и воздухомъ, какъ будто онъ пришелъ съ мороза.

— Хорошо... стараясь попасть ему въ тонъ, притворно спокойно отвѣтила Дора, и ушла въ кухню, гдѣ долго ставила самоваръ, неумѣлыми руками роняя крышку и просыпая уголь.

Изъ столовой ей были слышны голоса и смѣхъ Кореневa, беззаботно и оживленно разсказывавшаго, на какія уловки пришлось имъ пуститься, чтобы сбить съ толку преслѣдовавшаго ихъ сыщика. А когда она вернулась, Кореневъ говорилъ, сидя верхомъ на стулѣ:

— Кто мнѣ нравится, такъ это наша акушерка!.. Вотъ особа!.. Она и во время свѣто-представленія будетъ такъ же спокойна, какъ на родахъ!.. А, знаете, я эти два дня чувствую, что живу... Жаль только, что все скоро кончится!

— Подожди еще! угрюмо возразилъ Андреевъ.

— Нѣтъ, братъ, засмѣялся Кореневъ, весело скаля бѣлые зубы: — намъ съ нимъ одинъ день, а тамъ— фью!..

Бѣлокурый Незнамовъ молча постучалъ тонкими, худыми пальцами о край стола, точно выстукивая ему одному слышный мотивъ.

Отъ веселаго голоса Кореневa и его короткаго, выразительнаго свиста смутный холодъ вдругъ поднялся и подступилъ къ самому затылку Доры. Ноги у нея задрожали, и охваченная внезапной слабостью, Дора присѣла на край кушетки. Какъ сквозь туманъ слышала она, что говорилъ Кореневъ, и его громкій, бодрый голосъ странно глухо доходилъ до нея.

— Скверно то, что людей мало... Берутся всѣ, а какъ до дѣла дойдетъ — и пиши пропало.

Дора опомнилась. Ей постоянно мучительно казалось, что высокій и красивый студентъ въ глубинѣ души презираетъ ее, и въ его присутствіи она всегда подтягивалась.

Она торопливо улыбнулась, бросила робкій и быстрый взглядъ на Незнамова и встала.

— Чай будете пить съ лимономъ? спросила она.

— Я?.. Да... машинально отвѣтилъ Незнамовъ.

За чаемъ, котораго никто не пилъ кромѣ Кореневa, больше молчали, и въ этомъ молчаніи какъ будто слышнѣе было, какъ идетъ время и приближается страшный роковой день.

— Ну, мы уходимъ... сказалъ Кореневъ поднимаясь. — До завтра!

Всѣ стали.

— Вотъ Дора Моисеевна укажетъ вамъ, гдѣ все лежитъ... серьезно и дѣловито сказалъ Андреевъ Незнамову.

— Хорошо. Прощайте! отвѣтилъ тотъ.

Одну минуту всѣ напряженно молчали, какъ будто не знали, что дальше дѣлать.

— Да, тихо сказалъ Андреевъ, — можетъ быть, больше и не увидимся...

Онъ подошелъ къ Незнамову и обнялъ его нѣжно и искренно.

— Прощайте, голубчикъ!.. ласково отвѣтилъ Незнамовъ.

И отъ этого ласково-печальнаго голоса и затуманившихся глазъ Андреева, Дорѣ вдругъ стало невыносимо остро жаль и себя и ихъ всѣхъ. Слезы выступили у нея изъ глазъ и покатились мимо носа, на вздрагивающія губы.

Кореневъ крѣпко пожалъ руку Незнамову и молча улыбнулся. Незнамовъ отвѣтилъ ему такой же тонкой, печальной улыбкой.

Потомъ Кореневъ и Андреевъ ушли, а Дора пошла запереть за ними дверь и долго прислушивалась къ удаляющимся шагамъ. Хлопнула внизу дверь и все стихло.

Когда она вернулась, Незнамовъ стоялъ у окна и, чуть-чуть отодвинувъ стору, смотрѣлъ на улицу. Была еще ночь и улицы были странно пусты, но небо уже сіяло прозрачнымъ утреннимъ свѣтомъ и послѣдняя звѣзда нѣжно голубѣла высоко надъ землей.

— Уже свѣтаетъ... Короткія у васъ ночи... ласково улыбаясь, сказалъ Незнамовъ, услышавъ шаги Доры.

— Да... застѣнчиво отвѣтила Дора и машинально стала прибирать на столѣ.

У нея было странное, смѣшанное чувство: и впервые вошедшаго ей въ голову сознанія безповоротности рѣшенія, и смутной дѣвической неловкости, и наивной, гордой радости, что она остается одна въ послѣдній вечеръ съ человѣкомъ, имя котораго завтра пронесется по всей Россіи и заставитъ задрожать ужасомъ самыя каменныя сердца недоступныхъ и властныхъ людей.

На дворѣ медленно, но неуклонно разгоралась заря новаго дня, и его розовые, еще блѣдные отблески ложились на свѣтлые волосы и лицо Незнамова.

Онъ тяжело вздохнулъ, отошелъ отъ окна и, мягко улыбаясь, сказалъ Дорѣ:

— Быть можетъ, это послѣднее утро, которое я встрѣчаю... Одного мнѣ только и жаль!... Въ сущности говоря, я большой мечтатель: люблю солнце, небо, осень, весну... люблю траву... все свѣтлое, тихое, жизнерадостное... и мнѣ вовсе не хочется никого убивать, не хочется умирать...

— Почему же вы идете на это? робко спросила Дора, и въ ней опять шевелнулось гордое сознаніе, что вопросъ ея — вопросъ историческій.

— Какъ вамъ сказать?.. слабо улыбаясь, отвѣтилъ Незнамовъ.—Вѣрнѣе всего, что именно потому, что черезчуръ люблю жизнь и мнѣ слишкомъ больно смотрѣть, какъ ее уродуютъ!..

Онъ стоялъ передъ Дорой высокій, тонкій и весь какой-то свѣтлый и все улыбался, а горло Доры опять сжалось острой тоской, и чувствуя, что сейчасъ расплачется, она торопливо протянула ему руку и сказала, не глядя:

— Дай Богъ, чтобы все это благополучно окончилось...

— Нѣтъ, что жъ... махнулъ рукой Незнамовъ.—

Все равно... Не въ этотъ разъ, такъ въ другой... все равно... всѣхъ тѣхъ, которые довели народъ до такого ужаснаго состоянія, я считаю своими врагами, и если мнѣ удастся спастись теперь, я пойду и убью другого... Все равно...

Дора подняла голову и посмотрѣла ему въ глаза: они были свѣтлы и печальны. Что-то большое, свѣтлое и невыразимо дорогое вошло отъ этихъ глазъ въ душу Доры, и она показалась себѣ самой неизмѣримо маленькой и ничтожной. Но на этотъ разъ это сознаніе почему-то было не мучительно, а даже трогательно. Слезы опять выступили у нея на глазахъ.

Сторы побѣлѣли и за ними послышались первые слабые и одинокіе звуки жизни.

— Нѣтъ ли у васъ бумаги и чернилъ? спросилъ Незнамовъ.—Я хочу написать матери... потомъ врядъ ли удастся.

Дора не могла говорить и только кивнула головой. Она принесла ему бумагу, постояла, хотѣла что-то сказать, но ничего не могла ушла въ спальню.

Долго потомъ она лежала, неподвижно закутавшись въ свой большой, мягкій платокъ, прислушиваясь къ шороху бумаги и его движеніямъ, и ея маленькое, одинокое сердце разрывалось отъ жалости, отъ грусти и свѣтлаго влюбленнаго чувства къ этому человѣку. Хотѣлось встать, пойти къ нему, приласкать, заплакать надъ нимъ, и своимъ тѣломъ, своими объятіями оградить и защитить его отъ грядущаго ужаса. Но она лежала неподвижно и только тихо плакала, боясь, чтобы онъ не услышалъ.

XIV.

Надъ городомъ висѣло пыльное и дымное небо, въ которое было больно смотрѣть.

По проспекту и по смежной улицѣ быстро катились экипажи и были такъ похожи другъ на друга, что казалось, будто они нарочно ѣздятъ взадъ и впередъ по одному мѣсту. По обоимъ тротуарамъ шли люди, торопливо развертываясь въ безконечный, пест-

рый свитокъ. Отъ домовъ лежали короткія, синеватыя тѣни, и было такъ жарко, что трудно дышалось.

Дорѣ было тяжело и нудно стоять. Отъ безсонной ночи, недавней болѣзни и тяжелой тревоги слабость проходила по всему тѣлу и тихо кружила голову, съ горячими, потными висками. Она стояла на углу улицы, въ короткой и душной тѣни, и поверхъ головъ проходящихъ людей напряженно смотрѣла въ сторону вокзала.

На его широкомъ подъѣздѣ, раскаленномъ солнцемъ, стояли носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ и поднимались и спускались люди. Быстро подъѣзжали извозчики и медленно отъѣзжали. Надъ фронтономъ высоко круглились часы и какъ будто наблюдали строго и точно за всѣмъ, что происходило на площади.

Дорѣ казалось, что она всегда стоитъ тутъ и всегда смотритъ на эти часы, на сверкающіе на солнцѣ бѣлые фартуки носильщиковъ, на широкія каменныя ступени. Старое, давно знакомое зданіе вокзала какъ будто отдѣлилось отъ всего міра и стояло тяжелое и зловѣщее. И если бы Дора даже захотѣла, она не могла бы уже оторвать отъ него своихъ воспаленныхъ и напряженныхъ до боли глазъ. Оно давило ее.

Тупая тревога все росла и росла въ груди. Было жарко, но подъ сердцемъ стоялъ холодъ и колѣни дрожали мелкой, мучительной дрожью. Это было незамѣтно, но Дорѣ казалось, что эта дрожь должна кидаться всѣмъ въ глаза, какъ уродливая судорога. Вокругъ нея дробились, путались и звенѣли тысячи разнообразныхъ, яркихъ звуковъ, то поднимаясь, то падая, какъ волны; но они незамѣтно, блѣдно входили въ сознаніе Доры, а каждый тихій, непонятный звукъ предостерегающе ярко врѣзался въ мозгъ, вызывая острые толчки въ сердцѣ и липкій, холодный потъ на раскаленныхъ вискахъ. Люди шли и шли и тысячи незамѣтныхъ пестрыхъ лицъ мелькали въ глазахъ.

Иногда это было такъ мучительно, что ей хотѣ-

лось опрометью убѣжать отсюда на край свѣта, броситься на кровать лицомъ къ стѣнѣ въ тихой, какъ норка, комнатѣ и долгіе часы, всю жизнь видѣть передъ собою только простенькіе, пестренькіе обои.

„Если это такъ мучительно, такъ кто же меня заставляетъ?..“ мелькало у нея въ мозгу удивленно и просто, такъ просто, что временами хотѣлось пожать плечами, повернуться и тихо, съ улыбкой уйти. Но Дора дѣлала надъ собой мучительное усиліе, крѣпко сжимала въ себѣ что-то дрожащее и больное, и въ неестественно обостренномъ сознаніи у нея билась мысль:

„Неужели же я такъ боюсь?..“

И эта мысль о маленькой, жалкой трусости вызывала въ ней блѣдный, далекій образъ Незнамова и становилась такъ невыносимо ужасна, что на мгновеніе ей даже становилось легче: робость исчезала, ноги стояли тверже и въ глазахъ смягчалось болѣзненно-жгучее напряженіе.

Мимо нея, легко и ровно ступая, прошелъ высокій человѣкъ съ тонкимъ лицомъ и подстриженными въ скобку черными, курчавыми волосами, въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ. Дора мелькомъ взглянула на него и, какъ сотни людей, проходившихъ мимо, онъ уже почти ушелъ изъ ея глазъ, но вдругъ что-то знакомое кольнуло ее, и Дора узнала Кореневa. У него было спокойное и даже будто веселое лицо, но оно было какъ-то странно неподвижно, какъ каменное.

Кореневъ прошелъ быстро, не останавливаясь, но на ходу, подъ грохотъ экипажей и шумъ шаговъ, глядя не на Дору, а прямо передъ собой, — проговорилъ:

— Смотрите... теперь скоро...

Послѣднее слово Дора не услыхала, а почувствовала. Онъ прошелъ и скрылся въ толпѣ, а въ ушахъ Доры остались эти быстрыя, мгновенныя слова.

По пятамъ за нимъ прошелъ какой-то толстый господинъ въ цилиндрѣ, съ бритымъ чиновничьимъ

лицомъ. Дора быстро взглянула и ему въ глаза; но это было совершенно чужое, плоское и геммороидальное лицо.

Время шло... А дорѣ казалось, что оно остановилось. Она еле держалась на ногахъ; каждый нервъ казался обнаженнымъ и дергалъ все тѣло мучительной судорогой, и иногда ей хотѣлось сѣсть подъ стѣной, прислониться къ ней усталой головой и закрыть глаза.

„Господи, хоть бы уже скорѣй... хоть бы скорѣй...“ смутно мелькало у нея въ головѣ и по временамъ наступало тупое равнодушіе, отъ котораго она мгновенно пробуждалась съ ужасомъ и болью и опять смотрѣла на тяжелый, зловѣщій вокзалъ.

На улицѣ продолжалась своя пестрая и обыкновенная жизнь. Попрежнему шли и ѣхали изъ стороны въ сторону люди и лошади, и казалось, что все это одни и тѣ же. Небо дымилось и сверкало на солнцѣ.

— Чего сталъ? съ озлобленіемъ крикнулъ молодой рыжій дворникъ, недалеко отъ Доры отворачивавшій водопроводный кранъ. — Проѣзжай, ты... лѣшій чортъ!

Извозчикъ испуганно вздрогнулъ и, неловко задергавъ возжами, проѣхалъ дальше. Но Дора уже узнала Ларіонова, и его близорукіе глаза и безцвѣтная бородка, такіе странные надъ чужимъ синимъ армякомъ, мелькнули для Доры чѣмъ-то невыразимо близкимъ и милымъ.

„Что онъ дѣлаетъ!.. Ему не тамъ стоять!“ со страшнымъ испугомъ подумала она, и ей припомнилось, какъ Кореневъ съ озлобленіемъ говорилъ:

— Всѣ берутся, а какъ до дѣла дойдетъ, и перепутаютъ все со страху.

Тогда Дора почувствовала обиду и ненависть къ Кореневу, но въ эту минуту въ ней вдругъ выросла прямая и ужасная увѣренность, что она испугается, забудетъ что-нибудь и все перепутаетъ, губя себя и всѣхъ. И эта увѣренность уже не покидала ее, наполняя душу растерянностью и ужасомъ.

По всему тѣлу Доры выступилъ холодный потъ. Со страшными усиліями, путаясь отъ этихъ усилій и обмирая отъ страха, она стала припоминать всѣ подробности, и все казалось ей, что-то, самое главное, она забыла.

„Когда на подъѣздъ выйдетъ эта... акушерка Трудъ... Какое странное имя!.. Не въ томъ дѣло... Да, когда она выйдетъ и позоветъ извозчика... тогда надо... тогда надо... тогда надо... ну, да... да...“ безобразно скомканно и разорвано вертѣлось въ больномъ мозгу Доры и, теряя нить, она вдругъ поймала на себѣ чей-то странно-пристальный взглядъ.

Прошелъ мимо мѣщанинъ въ чуйкѣ и еще издали пристально и какъ будто украдкой посмотрѣлъ Дорѣ въ лицо, а когда она поймала его взглядъ, быстро отвернулся и перешелъ на другую сторону, мелькая между движущимися экипажами и лошадьми.

„Сыщикъ... открыли!“ со зловѣщей и холодной ясностью прошло въ мозгу Доры.

Все было попрежнему, но за этой шумной и пестрой, стремящейся толпой вдругъ ясно почудилось что-то тайное, молчаливо и страшно подползающее, невидимое и неизбѣжное. Какъ будто чьи-то невидимыя, нечеловѣческія руки, тихо и лукаво раздвигая толпу, стали медленно и неуклонно приближаться къ ней.

И сознавая, что находится во власти кошмара, Дора сцѣпила зубы и сдѣлала невѣроятное усиліе удержать прыгающую челюсть.

„Глупости... чего ради... давно бы уже схватили!“ скачками прыгала жалкая, оборванная мысль. Дора стала судорожно двигаться изъ стороны въ сторону и оглядываться, какъ пойманный звѣрекъ.

И какъ разъ въ эту минуту на широкія каменныя ступени вокзала тихо и спокойно въ строгомъ черномъ платьѣ вышла акушерка Трудъ и махнула рукой ближайшему извозчику.

Что-то ударило въ голову Доры, въ глазахъ у нея все перекосилось и помутнѣло.

„Вотъ...“ слабо подумала она.

И неестественно порывисто, сознавая, что дѣлаетъ не такъ, какъ нужно, Дора выхватила изъ кармана платокъ. Бѣлый клочокъ мелькнулъ на солнцѣ растерянно и ярко. Мелькомъ она успѣла еще увидѣть, что къ вокзальному подъѣзду медленно и важно подкатываетъ большая черная карета.

Тотъ самый, такой обыкновенный, бритый толстякъ въ цилиндрѣ откуда-то сбоку быстро подвинулся къ Дорѣ и неестественнымъ, страшнымъ голосомъ спросилъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

Дора круто повернулась къ нему, ея мертвенно-блѣдное лицо освѣтилось огромными, выпученными отъ ужаса глазами, и ничего не понимая, но въ то же время сознавая, что дѣлаетъ что-то нелѣпое, гибельное, Дора выхватила изъ кармана револьверъ и, почти ткнувъ его во что-то мягкое, выстрѣлила. Короткій, негромкій звукъ родился въ грохотѣ экипажей. Бритый толстякъ встряхнулся всѣмъ своимъ жирнымъ и толстымъ тѣломъ, цилиндръ сразу съѣхалъ ему на глаза, падающимъ шагомъ онъ попятился назадъ, на середину улицы и грузно осѣлъ прямо подъ ноги извозчичьей лошади, съ трескомъ и звономъ дернувшейся въ сторону.

Все смѣшалось на этомъ мѣстѣ, и Дора увидѣла только черный цилиндръ, выкатившійся изъ-подъ ногъ вихремъ взметнувшейся толпы. Нестройный многоголосый крикъ повисъ въ воздухѣ.

„Пропала!“ мелькнула короткая, безцѣльная мысль, и Дора, расталкивая толпу, стремительно бросилась за уголъ, споткнулась на резиновый рукавъ трубы, лежавшей поперекъ тротуара, и чувствуя, какъ ее хватаютъ и бьютъ по головѣ страшной, тупой тяжестью, закрыла глаза и упала на руки, больно шлепнувъ ими о твердыя, жесткія плиты.

— Кончено! какъ будто сказалъ надъ нею какой-то глухой, тяжелый голосъ, наполнившій ужасомъ весь міръ, и она потеряла сознаніе.

Когда что-то опять прояснилось въ ея глазахъ, ее сажали на извозчика и двое городовыхъ съ желтыми шнурами и озлобленными, искаженными лицами толкали и дергали ее, съ обоихъ сторонъ втискиваясь за Дорой въ пролетку. Голова у нея шла кругомъ, неудержимо увлекая все вокругъ въ хаотическомъ круженіи, что-то невыносимо рѣзало високъ и по губамъ текла густая и теплая кровь.

На серединѣ улицы ей врѣзалось въ глаза дикое, совершенно безумное лицо Ларіонова. Лошадь его держали подъ уздцы какъ будто цѣлые десятки вытянутыхъ, напряженныхъ рукъ. Цѣпкіе, искривленные пальцы впивались въ его армякъ, но Ларіоновъ, съ выпученными нечеловѣческими глазами, очевидно, уже ничего не понимая, неистово рвалъ вожжи и со свистомъ хлесталъ лошадь. А она подымалась на дыбы и билась на мѣстѣ, высоко задравъ голову съ ощеренными мертвенно-бѣлыми зубами.

— Держи! Стой!.. нестройно, со страшной злобой кричали со всѣхъ сторонъ, казалось, и люди, и стѣны домовъ, и грохотъ экипажей, и яркій свѣтъ.

Дорѣ показалось, что это — страшный сонъ.

Когда извозчикъ тронулся и Дору, опять потерявшую сознаніе, провезли мимо вокзала, на широкихъ ступеняхъ его стояли какіе-то важные и толстые люди, въ формѣ и строгихъ пальто, а за ними, у колонны, спокойно прислонилась высокая, черная акушерка Трудъ съ презрительнымъ и злымъ лицомъ.

1905 г.

Кровавое пятно.

I.

Всѣ эти дни Анисимовъ почти не спалъ, но чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и бодрымъ, какъ никогда. Онъ даже какъ будто помолодѣлъ, и его худая, нескладная фигура, съ унылымъ и длиннымъ носомъ, двигалась по станціи быстро и весело.

Все было такъ стремительно, такъ неожиданно и хорошо, что все время у него было такое ощущеніе, будто онъ кружится въ свѣжей и чистой волнѣ, откуда-то нахлынувшей и безъ слѣда, навсегда смывшей всю старую, тусклую и скучную жизнь.

На станціи, всегда тихой и пустынной, теперь было людно и шумно. Отъ черныхъ толпъ, непрестанно движущихся по платформѣ и путямъ, казалось, что вся она движется, какъ муравейникъ, и многоголосый, возбужденный говоръ такъ и висѣлъ надъ ней въ чистомъ, холодномъ воздухѣ бѣлаго дня. Съ востока одинъ за другимъ проходили пестрые, наскоро составленные изъ разнокалиберныхъ вагоновъ, поѣзда и, почти не останавливаясь, стремительно уносились вдаль, быстро уменьшаясь и тая въ бѣломъ маревѣ снѣжныхъ полей. Каждый поѣздъ толпа на станціи встрѣчала и провожала долгимъ „ура“ и маханіемъ шапокъ, при чемъ отъ множества рукъ мелькало въ глазахъ, а отъ крика овладѣвало мальчишески-задорное чувство. Каждый старался кричать какъ могъ громче и улыбаясь оглядывался на сосѣдей наивно и весело. И когда поѣздъ уже скрывался въ перелѣскѣ, еще долго слышались одинокіе замирающіе крики:

— А-а!..

На паровозахъ лопотали по вѣтру красные флаги и изо всѣхъ вагоновъ глядѣли какіе-то совершенно неизвѣстные, но странно близкіе, какъ общіе друзья, по большей части молодые люди. Они махали руками и фуражками и исчезали всѣ въ одномъ направленіи. И то, что ихъ было такъ много, что такъ часты были эти поѣзда, что ружья и револьверы такъ странно не гармонировали съ черными пальто и шапками,—все поселяло въ душѣ молодое и радостное чувство своей правоты и силы.

Анисимовъ принималъ и отправлялъ каждый поѣздъ самъ, и стоя далеко отъ станціи у стрѣлки, привѣтливо высовывалъ навстрѣчу изъ-подъ красной шапки свой длинный, покраснѣвшій отъ холода носъ. Онъ вглядывался въ проносившіяся мимо него незнакомыя лица, и грудь у него тѣснило какое-то большое, новое и счастливое чувство.

Онъ еще самъ не зналъ, что будетъ дальше, но что-то свѣтлое, свободное и счастливое смутно рисовалось ему впереди и казалось очевиднымъ и непреложнымъ то, что прежняя жизнь, съ ея мертвымъ тяжелымъ трудомъ, душевнымъ одиночествомъ, униженіями, пьянствомъ отъ скуки, вѣчными заботами и нуждой, кончена.

Когда не было поѣздовъ, онъ слонялся въ толпѣ по станціи и, всовывая свой длинный носъ то въ ту, то въ другую кучку возбужденно спорящихъ людей, улыбался и вставлялъ свои замѣчанія. Его всѣ уже знали, называли „нашъ начальникъ станціи“ и „товарищъ“ и просто и охотно вступали съ нимъ въ разговоры, точно все это были давно знакомые и близкіе ему люди.

Иногда Анисимовъ заходилъ въ свою комнату на вокзалѣ, чтобы немного побыть одному и собраться съ мыслями. Онъ долго стоялъ посреди комнаты, не снимая пальто и шапки, мечтательно улыбался и думалъ все одну и ту же фразу, каждый разъ полагая, что открываетъ что-то новое:

— Эхъ! Вотъ какою должна быть настоящая жизнь!

И забывая свое намѣреніе отдохнуть и подумать, опять шелъ на воздухъ, гдѣ такъ ярко бѣлѣло небо, чисто и звонко хрустѣлъ снѣгъ и все такъ же двигались, шумѣли, кричали и смѣялись оживленные, бодрые люди.

Съ каждаго проходившаго поѣзда къ Анисимову соскакивало по два-три человѣка и передавали ему извѣстія или задавали ему вопросы чрезвычайной общей важности. Анисимовъ былъ радъ, когда могъ отвѣтить что-нибудь хорошее. Онъ крѣпко пожималъ имъ руки и, глядя въ глаза открыто и весело, говорилъ:

— Ну, трогайте, товарищи!.. Съ Богомъ!..

Длинный носъ краснѣлъ у него еще больше и маленькіе глазки становились влажными. Онъ торопливо кивалъ имъ и бѣжалъ къ паровозу. Гудѣлъ свистокъ и масса близкихъ, странно дорогихъ людей уносилась вдаль, гдѣ дѣлалось что-то огромное, страшное и радостное вмѣстѣ.

И толпа опять провожала ихъ долгимъ громовымъ крикомъ, отъ котораго мощно гудѣла, казалось, сама земля.

Въ одномъ изъ поѣздовъ, уже подъ вечеръ, Анисимовъ увидалъ знакомое лицо. Толстый машинистъ, съ обрюзглой и измятой физіономіей, соскочилъ къ нему съ площадки паровоза. Они крѣпко пожали другъ другу руки, и Анисимовъ, торопясь и улыбаясь странному виду машиниста, съ ружьемъ и карманами оттянутыми тяжелыми патронами, сказалъ:

— Вотъ какія дѣла, Карлъ Вульфовичъ!.. Какъ славно, голубчикъ!.. Какой общій порывъ!..

— О-о!.. возразилъ блѣдный, но улыбающійся машинистъ.—Что-то будемъ смотрѣть!..

Онъ не чисто говорилъ по-русски, и эта маленькая подробность, всегда забавлявшая Анисимова, теперь почему-то тронула его.

— Сейчасъ получено извѣстіе, что солдатъ не вы-

пускаютъ изъ казармъ, такъ какъ боятся, что они перейдутъ на нашу сторону,—сообщилъ онъ и лицо его безсознательно расширилось въ счастливую улыбку.

— О-о!.. восторженно сказалъ машинистъ.—Это надо было ожидайтъ... и торопливо пожавъ руку Анисимову, побѣжалъ садиться.

Анисимовъ бѣжалъ съ нимъ рядомъ, цѣпляясь плечомъ за встрѣчныхъ, и говорилъ:

— Поѣхалъ бы и я съ вами, да безъ меня тутъ все перепутается.

— Я думалъ, вы семья бросайтъ не хочитъ... на бѣгу замѣтилъ машинистъ.

— Какая теперь семья! возбужденно и радостно крикнулъ Анисимовъ.— Да я и жену и дѣтей въ деревню къ тестю послалъ... Семья потомъ,—теперь не до семьи... Ну, всего хорошаго... Дай Богъ здоровымъ быть!..

Онъ отсталъ отъ машиниста и долго смотрѣлъ вслѣдъ поѣзду, задумчиво улыбаясь.

„Какъ странно все это“... мелькало у него въ головѣ.—„Еще три дня тому назадъ я не повѣрилъ бы... Думалъ, такъ и уйдетъ жизнь... день за днемъ, день за днемъ, только нужда проклятая, да тоска“...

Призракъ сѣрой, длинной и скучной жизни блѣдно мелькнулъ передъ нимъ и исчезъ. Онъ оглянулся кругомъ, тряхнулъ головой и пошелъ, пробираясь между толпой и прислушиваясь къ голосамъ. Въ залѣ третьяго класса, гдѣ было накурено до синяго тумана и было жарко, какъ въ банѣ,—отъ множества голосовъ стоялъ непрерывный гулъ. У стойки стоялъ стрѣлочникъ Акимъ и, распуская вокругъ сизые клубы махорки, говорилъ:

— А ты какъ думаешь!.. Народъ, братъ, енъ... енъ ежели подымется, да ежели, скажемъ, тряхнетъ, да ежели... такъ ого-го, братъ...

Было весело и хорошо въ теплой и свѣтлой атмосферѣ общаго оживленія; клубами ходилъ сизый дымъ; передъ окнами двигались тѣсные темные си-

луэты; гудѣли голоса, и входная дверь поминутно визжала на блокѣ, пропуская то туда, то сюда цѣлыя кучки народу.

II.

Въ этотъ самый день, когда уже стало смеркаться и дальній перелѣсокъ началъ сѣрѣть на посинѣвшемъ снѣгу, полнымъ ходомъ, безъ фонарей, какъ зловѣщая черная птица, вылетѣвшая изъ темнаго лѣса, съ гуломъ и свистомъ промчался одинокій, черный паровозъ изъ Москвы. Со страшнымъ шипѣніемъ тормаза и скрежетомъ мерзлыхъ рельсъ, онъ на секунду остановился у станціи, и кто-то, свѣсившись съ площадки тендера, закричалъ отчаяннымъ крикомъ:

— То варищи!.. Все пропало!.. Бологое взято войсками... Баррикадируйте путь... Идетъ поѣздъ съ солдатами!

Паровозъ двинулся, качаясь, какъ бы въ раздумьи перешелъ стрѣлку и, оставляя позади клочья бѣлаго пара и дыма, понесся дальше. А въ наступившей внезапной тишинѣ еще звенѣлъ удаляющійся, одинокій, напряженный крикъ:

— То-варищи, сначала —наши... Нашъ поѣздъ сначала, смотрите-е!..

На станціяхъ поднялась зловѣщая, тревожная суета. Толпы людей со всѣхъ сторонъ бѣжали на крикъ. Въ страшномъ хаосѣ закрутились вокругъ Анисимова поблѣднѣвшія, растерянныя лица. Въ странной напряженной тишинѣ негромко послышались разрозненные, болѣзненные голоса и казалось, надъ станціей пронеслось что-то страшное. Анисимовъ, разставивъ ноги, неподвижно стоялъ тамъ, гдѣ остановилъ его зловѣщій крикъ съ промчавшагося паровоза, и съ непонятнымъ чувствомъ оглядывался вокругъ. То, что онъ услышалъ и что не совсѣмъ ясно понялъ, было такъ неожиданно и ужасно, что на мгновеніе у него безпомощно остановилась мысль.

— Что такое?.. Что такое?.. машинально спрашивалъ онъ ближайшихъ людей.

Но ему никто не отвѣчалъ, и темный ужасъ глядѣлъ изо всѣхъ глазъ, блестящихъ круглыми, расширенными зрачками. Чудилось, что еще минута, еще одинъ тревожный крикъ, — и вдругъ все бросится прочь, съ дикимъ воемъ, плачемъ и безумiемъ. Это было страшное и необъяснимое мгновенiе, во время котораго Анисимовъ чувствовалъ, какъ странная слабость и холодъ ползутъ у него по тѣлу.

Но въ слѣдующую минуту какой-то молоденькiй и очень маленькiй студентъ чьими-то руками былъ поднятъ на воздухъ и, размахивая шапкой, закричалъ изо всѣхъ силъ высокимъ, пронзительнымъ голосомъ:

— Това-рищи!.. Этого не можетъ быть!.. Это провокацiя, товарищи!..

И что-то исчезло. Страшное мгновенiе прошло. Именно въ эту минуту всѣмъ почему-то стало ясно, что это—правда, ужасная, непоправимая, быть можетъ, правда; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то разомъ пропалъ безобразный, паническiй ужасъ и смѣнился озлобленiемъ и рѣшимостью.

Нервныя и мрачныя толпы глухо загудѣли въ наступающихъ блѣдныхъ сумеркахъ, и странно, точно въ конвульсiяхъ, задвигались по станцiи, будто отыскивая какого-то спрятавшагося врага. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу послышались то глухiе, то пронзительные выкрики людей, говорящихъ съ цѣлою толпой, и вмѣсто страха и растерянности въ общемъ напряженномъ движенiи стало расти что-то грозное и сосредоточенное.

Анисимовъ опомнился. Онъ снялъ шапку, вытеръ на лбу мгновенно выступившiй потъ, и самъ не зная что, сказалъ близъ стоявшему телеграфисту:

— Ну, что жъ... это еще ничего не доказываетъ... Мало ли какъ могли прорваться... Будемъ дѣлать свое дѣло, а тамъ посмотримъ.

Высокiй бѣлобрысый телеграфистъ что-то отвѣтилъ, но Анисимовъ не разслышалъ. Въ это время опять поднялась суматоха. Толпы людей начали строить

баррикады. Сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ появились ихъ черные, безобразные силуэты. Изъ вокзала тащили мебель; два человѣка толкаясь и торопясь пронесли мимо Анисимова длинную обмерзлую шпалу; откуда-то послышался звонъ разбиваемаго стекла.

И почему-то Анисимовъ понялъ, что никто не знаетъ хорошенько, что нужно дѣлать, и что именно ему надо направить всю эту оживленную, смутную силу. Онъ зналъ на этой станціи каждую шпалу, его потомъ она была скрѣплена и имъ дѣлала свое дѣло, плавно и стройно входя въ безконечный рядъ такихъ же маленькихъ, одинокихъ станцій. И зато никто такъ, какъ онъ, не зналъ, какимъ образомъ въ одну минуту превратить эту стройную машину въ безобразную груду обломковъ. И чувствуя тупую злобу къ кому-то далекому, Анисимовъ побѣжалъ по платформѣ, замахалъ красной фуражкой и перебивая студента, который звалъ изъ окна вагона:

— Товарищи, сюда!.. Изъ вагоновъ лучше всего!

Самъ закричалъ:

— Не такъ, товарищи... Вагоны надо поперекъ рельсъ!.. Баррикадируйте всѣ пути, кромѣ главнаго!.. Акимъ, Акимъ... давай кранъ!..

Онъ спрыгнулъ съ платформы и, прыгая черезъ рельсы, побѣжалъ къ длинному зеленому вагону, стоявшему въ тупикѣ. И за нимъ уже послушно и охотно со всѣхъ сторонъ бѣжали разные люди.

Черныя толпы закопошились вокругъ вагоновъ. Огромные, красные, синіе и зеленые вагоны медленно, какъ будто сами собой, шевелились надъ кучками людей, похожихъ на муравьевъ, медленно поворачивались и вдругъ съ гуломъ, звономъ цѣпей и дребезжаніемъ стеколъ валились внизъ. Глухо охала земля и каждый разъ нестройные голоса слабо кричали: „ур-ра!..“

Весь потный, съ всклокоченными вихрами и каплями пота на длинномъ носу, блестя глазами, и не переставая уже охрипшимъ голосомъ кричать что-то ободряющее и призывное, Анисимовъ бѣгалъ, пере-

прыгивая черезъ рельсы, изъ стороны въ сторону, и его красная шапка быстро мелькала во всѣхъ концахъ станціи. Въ это время онъ не думалъ о приближающейся опасности, о томъ, что будетъ дальше, послѣ того, какъ онъ построитъ эти баррикады. Это будущее ему вовсе не представлялось. Сейчасъ вокругъ было такъ ярко, живо, сильно, а впереди былъ только какой-то смутный, далекій туманъ.

Возясь съ установкой крана, чтобы перевернуть тяжелый пульмановскій вагонъ, Анисимовъ пропустилъ моментъ прихода поѣзда. А когда услышалъ крики „ура“ и оглянулся, увидѣлъ уже остановившійся, тяжело дышащій, высокій черный паровозъ и длинный рядъ вагоновъ, изъ которыхъ въ обѣ стороны сыпались черные, вооруженные люди. Всю станцію запрудила огромная движущаяся толпа.

И въ этой толпѣ Анисимовъ первый разъ увидѣлъ кровавыя пятна на бѣлыхъ повязкахъ. Съ страннымъ жуткимъ любопытствомъ онъ посмотрѣлъ на эту кровь, и что-то тревожное впервые шевельнулось въ немъ. Почему-то вспомнились жена и дѣти, стало холодно и почувствовалась усталость.

— Господинъ начальникъ, товарищъ! кричалъ высокій человѣкъ, проталкиваясь къ нему сквозь толпу.—Надо загородить и этотъ путь... Такъ, чтобы, понимаете, была сплошная баррикада... А то придется носить раненыхъ въ вокзалъ по открытому мѣсту... А?..

„Развѣ будутъ раненые?..“ смутно мелькнуло въ мозгу Анисимова, и на секунду у него въ головѣ все смѣшалось.

— Ахъ... Да, да!.. встряхнувшись, отвѣтилъ онъ. — Конечно необходимо. Я сейчасъ...

Онъ кивнулъ головой и побѣжалъ къ паровозу.

„Будь, что будетъ... чему быть, тому не миновать... Ну, убьютъ... значитъ, такъ надо... безъ жертвъ нельзя... А можетъ, и не убьютъ, а только ранятъ... И всю жизнь буду знать, что я свое дѣло сдѣлалъ!..“ уже овладѣвъ мыслью, думалъ онъ, и

все тѣло его подбиралось какою-то сжатой рѣшимостью.

Съ паровозной площадки на него глядѣлъ знакомый машинистъ.

— Не доѣхали до Москва... обрываясь, испуганно сказалъ онъ. — Что тамъ дѣлается... Въ нашъ поѣздъ стрѣлялъ солдатъ!..

— Ну, ну, ничего, голубчикъ! ободряющимъ тономъ возразилъ Анисимовъ. „Вотъ вѣдь ему тоже страшно!“ подумалъ онъ, чувствуя, что отъ этого становится легче ему самому. — Слушайте, гоните вы свой паровозъ на вагоны: загородимъ путь...

И когда огромный черный паровозъ, похожій на могучее живое существо, оторвавшись отъ поѣзда, разбѣжался, съ грохотомъ и свистомъ пара налетѣлъ на кучу дробящихся съ невообразимымъ, упорнымъ трескомъ и звономъ вагоновъ, поднялся на дыбы, закачался и тяжко рухнулъ на бокъ, окутавшись бѣлыми облаками пара, и когда потомъ на двухъ путяхъ, всегда такихъ ровныхъ и аккуратныхъ, образовалась высокая дымящаяся масса обломковъ,— въ душѣ Анисимова появилось горделивое чувство.

— Посмотримъ, посмотримъ... сказалъ онъ вслухъ, ни къ кому не обращаясь. — Далеко не уѣдутъ!

— Вы оружій имѣетъ? спросилъ машинистъ.

— Нѣтъ... Да я и стрѣлять толкомъ не умѣю... съ улыбкой отвѣтилъ Анисимовъ. — Вы себѣ сражайтесь, а я и такъ дѣло найду...

— Да... мы будемъ сражайтесь! сердито отвѣтилъ машинистъ.

— Идетъ, идетъ! издали закричали нестройные, тревожные голоса, и люди, одиноко торчавшіе на крышѣ вокзала и на водокачкѣ, быстро стали спускаться внизъ.

— Милости просимъ... тихо и злобно проговорилъ возлѣ Анисимова незнакомый телеграфистъ и, волоча ружье за дуло, побѣжалъ къ баррикадѣ.

Толпа хлынула впередъ, потомъ назадъ и быстро расплылась вдоль баррикадъ. Все стихло такъ быстро,

что стало даже странно. Вокругъ опустѣло, и только отдѣльные люди торопливо выбѣгали изъ зданія вокзала.

Въ прозрачныхъ сумеркахъ, изъ-за перелѣска, тихо и осторожно выдвинулся мрачный, безъ огней поѣздъ. Онъ былъ еще далеко, казался маленькимъ, но видъ его былъ необыкновененъ и жутокъ, точно это подползалъ какой-то длинный, осторожный и хитрый гадъ.

— Они... сказалъ машинистъ и присѣлъ за кучей угля и дровъ.

Странное, жуткое любопытство овладѣло Анисимовымъ. Неувѣренно улыбаясь, самъ не зная чему, онъ съ трудомъ влѣзъ на скользкій бокъ покосившагося вагона и, держась за его холодные металическіе края высунулся наружу.

Черный поѣздъ медленно подползалъ и чѣмъ ближе, тѣмъ тише. Временами казалось, а можетъ быть такъ и было, что онъ останавливался, какъ бы нащупывая дорогу, а потомъ опять ползъ впередъ. На станціи было мертвенно тихо, точно тамъ никого не было; но когда Анисимовъ оглядывался назадъ, повсюду, за каждымъ выступомъ баррикадъ, за деревьями, за оградой палисадника, въ окнахъ вокзала и подъ вагонами, онъ видѣлъ молчаливыя, приникшія, черныя фигуры.

Поѣздъ совсѣмъ остановился и странно чернѣлъ въ пустомъ полѣ. Тамъ было такъ же тихо и казалось, что поѣздъ и станція, какъ два звѣря напряженно оглядываютъ и подстерегаютъ другъ друга. Сумерки быстро сгущались.

Минуты шли, и въ нихъ была тяжелая неизвѣстность вѣчности. Уже въ мозгу Анисимова какъ-то странно, кошмарно, зашевелилась нелѣпая мысль, что поѣздъ пустъ и брошенъ посреди поля; но въ то же время по обѣ стороны его закопошились еле видные въ сумракѣ люди. Ихъ было много; они что-то дѣлали, растягивались на снѣгу и что-то тащили; но все попрежнему было тихо.

Затѣмъ развернулись длинныя темныя полосы, волнообразно задвигались и медленно стали приближаться. Что-то дрогнуло въ груди Анисимова, и въ душѣ его возникло какое-то сложное чувство: онъ никогда въ жизни не видалъ, чтобы люди большими массами, совершенно правильно и обдуманно вступали въ драку, исходомъ которой должна была быть смерть и страданія многихъ изъ нихъ. Война представлялась ему только очень смутно и вызывала неопредѣленное недовѣріе, какъ будто на самомъ дѣлѣ ничего изъ ея ужасовъ не бывало, а все кѣмъ-то преувеличивалось и выдумывалось. Но войну все-таки легче было представить себѣ: во-первыхъ, всегда казалось, что она происходитъ гдѣ-то въ совершенно особомъ мѣстѣ, какъ будто предназначенномъ для нея и совсѣмъ не похожемъ на ту обстановку, въ которой живутъ изодня въ день люди, а во-вторыхъ, и сами эти люди, дерущіеся на войнѣ, представлялись какими-то особенными, неспособными такъ остро чувствовать страхъ и страданіе, какъ окружающіе рабочіе, чиновники, студенты, женщины и дѣти. Анисимовъ конечно зналъ, что это совсѣмъ не такъ, но все же только теперь,— на этой простенькой, до смерти надоѣвшей станціи, съ ея заборами, садиками, чернымъ пятномъ на мѣстѣ остановки паровозовъ, стрѣлочниками, звонками и тысячами знакомыхъ будничныхъ мелочей, въ присутствіи массы людей совершенно такихъ же простыхъ и обыкновенныхъ, какъ самъ Анисимовъ, — мысль о сраженіи, о выстрѣлахъ, крови, раненыхъ и убитыхъ показалась ему такъ противно, и очевидно и страшно нелѣпой.

„Что за чортъ!.. неужели же такъ и будетъ?..“ вертѣлось въ головѣ его растерянное недоумѣніе.

Но темныя полосы все приближались, раздѣлились на отдѣльныхъ людей; стало видно, какъ упорно и быстро перебираютъ сотни ногъ, и по этому неуклонному движенію и по напряженному молчанію массы притаившихся вокругъ людей, чувствовалось, что какъ бы тамъ ни было, а непонятное, безобразное и нелѣ-

ное дѣло совершится сейчасъ, сію минуту. И отъ этого чувства безсильно замирала мысль.

Солдаты подходили. А тишина стояла такая же зловѣщая и напряженная. И это было такъ невыносимо страшно, что хотѣлось уже только одного: хоть бы ужъ скорѣе „это“ началось.

„Не можетъ быть... ничего не выйдетъ...“ подумалъ Анисимовъ, нагнулся къ машинисту, сидѣвшему у его ногъ и почему-то стѣсняясь говорить громко, тихо сказалъ:

Я думаю, что если бы съ ними вступить въ переговоры...

Блѣдное, опухшее лицо машиниста посмотрѣло на него снизу, какъ будто ничего не понимая. Анисимовъ пристально вглядѣлся въ его округлившіеся, принявшіе дикое и жуткое выраженіе, глаза, потомъ перевелъ взглядъ на стоявшаго рядомъ незнакомаго человѣка, горбоносый, блѣдный профиль котораго былъ совершенно неподвиженъ, точно человѣкъ этотъ былъ чѣмъ-то загипнотизированъ,—и вдругъ почувствовалъ такой страхъ, что даже руки у него задрожали.

Неожиданно, заставивъ вздрогнуть, гдѣ-то правѣе Анисимова, коротко и одиноко бахнулъ громкій выстрѣлъ, и точно по условленному сигналу, всѣ заборы, рвы, кучи шпалъ и обломковъ покрылись короткими, сверкающими огоньками, наполняя прозрачный морозный воздухъ торопливымъ, дробнымъ щелканьемъ.

Анисимовъ отчетливо видѣлъ, какъ сѣрые ряды смѣшались, разстроились и, точно отъ вѣтра подались назадъ. Видѣлъ какъ на очищенномъ, уже истоптанномъ мѣстѣ болѣзненно закопошились отдѣльныя фигуры; слышалъ въ той сторонѣ отдаленный крикъ; но ему все еще казалось, что это только „такъ“ и сейчасъ прекратится. Но въ слѣдующее мгновеніе вся сѣрая масса солдатъ опоясалась огненными узорами, и сухой трескъ залповъ бурно оживилъ молчаливое бѣлое поле. Что-то съ силой защелкало по ва-

гонамъ; кто-то испуганно закричалъ; оглушительно выстрѣлилъ у самаго уха Анисимова загипнотизированный, горбоносый человѣкъ. Анисимовъ опять повернулся къ машинисту. Тотъ все еще сидѣлъ на корточкахъ, но съ нимъ дѣлалось что-то нехорошее: ружье его лежало на снѣгу, лицо было удивительно бѣло, глаза огромны и какъ будто незрячи. Онъ коротко махалъ передъ собою обѣими руками и медленно валился назадъ. А когда легъ спиной на снѣгъ, то пересталъ махать руками, и его огромное, толстое тѣло съ возвышающимся, массивнымъ животомъ застыло, какъ мороженая туша. Опять оглушительно выстрѣлилъ горбоносый человѣкъ, — и Анисимовъ, оглянувшись на него, тихо сползъ внизъ.

Онъ весь дрожалъ и смутно улыбался. Мертвое лицо машиниста смотрѣло прямо на него тусклыми, замерзшими, казалось, глазами. Это была смерть, и Анисимовъ только теперь понялъ, что то, во что не вѣрило все его существо,— совершилось. „Убили...“ подумалъ онъ.—„Боже мой, что жъ это такое?..“

У этого машиниста была жена и четверо дѣтей, которыхъ всѣхъ зналъ Анисимовъ. Каждый день онъ ѣздилъ мимо станціи и здоровался съ Анисимовымъ. Теперь онъ лежалъ, какъ туша, какъ бревно. Умеръ.

Анисимовъ медленно отошелъ, стараясь не смотрѣть на трупъ и тщетно усиливаясь объяснить себѣ то, что дѣлалось въ немъ самомъ: что онъ долженъ сейчасъ чувствовать — ужасъ, или злобу, или отвращеніе. Онъ вспомнилъ, какъ годъ тому назадъ мимо этой же станціи везли на войну такихъ же солдатъ, этихъ же самыхъ русскихъ, своихъ солдатъ. И ихъ было такъ искренне жаль, такъ грустно становилось, когда онѣ уносились въ невѣдомую даль, и такъ хотѣлось сдѣлать имъ хоть что-нибудь пріятное, хоть чѣмъ-нибудь помочь.

„Боже мой... Боже мой... Боже мой...“! нелѣпо повторяла смятенная мысль и не могла разобраться въ хаосѣ кошмарныхъ представленій и образовъ.

Вокругъ пахло пороховымъ дымомъ; а черныя фигуры за вагонами странно и торопливо копошились, то отбѣгая назадъ, то падая, то поднимаясь, то карабкаясь на крыши вагоновъ, то быстро скатываясь внизъ, чтобы неподвижно скорчиться на рельсахъ. Отсюда Анисимову уже не было видно наступающихъ солдатъ, но страшная сила залповъ то приближалась, то удалялась, потрясая смятенный воздухъ.

Потомъ начало съ ужаснымъ трескомъ разражаться въ воздухѣ что-то необыкновенное, огромное, точно лопалось и рвалось на части самое небо. Съ того мѣста, на которое отошелъ Анисимовъ, видно было, какъ на мгновеніе въ сѣровато-синемъ сумракѣ вдали появлялась яркая, огненная звѣзда и, когда она уже скрывалась и тьма на томъ мѣстѣ на секунду дѣлалась черной,—казалось, надъ самой головой Анисимова разражался трескучій громъ, грудная клѣтка его вздрагивала, какъ крышка коробки, и съ невѣроятной силой, взметая снѣгъ, черные обломки, огонь, дымъ и снѣжную пыль, что-то невидимое, но всесокрушающее било прямо въ черную стѣну баррикадъ. И тамъ раздавался крикъ, вой, и оттуда во всѣ стороны бѣжали ополоумѣвшіе люди.

Бой тянулся съ четверть часа, но Анисимову показалось, что все кончилось въ одну минуту.

Онъ видѣлъ, какъ на верху одной баррикады показались темные силуэты стрѣляющихъ прямо въ него солдатъ; услышалъ что-то зловѣще и злобно завизжавшее возлѣ него по снѣгу; видалъ кучки черныхъ людей, медленно уходившихъ вдоль линіи и по желѣзнодорожному палисаднику, и какъ будто очень спокойно, не торопясь, стрѣлявшихъ въ солдатъ; видѣлъ истоптанный, грязный снѣгъ, усѣянный разбитыми, копошившимися, какъ черви, людьми; видѣлъ, какъ сзади, изъ-за вокзала неожиданно стали выбѣгать кучками солдаты, и какъ черные люди стремительно и взразбродъ побѣжали во всѣ стороны, оглашая воздухъ криками и безпорядочной стрѣльбой.

Пушки вдругъ замолчали, и стало казаться тихо,

несмотря на крики и выстрѣлы. Сѣрые солдаты бѣжали отъ станціи въ поле, догоняли отдѣльныхъ, вязнувшихъ въ снѣгу, черныхъ людей, торопливо и судорожно возились съ ними и бѣжали дальше. А на томъ мѣстѣ оставался скорчившійся, черный комокъ. Дѣлалось что-то такое невѣроятное, ужасное и омерзительное, что Анисимовъ весь похолодѣлъ и инстинктивно, не соображая и ничего не чувствуя, кромѣ невообразимаго животнаго ужаса, изо всѣхъ силъ побѣжалъ по пути.

Отъ водокачки, также изо всѣхъ силъ, бѣжалъ ему наперерѣзъ огромный круглоголовый солдатъ въ длинной сѣрой шинели и съ ружьемъ въ одной рукѣ. Еще за нѣсколько шаговъ они увидали глаза другъ друга и побѣжали еще быстрѣе. У солдата было молодое, безусое и красное лицо. Онъ добѣжалъ скорѣе и, съ внезапно исказившимся злобой лицомъ, перехватилъ ружье въ обѣ руки и ткнулъ въ Анисимова штыкомъ. Анисимовъ извернулся, какъ падающая кошка, и бросился въ сторону. Солдатъ метнулся за нимъ, повторяя его движеніе, и одну секунду они точно танцовали, кидаясь то туда, то сюда и выпученными глазами глядя прямо въ зрачки другъ другу. Но потомъ солдатъ вскинулъ длинное и острое ружье и навелъ его прямо въ животъ Анисимова.

— Ой, стой... подож... тоненькимъ голосомъ закричалъ Анисимовъ и, закрывъ глаза, замеръ на мѣстѣ, выставивъ впередъ руки.

Онъ услышалъ оглушительный выстрѣлъ, сквозь закрытые вѣки увидѣлъ мгновенный свѣтъ, и какъ-то не мыслью, а всѣмъ тѣломъ понялъ, что солдатъ промахнулся. Но въ это время кто-то быстро набѣжалъ сзади, тупо и больно, такъ, что огни засверкали въ глазахъ, ударилъ его по головѣ, схватилъ за рукавъ и, не удержавшись съ разбѣгу, упалъ вмѣстѣ съ нимъ въ мокрый, холодный снѣгъ.

— Пусти! съ острой злобой закричалъ Анисимовъ, и стиснувъ зубы, изо всей силы ударилъ локтемъ назадъ по чьему-то лицу, на которомъ торчалъ мягкій

носъ, хрустнувшій подъ его ударомъ, и совершенно безсмысленные, выпученные глаза, которые онъ видѣлъ первый разъ въ жизни.

III.

Была уже ночь, и ея черное лицо загадочно смотрѣло въ окна станціи, разбитыя пулями и развороченныя какой-то невѣроятной силой. На станціи было тихо. Но въ этой тишинѣ, казалось, еще дрожали крики, выстрѣлы и стоны. На подъѣздномъ пути ярко горѣли неизвѣстно кѣмъ и зачѣмъ подожженные вагоны. И надъ взвивающимся, багровымъ, весело страшнымъ пламенемъ небо было совершенно черно и низко. Дымъ тяжелыми клубами медленно поднимался вверхъ; а выше его, во тьмѣ, искры красиво танцовали какой-то граціозный и таинственный танецъ. Отъ всего ложились на снѣгъ неровныя, безпокойныя тѣни, и казалось, что неподвижные трупы, рядами сложенные противъ вокзала, осторожно шевелятся.

Вездѣ стояли и ходили солдаты, освѣщенные пожаромъ. Они сходились, расходились, наклонялись къ землѣ и, казалось, пристально разглядывали то, что сдѣлали въ этотъ день и что было для нихъ совершенно неожиданно и непонятно. Ихъ черныя тѣни ползали за ними по красному снѣгу, быстро перегибаясь на рельсахъ, блестящихъ отъ огня, а надъ ними изрѣдка красными иглами вспыхивали штыки. На платформѣ стояли офицеры и о чемъ-то негромко говорили между собой, поминутно закуривая папиросы. Отъ недалекаго пожара глаза у нихъ рѣзко, точно стеклянные, блестѣли и казались злыми и дикими, какъ у хищныхъ звѣрей.

Въ комнатѣ, гдѣ заперли Анисимова, было холодно и пусто. Освѣщалась она только полосами зарева, принимая въ его мечущемся огненномъ свѣтѣ фантастически необыкновенный видъ. Давно знакомая Анисимову мебель казалась черезчуръ неподвижной, какъ памятники на кладбищахъ; а разбитая пу-

лей лампа, свернувшаяся съ крюка, высѣла на потолкѣ, какъ трупъ огромной летучей мыши. Тѣни солдатъ и офицеровъ медленно и беззвучно ходили по освѣщенной стѣнѣ и кривлялись по угламъ.

Первое время Анисимовъ не могъ опомниться и притти въ себя, чтобы сознать и обсудить свое положеніе. Онъ тяжело дышалъ, весь дергался, поминутно то закрывалъ глаза, то открывалъ и не видѣлъ, гдѣ онъ и что вокругъ. Вся правая сторона его головы тупо ныла, и онъ безсознательно встряхивалъ головой, стараясь отдѣлаться отъ этой боли. Но она не отставала, и половина лица была тяжела, какъ каменная.

Когда его схватили, онъ долго сопротивлялся, бился, даже кусался, какъ звѣрь, самъ не замѣчая этого. Его хватали и за волосы, и за бороду, и за руки, но онъ упорно вывертывался и все время ему казалось, что вотъ-вотъ, еще одно усиліе, и онъ непремѣнно вырвется и будетъ спасенъ. Но когда его осилили и поставили на ноги, крѣпко держа за обѣ руки, онъ вдругъ сразу понялъ, что сопротивленіе безполезно, и притихъ

Въ плотной кучкѣ четырехъ солдатъ, огромныхъ, красныхъ и возбужденныхъ борьбой, онъ казался очень маленькимъ и безсильнымъ, какъ затравленный звѣрекъ, и какъ звѣрекъ, только оглядывался во всѣ стороны блестящими, округленными глазами, втянувъ голову въ плечи и тяжело дыша.

— Ишь ты, сволочь!.. съ возмущеніемъ и злобой сказалъ одинъ изъ солдатъ, вытирая кровь со щеки, и съ исказившимся лицомъ и съ бѣшенствомъ въ тупыхъ, безцвѣтныхъ глазахъ еще разъ ударилъ его снизу въ подбородокъ. Анисимовъ ляскнулъ зубами и вздернулъ головой, но молчалъ и продолжалъ оглядываться.

— Не вырвешься! торжествующимъ, грубымъ голосомъ сказалъ солдатъ.

— Ну, иди, что ль! крикнулъ другой и толкнулъ его въ плечо. Что-то пробудилось въ Анисимовѣ отъ этого толчка, даннаго тогда, когда онъ уже не со-

противлялся. Онъ быстро обернулся, но новый ударъ, увѣренный и безпощадный, толкнулъ его на два шага впередъ. Два солдата крѣпко схватили его за руки и потащили къ вокзалу. Онъ шелъ, упираясь обѣими ногами, шагъ за шагомъ, а сзади били его въ шею и спину прикладами, отчего тупо и мучительно вздрагивало сердце.

Такъ дотащили его до платформы и толкнули къ двумъ другимъ, избитымъ, окровавленнымъ и оборваннымъ людямъ, которыхъ окружали солдаты.

Въ это время запылали вагоны, и синій сумракъ вечера сразу задрожалъ и озарился яркимъ красноватымъ свѣтомъ.

Высокій и плотный офицеръ съ большими и рыжими усами подошелъ къ нимъ. Еще человѣкъ пять офицеровъ, блестя перевязями и пуговицами, стояли въ сторонѣ.

— Ваше высокоблагородіе, заговорилъ солдатъ, выступая изъ рядовъ, — такъ что захваченные, значитъ, которые съ оружіемъ.

— Ага, да!.. голосомъ высокимъ и загадочнымъ, точно радуясь чему-то тайному, извѣстному ему одному, протянулъ офицеръ. — Анатоль Петровичъ! громко позвалъ онъ.

Изъ кучки офицеровъ выдвинулся одинъ, толстый и черный, съ маленькими черными усиками. И пока онъ подходилъ, Анисимовъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Пожаръ былъ близко и сбоку, и оттого у всѣхъ была видна только одна половина лица, ярко освѣщенная, а другая совсѣмъ пропадала въ черной тѣни. Анисимовъ съ непонятнымъ ему самому чувствомъ ужаса смотрѣлъ на эти половинчатыя лица, съ одинокими блестящими глазами, и ему казалось, что это не простые люди, солдаты и офицеры, какихъ онъ видѣлъ всю свою жизнь, а какія-то особенныя, страшныя и необыкновенныя существа, въ которыхъ нѣтъ ничего человѣческаго.

— Вотъ, рекомендую, сказалъ высокій офицеръ тѣмъ же непонятно злораднымъ голосомъ, поворачи-

ваясь къ подходящему офицеру, — господа революціонеры.

Онъ вдругъ перемѣнилъ выраженіе и, твердо и властно выговаривая, спросилъ:

— Ты кто?

Тогда Анисимовъ посмотрѣлъ на своего сосѣда, къ которому обращался вопросъ, и узналъ его. Это былъ тотъ самый горбоносый, какъ будто чѣмъ то загипнотизированный человѣкъ, который стрѣлялъ въ солдатъ съ баррикады возлѣ Анисимова.

— Съ ружьемъ схватили, ваше высокоблагородіе! сказалъ кто-то изъ солдатъ.

— А... Разстрѣлять!.. отчетливо и спокойно выговорилъ полковникъ.

Анисимовъ понялъ это слово, но не понялъ его ужаснаго, именно въ этотъ моментъ, значенія. Очевидно, не понялъ и горбоносый человѣкъ, потому что онъ не двинулся съ мѣста, не крикнулъ, ничѣмъ не выразилъ своего ужаса. Два солдата съ одинаковыми, темными лицами взяли его подъ руки и отвели. Онъ еще обернулся, точно хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ и такъ же неподвижно сталъ тамъ, гдѣ его поставили, въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Кто? опять спросилъ высокій офицеръ.

Вопросъ былъ обращенъ къ Анисимову, но отвѣтилъ не онъ, а маленькій, щуплый человѣкъ въ разорванномъ ватномъ пальто и картузѣ.

— Мы съ Костюковскаго завода... токари... Федульевъ... торопливо проговорилъ онъ, поспѣшно выдвигаясь впередъ и весь приходя въ движеніе. Нижняя челюсть его странно двигалась.

— Тоже палилъ, ваше высокоблагородіе... какимъ-то унылымъ и безнадежнымъ тономъ подсказалъ опять тотъ же солдатъ.

И опять отчетливо и коротко полковникъ выговорилъ то же непонятное слово.

Смутная и странная мысль мелькнула въ мозгу Анисимова. Лицо его медленно поблѣднѣло, и онъ сдѣлалъ судорожное движеніе назадъ, точно хотѣлъ

вдавиться въ ряды солдатъ. Но кто-то сейчасъ же схватилъ его сзади за руки.

— Ты? замѣтивъ его движеніе, быстро повернулся къ нему высокій полковникъ.

Анисимовъ молчалъ и надавливалъ спиной на державшія его руки.

— Но-но-но! насмѣшливо, поднявъ подбородокъ, сказалъ полковникъ.

— Да это начальникъ станціи... замѣтилъ толстый поручикъ, устремляя прямо въ лицо Анисимову свой единственный, блестящій глазъ.

— Да, я начальникъ этой станціи... точно кто толкнулъ его, торопливо отвѣтилъ Анисимовъ и вдругъ заискивающе криво улыбнулся, не спуская взгляда съ этого одинокаго, какъ будто окровавленнаго глаза.

— А-а!.. Оч-чень пріятно познакомиться! кривя половину губъ съ однимъ краснымъ усомъ, протянулъ полковникъ. — Такъ это вы и есть — начальникъ этой станціи?.. Тэкъ-съ... Ну, намъ не мѣшаетъ побесѣдовать подробнѣе, господинъ... позвольте узнать, какъ ваша фамилія?..

— Анисимовъ... глухо отвѣтилъ Анисимовъ.

— Ага... оч-чень пріятно все-таки... тянулъ полковникъ, сгибая голову на бокъ, и въ голосѣ его было что-то кошачье, жестокое и хитрое.

— До утра подъ караулъ!.. вдругъ громко приказалъ онъ, отворачиваясь отъ Анисимова.

— Ваше благородіе, а мнѣ какъ же? невѣрнымъ голосомъ спросилъ мастеровой, вытягивая шею.

Полковникъ черезъ плечо посмотрѣлъ на него.

— А тебѣ, милый другъ?.. Разстрѣляютъ... отвѣтилъ онъ, не сразу и видимо наслаждаясь впечатлѣніемъ своихъ словъ.

— Ваше благородіе! дрогнувъ, вскрикнулъ мастеровой.

Странное и короткое смятеніе пробѣжало по толпѣ солдатъ отъ этого крика. Кто-то усиленно и напряженно задышалъ надъ самымъ ухомъ Анисимова.

— Тише тамъ! быстро поднимая голову и блестя

глазомъ, крикнулъ толстый офицеръ. И все замерло такъ, точно здѣсь не было живыхъ людей, а было одно пугливое и смирное животное.

— Веди! энергично кивнувъ въ сторону поля, приказалъ полковникъ.

Съ тѣмъ самымъ мучительнымъ, острымъ любопытствомъ, съ которымъ онъ въ дѣтствѣ смотрѣлъ, какъ рѣжутъ курей, Анисимовъ впился глазами въ освѣщенную половину блѣднаго, съ широко открытымъ глазомъ лица мастерового. Онъ ждалъ, что этотъ человѣкъ сейчасъ бросится, начнетъ рваться, какъ рвались куры изъ рѣжущихъ рукъ, закричитъ, и это будетъ ужасно; но мастеровой стоялъ молча и только вытягивалъ и втягивалъ отвисшую нижнюю челюсть. И видно было, какъ она дергалась все сильнѣе и сильнѣе и уже прыгала въ страшной пляскѣ. Анисимовъ не отрываясь смотрѣлъ на эту челюсть, и всѣ смотрѣли на нее, и съ каждымъ ея движеніемъ росъ и росъ общій, напряженный ужасъ.

— А ты кто? вдругъ громко и отчетливо заговорилъ издали горбоносый человѣкъ.—Собака, сволочь... своихъ бьешь, подлецъ... мать твою...

— Что-о! Молчать! рѣзко и звонко крикнулъ полковникъ, судорожно хватаясь за револьверъ и дѣлая два шага къ нему.

— Самъ молчи!.. Чего мнѣ молчать, когда я на смерть иду, ду-ракъ! загремѣлъ горбоносый человѣкъ. — Чтобъ ты здохъ... Іуда, проклятая собака!.. Ты думаешь, я тебя боюсь?.. На, бей!.. Самъ бей, сволочь, бей!..

Съ слабымъ вскрикомъ Анисимовъ обѣими руками схватился за лицо и закрылъ глаза.

Одинъ за другимъ сверкнули два выстрѣла. Кто-то вскрикнулъ, и вдругъ всѣ затолпились, задвигались. Темные силуэты солдатъ сразу загородили отъ Анисимова то мѣсто, и схвативъ его подъ руки, быстро потащили прочь...

И все это теперь стояло передъ глазами Анисимова въ смутномъ мракѣ холодной комнаты.

Теперь онъ уже зналъ, что завтра утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, его разстрѣляютъ.

IV.

„Завтра меня разстрѣляютъ!“ думалъ Анисимовъ, острыми блестящими глазами глядя въ холодный мракъ. „Завтра меня разстрѣляютъ“.

Это была не мысль, потому что нельзя было думать о томъ, что черезъ нѣсколько недолгихъ часовъ придутъ люди, которыхъ онъ никогда въ жизни даже не видалъ и убьютъ его, страдающаго, живого человѣка, какъ старую, запаршивѣвшую собаку. Это было просто какое-то тяжелое и холодное давленіе на мозгъ, какое на человѣка, не вѣрящаго въ сверхъестественное, производитъ появленіе страшнаго необъяснимаго призрака.

Анисимову иногда хотѣлось пожать плечами и усмѣхнуться этой забавной несообразности, но вмѣсто того лицо его въ темнотѣ кривилось дикой и болѣзненной гримазой, принимая выраженіе зловѣще искаженной маски сходящаго съ ума.

Онъ запахнулся, точно въ больничный халатъ, въ пальто съ разорваннымъ клапаномъ, и короткими, неровными шагами, худой, длинный, какъ привидѣніе заходилъ по комнатѣ, осторожно обходя въ темнотѣ мебель и почему-то стараясь не шумѣть. Странно было то, что эта его осторожность была вовсе не отъ страха: Анисимову только страстно хотѣлось, чтобы никто не помѣшалъ ему думать „объ этомъ“. Казалось, что если онъ спокойно и точно обдумаетъ что-то до конца, то все перемѣнится,—онъ все пойметъ, и тогда все разъяснится очень просто и хорошо. И онъ думалъ, думалъ, думалъ... Лицо его принимало мучительное выраженіе свыше силъ напряженной думы, но ничего не выходило. Порой какъ будто и возникала яркая, спасительная мысль, но гдѣ-то очень глубоко и смутно. Анисимовъ дѣлалъ сверхъестественное усиліе, чтобы вызвать ее на поверхность и облечь въ слова. Мысль крѣпла, поднималась, начинала рас-

путываться и приближаться къ какому-то слову. Становилось легче, голова свѣтлѣла, глаза теряли напряженное выраженіе. Анисимовъ останавливался, чтобы схватить самое главное, схватывалъ и мысленно говорилъ, думая, что говоритъ именно то, что нужно:— „Завтра меня разстрѣляютъ!..“ И тогда вдругъ все снова путалось, мысль моментально и безслѣдно таяла въ мозгу, выступалъ липкій потъ на вискахъ; холодная туманная пустота, похожая на то, какъ будто всего его неожиданно окутывало густымъ облакомъ какого-то холоднаго пара, наполняла душу,—и Анисимовъ опять начиналъ мелкими шажками быстро и осторожно ходить изъ угла въ уголъ и напрягать свой усталый, горячій мозгъ.

Вдругъ представилось ему знакомое мѣсто, за станціей, у канавы, гдѣ сложена куча старыхъ, почернѣвшихъ шпалъ и снѣгъ лежитъ округлыми, хрупкими сугробами, бѣлый, чистый, нетронутый ногой. Кучи шпалъ теперь не было, Анисимовъ зналъ, что ее растащили на баррикады по его же указанію, но мѣсто это такъ и представилось ему: ограда палисадника, черная куча обледенѣлыхъ шпалъ, а дальше— бѣлое свободное поле, съ котораго далеко видны, точно игрушечные, красные домики станціи и бѣгущіе по безконечному, ровному стальному пути хорошенькіе разноцвѣтные поѣзда съ бѣлыми султанчиками паровоза. И вотъ именно тамъ, на снѣгу, головой къ шпаламъ, онъ, Анисимовъ, будетъ лежать мертвый, не просто мертвый, а „разстрѣлянный“. Голова и грудь у него будутъ пробиты пулями; синія руки закостенѣютъ, какъ скрюченныя лапки зарѣзанной курицы; а колѣни острыми углами будутъ торчать изъ сугроба.

Будетъ холодно; онъ весь обледенѣетъ и станетъ твердый, какъ полѣно, съ замерзшими, мутными, выпученными глазами и ртомъ, набитымъ снѣгомъ и краснымъ льдомъ. Но тогда онъ уже не будетъ ничего чувствовать, сознавать и видѣть, и не увидитъ даже своего трупа.

„Это самое ужасное... это самое ужасное“... почему-то подумалъ Анисимовъ, и невыносимая внутренняя тоска, выворачивающая всю душу, засосала сердце. Захотѣлось стонать тоненькимъ жалобнымъ воемъ.

Было тихо вокругъ, и только трескъ горѣвшаго дерева изрѣдка доносился въ окно.

Все быстрѣе и быстрѣе шагая изъ угла въ уголъ и кутаясь въ пальто, какъ въ больничный халатъ, Анисимовъ сталъ припоминать. Сначала онъ самъ не могъ понять, что именно ему хочется припомнить; но появилось и окрѣпло воспоминаніе о прожитой и теперь вдругъ неожиданно, но очевидно заканчивающейся жизни. Онъ сталъ проходить ее мыслью съ начала до конца и тщательно искать въ ней чего-нибудь такого, что имѣло бы связь съ тѣмъ, что должно было произойти завтра.

Вызванная изъ сѣраго тумана забвенія, стала проходить передъ нимъ вереница дней, годовъ, встрѣчъ, дѣлъ, настроеній и заботъ. Жизнь вставала передъ нимъ тускло и блѣдно, представляясь однообразно-сѣрой полосой, безъ начала и конца. Иногда ему казалось, что она началась еще раньше его рожденія, и что всѣ его страданія, болѣзни, униженія и заботы были только продолженіемъ неисчислимыхъ бѣдъ, идущихъ отъ времени. Точно это былъ безконечный путь изъ вѣчности въ вѣчность, на который онъ незамѣтно вступилъ, гдѣ-то неизмѣримо далеко отъ начала, чтобы черезъ нѣсколько томительныхъ мгновеній сойти такъ же далеко отъ конца, какъ случайная тѣнь тоскливо скользнувшая по проѣзжей дорогѣ.

Бѣдымъ родился онъ на свѣтъ, въ жестокой нищетѣ прожилъ все дѣтство и всегда вспоминалъ о немъ съ унылымъ отвращеніемъ, удивляясь тѣмъ людямъ, которые говорили о своемъ дѣтствѣ, какъ о свѣтломъ праздникѣ жизни. Былъ онъ оборванный, плохо обутый, тщедушный и болѣзненный мальчикъ, типичный сынъ почтальона, на которомъ труды, болѣзни и горе родителей положили на вѣкъ свое блѣдное клеймо. Учиться ему пришлось немного и трудно,

и то, чему онъ выучился, было сокомъ жизни, выжатымъ изъ себя отцомъ и матерью. Рано пришлось думать о пищѣ, и пятнадцати лѣтъ онъ уже поступилъ на желѣзную дорогу, гдѣ и прослужилъ двадцать пять лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, всегда одинаково трудныхъ, томительно однообразныхъ и чуждыхъ душѣ. Ему было тяжело, часто унизительно и трудно; но отецъ и мать, пока не умерли, надорвавшись на работѣ, были счастливы, что онъ избѣжалъ участи отца. Ихъ чахоточная радость была безсмысленна и ужасна, но самое ужасное было то, что онъ самъ понималъ и раздѣлялъ ихъ радость. И это было похоже на ту радость, которою радуется человѣкъ, затонувшій въ топи по горло и видящій рядомъ другого, котораго вонючая, душащая грязь уже покрыла головой.

Когда прошли года и счастье вѣчнаго прозябанія на маленькой, затерянной въ глухой степи станціи было достигнуто, онъ женился. Женился онъ по любви на некрасивой, глуповатой дѣвушкѣ, прошедшей ту же жизнь, что и онъ. И въ этой любви былъ тоже ужасъ, ибо и въ самые счастливые моменты ея не затемнялось сознаніе безцвѣтности, ничтожности и некрасивости жены; но жажда, во что бы то ни стало, имѣть хоть кого-нибудь близкаго, теплаго, родного, забивала это сознаніе, и оно оставалось въ душѣ только, какъ нецрестанное, ноющее томленіе духа по красивой, таинственной и поэтичной любви, которой никогда не придется испытать. Жена его скоро состарилась и потеряла и ту относительную миловидность, которую все же давали ей молодость и свѣжесть. Съ нелѣпо страшной быстротой рождались дѣти. Жена стала сварливой, скучной, безнадежно опустившейся полустарухой, на лицѣ которой навсегда застыла жалкая маска заботы и зависти.

Дѣти выростали худосочными, больными и щуплыми. Радостный степной воздухъ и свѣтлое солнце не могли вытравить изъ нихъ страшнаго яда вѣкового недоѣданія и прозябанія ихъ рода. Одна дѣвочка

страдала разслабленіемъ кишекъ и всегда сидѣла въ маленькомъ креслицѣ-суднѣ, страдальчески выглядывая изъ своего уголка, какъ закусанная на смерть мышка. Не радовали души эти дѣти, а только заботили, печалили и злили.

Мало было сношеній съ людьми, потому что это вызывало расходы, неловкость за свою бѣдность и униженія. Анисимовъ много пилъ, пьяный плакалъ о своихъ несчастіяхъ и томился смутной мечтой объ иной, свободной, легкой и пріятной жизни, осмысленной хоть какимъ-нибудь свѣтлымъ лучомъ.

Страшна была его жизнь, какъ страшна была у всѣхъ окружающихъ его, и именно это скоро притупило сознаніе и скрыло отъ него ужасный видъ его существованія. Какъ ни мучительны были у него позывы что-то перемѣнить, что-то узнать, что-то устроить,—въ общемъ ему казалось, что такъ и надо, ибо такъ живетъ не онъ одинъ. Томленіе духа обратилось въ привычку, научило брюзжать, раздражаться, пить, и не было силъ задуматься, оглянуться и притти въ отчаяніе. Какъ кротъ, живущій въ вѣчной тьмѣ, Анисимовъ уже не видѣлъ тьмы, окружающей его, и думалъ, что онъ живетъ лучше многихъ; но не какъ кротъ,—онъ тяготился и страдалъ своей жизнью.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока внезапный свѣтъ всеобщаго протеста и всеобщаго напряженія, какъ молнія, не освѣтилъ для него все, и какъ молнія, не убилъ его.

Анисимовъ вдругъ остановился. Что-то напряглось въ немъ до высшей точки и замерло въ ожиданіи. И внезапно Анисимовъ понялъ, что ему не жаль своей жизни.

— „Если такая жизнь опять, то лучше смерть... И тогда въ смерти нѣтъ ничего ужаснаго, а напротивъ, она нужна, необходима, какъ естественный выходъ... Будь она проклята, такая жизнь!“ подумалъ Анисимовъ.

И когда подумалъ,—успокоился, затихъ, и лицо

его, сѣрое и измученное, приняло спокойное и рѣшительное выраженіе, то самое, съ которымъ онъ такъ безповоротно и всецѣло вошелъ въ закипѣвшую вокругъ борьбу.

Но въ самой глубинѣ его души что-то ныло. Это была тупая, ноющая и чуть слышная боль. Что-то какъ будто грызло, подтачивало, сосало. Анисимовъ съ тревогой прислушался и сказалъ себѣ:

— Чего же еще... я же рѣшилъ?... Не надо думать... Если думать, то будетъ опять ужасъ... Лучше не думать.

Но боль все ныла, поднималась, подступала къ сердцу и какъ грызущая мышь становилась все смѣлѣе и ближе. Анисимовъ быстро всталъ и опять торопливо заходилъ по комнатѣ, стараясь шагами заглушить то, что неуклонно дѣлалось въ немъ. Но боль все росла и уже не ныла, а терзала сердце, и отъ нея росло тяжелое, отчаянное возмущеніе.

И вдругъ она прорвалась и наполнила все существо его съ такой силой, что у него загудѣло въ ушахъ и сдавило грудь.

— Да, такъ... скачками запрыгала его мысль.— Мнѣ не жалъ жизни... лучше смерть, чѣмъ такая жизнь... Но почему же „такая“, а не иная?.. Кто смѣлъ обрѣчь меня на такую жизнь?.. Кто отнялъ у меня, и не отнялъ, а просто не далъ мнѣ такой жизни, чтобы ее было жаль?.. И это неправда,—мнѣ жаль и ту жизнь, которая у меня! Какая бы она ни была, а жаль... Жаль, что ее изуродовали, жаль, что ее хотятъ уничтожить, какъ что-то ужасное, а она только несчастная!.. И какъ же смѣетъ кто бы то ни было за то, что я всю жизнь страдалъ, за то, что мнѣ было скверно, тяжело и мучительно, убить меня?!.. Это... это... это... забормоталъ Анисимовъ, останавливаясь посреди комнаты и сверкая ненормально расширенными, больными глазами, и вдругъ стремительно бросился къ окну, схватился за раму и, обрѣзывая руки стеклами, сталъ рвать ее и ломать.

За окномъ уже погасалъ пожаръ, и бурая тьма

все ближе и гуще подступала къ огню, но въ комнатѣ было такъ темно, что на дворѣ казалось свѣтло, какъ днемъ.

— Куда лѣзешь! отчаянно, грубымъ голосомъ крикнулъ солдатъ, съ ружьемъ на перевѣсъ подбѣгая къ окну. Анисимовъ остановился и застылъ, держась за раму, и солдатъ тоже остановился. Изъ мрака выдѣлялось блѣдное, съ расширенными глазами лицо Анисимова и клочки его спутанныхъ волосъ; а на Анисимова смотрѣлъ темный силуэтъ неизвѣстной, круглой и усатой головы. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ, и опять, какъ съ тѣмъ солдатомъ, который ловилъ его, оба не знали, что имъ дѣлать. Было въ этомъ что-то нелѣпое, но одинаково тяжелое для обоихъ. Потомъ Анисимовъ, точно опомнившись, рванулъ раму и неистово закричалъ:

— Пусти!

— Не велѣно! такимъ же неистово неестественнымъ голосомъ крикнулъ солдатъ.

— Врешь... пусти!.. Позови сюда полковника...

— Какого тебѣ полковника!.. Осади!..

Ихъ неестественно громкіе и напряженные голоса поразили обоихъ, и на секунду опять наступило молчаніе и неподвижность, и опять что-то встало между ними. Было мгновеніе напряженной тишины, и казалось, что сейчасъ должно произойти что-то особенное, новое. Но въ это время послышались приближающіеся голоса и шаги. И точно въ отвѣтъ именно на эти шаги, Анисимовъ молча и упрямо сталъ рвать раму. Со звономъ посыпались стекла. Солдатъ внезапно шагнулъ впередъ и изо всей силы, такъ же молча и упрямо, ударилъ Анисимова прикладомъ въ костлявую грудь.

Горячая соленая волна хлынула къ горлу и носу Анисимова, онъ повернулся, и какъ захлебнувшійся, разставивъ руки и ничего не видя, закружился и тяжко сѣлъ на полъ.

— Что тутъ, Ефимовъ? спрашивалъ кто-то за окномъ.

— Такъ что арестованный въ окно полѣзъ... срывающимся и какъ будто недоумѣлымъ голосомъ отвѣтилъ солдатъ.

Нѣсколько черныхъ головъ заглянуло въ комнату и долго неподвижно смотрѣло въ темноту. Было тихо. Анисимову казалось, что это бредъ, и голова у него быстро, быстро шла кругомъ, увлекая въ страшномъ водоворотѣ три черные, неподвижные и какіе-то таинственные силуэта въ окнѣ. Потомъ они вдругъ исчезли, и тотъ же голосъ сказалъ громко и сердито.

— Будетъ очень колобродить, — пали ему въ башку!... Очень просто!

И голоса затихли.

Анисимовъ приподнялся, безумными глазами посмотрѣлъ въ окно и отползъ въ сторону. Его страшно поразило послѣднее слово:

— Очень просто!

И онъ понялъ, что это дѣйствительно такъ, — просто; сколько бы онъ ни кричалъ, сколько бы ни бился, какъ бы остро и мучительно не сознавалъ ужасъ смерти, страданіе и то, что онъ, человѣкъ, Анисимовъ, имѣетъ свою единственную жизнь, имѣетъ право не умирать, не страдать, жить — изъ этого ничего не выйдетъ. И вдругъ опять вынырнула старая мысль:

„Меня разстрѣляютъ“!..

Было нѣсколько мгновеній пустоты и мертваго безсмыслія, а потомъ ярче и подробнѣе вырисовывалось въ мозгу:

„Меня разстрѣляютъ... что бы я ни дѣлалъ, какъ бы ни просилъ, какъ бы ни корчился отъ страха, какъ тотъ мастеровой, меня... поведутъ къ кучѣ шпалъ, станутъ цѣлиться, такъ спокойно, какъ будто я не вижу этого и не умираю отъ страха.

И онъ почувствовалъ, что нижняя челюсть его начинаетъ какъ-то странно прыгать, и все сильнѣе,

сильнѣе... Анисимовъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, чтобы удержать ее, но началъ биться весь, дергаясь плечами, руками, головой, точно его трясла и била какая-то посторонняя, жестокая сила. Ему казалось, что это никогда не прекратится; но когда сразу опомнился и инстинктивно понялъ, что съ нимъ былъ длинный періодъ полнаго безпамятства, судорогъ уже не было, а тѣло только ныло и дрожало чуть замѣтной, неимовѣрно мелкой дрожью... Странно поразило его то, что за окномъ уже печально сѣрѣло, какъ на осеннемъ разсвѣтѣ. Въ комнатѣ было все видно, и блѣдный свѣтъ слабо ложился на стѣны, на полъ и на его бѣлѣвшія руки. Одну секунду ему казалось, что все прошло и онъ проснулся, но со страшной быстротой, точно откуда-то извнѣ, налетѣли — и сознаніе неотвратимой дѣйствительности и того, что уже скоро, и снова то же, мучительное, какъ пытка, недоумѣніе, и острая потребность скорѣе, какъ можно скорѣе, что-то обдумать и сообразить... Быстро, мелькомъ, точно отбрасывая прочь со словами: „не то... не то“... Анисимовъ припомнилъ убитаго машиниста, потомъ еще другихъ, которые скатывались съ баррикадъ и свертывались на окровавленномъ снѣгу, потомъ мастерового, потомъ чернаго горбоносаго человѣка и два короткіе выстрѣла, сопровождаемые легкимъ страдальческимъ вскрикомъ, и внезапно увидѣлъ, среди блѣднаго и болѣзненнаго хаоса, черную груду обледенѣлыхъ шпалъ и острыя колѣни, его колѣни, торчащія изъ сугроба. „Да за что же все это?..“

И ему, наконецъ, стало смѣшно. Анисимовъ въ самомъ дѣлѣ тихо и судорожно засмѣялся, но сейчасъ же замолкъ. Короткій, дрожащій звукъ его смѣха былъ слишкомъ тихо-громокъ и страненъ въ пустой блѣдной предразсвѣтной мглѣ... Опять начался стремительный ходъ мыслей: сколько разъ онъ слышалъ, что людей казнятъ. Такъ. Значитъ, это совершенно возможно и тутъ нѣтъ ничего непонятнаго. Это такъ просто. Ихъ казнятъ, они страдаютъ отъ боли и ужаса, но потомъ умираютъ, и страданія и ужасъ

прекращаются, точно ихъ и не было. Объ этомъ можно было думать, но только съ отвращеніемъ, и мысль объ этомъ непріятно бередила мозгъ. Да, но тамъ было все-таки понятно: эти люди, которыхъ казнили, были люди особенные, злодѣи. И это были, что самое главное, — не Анисимовъ.

„Нѣтъ, лучше не думать!“ безсильно подумалъ онъ... Ему вдругъ стало холодно и захотѣлось ѣсть... Тогда онъ въ первый разъ вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ и удивился, что до сихъ поръ не вспоминалъ. И ему показалось, что, можетъ быть, здѣсь и есть то, что необходимо себѣ уяснить прежде всего.

„Скорѣй надо думать... скорѣй надо думать“... сталъ онъ торопить себя, безпокойно оглядываясь. Онъ еще не сознавалъ, но его болѣзненно остро мучило то, что небо становилось въ окнѣ все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

„Надо написать женѣ“... пришло ему въ голову. Уже было достаточно свѣтло у окна и сонъ это замѣтилъ. Чернильница на столѣ была, но чернила покрылись льдомъ. Анисимовъ заботливо подышалъ на нихъ проткнулъ перомъ и отнесъ чернильницу къ окну.

На подоконникъ уже падалъ сѣрый и холодный свѣтъ, въ которомъ такимъ же сѣрымъ и холоднымъ пятномъ выдѣлялось лицо Анисимова съ взъерошенными клочьями волосъ и съ черными тѣнями на скулахъ и подъ глазами. Писать было трудно, перо два раза выскакивало изъ окоченѣлыхъ пальцевъ, и это будило въ Анисимовѣ острое, глубокое чувство жалости къ себѣ.

Сначала ему казалось, что могутъ помѣшать, а нужно написать много и потому надо торопиться. По временамъ онъ острымъ, быстрымъ взглядомъ посматривалъ въ окно, гдѣ теперь неподвижно, спиной къ окну стоялъ длинный сѣрый солдатъ, облокотившійся на ружье. На сѣрую спину его шинели уже падалъ явственный сѣрый свѣтъ утра.

„Милая Саша“, написалъ Анисимовъ, съ трудомъ, хотя и казалось свѣтло, различая буквы, и не зналъ,

что писать дальше. Ничего нельзя было выразить, потому что надо было выразить и то радостное чувство, которымъ онъ прожилъ эти десять дней, и тотъ хаосъ, огненный и кровавый, и смерть людей, и ужасъ его одинокой послѣдней ночи, и то нелѣпое и безумное, что должно было совершиться съ нимъ, и кучу черныхъ шпалъ, и закоченѣвшія колѣни, торчащія изъ снѣгу, и то, что онъ уже не увидитъ ея и дѣтей, и свою безпомощность, и свою жалость къ себѣ, и то горе, въ которомъ емухотѣлось ее обласкать и утѣшить, тѣ слезы, которыя стали наполнять его глаза, скатываться по щекамъ, исхудалымъ и холоднымъ, и падать на клочокъ его послѣдняго письма.

И это было невозможно, и ужасъ этой невозможности вызвалъ въ немъ невыразимую грусть.

— Господи, Господи... Господи!.. За что же меня такъ мучаютъ?.. Ну, за что?.. зашепталъ онъ, хватаясь за свои всклокоченные волосы, и заплакалъ. И долго плакалъ, остановившимися глазами глядя въ окно, въ бѣлое, далекое, безучастное небо.

Потомъ онъ приписалъ: „Прощай, Шурочка. Какъ-то вы проживете безъ меня? Не знаю, передадутъ ли тебѣ мое письмо. Я попрошу. Прощай же! Ты, Шурочка, не плачь, что жъ дѣлать! Не забывай меня и дѣтямъ скажи, чтобы помнили. Не могу писать больше. Прощай еще разъ".

Сверху на его мозгъ опускалось какое-то бѣлое плотное облако, и онъ дѣлалъ страшное усиліе чтобы не забыться.

Къ окну подошли нѣсколько человѣкъ, гремя ружьями. Потомъ ушли, и новый часовой, постукивая прикладомъ, прошелся два раза мимо окна, искоса и какъ будто украдкой поглядывая на Анисимова. Блѣдно промелькнулъ его сѣрый силуэтъ, съ торчащимъ тонкимъ штыкомъ.

Анисимовъ отошелъ вглубь комнаты, спряталъ письмо за пазуху, легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ и крѣпко прижалъ къ груди клочекъ бумаги. Ему казалось, что это письмо какъ-то еще связываетъ его

съ жизнью, съ тѣмъ, что будетъ завтра, послѣ завтра и всегда,—когда его самаго уже не будетъ нигдѣ,—съ женой, дѣтьми, съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ прожилъ всю свою долгую жизнь и съ чѣмъ раздѣлила его теперь навсегда пустая, холодная, мертвая черта. У него уже ничего не осталось, кромѣ этого письма, и ему хотѣлось излить на этотъ клочекъ бумаги всю свою оставшуюся жизнь,—тѣ страшныя грусть и муку, которыя однѣ еще напоминали ему, что жизнь не кончилась. Онъ крѣпко прижималъ письмо къ груди и плакалъ горькими, неслышными и никому незримыми злезами.

А ноги его ныли, голова тихо кружилась и бѣловатый туманъ поднимался съ пола и окружалъ его голову. И такъ, прижимая къ груди клочекъ бумаги и съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, Анисимовъ заснулъ.

Блѣдный день осторожно и пытливо входилъ въ комнату и смотрѣлъ въ блѣдное, исхудавшее въ одинъ день до кости человѣческое лицо, на которомъ застыли слезы и жалкое скорбное выраженіе.

V.

Его разстрѣляли въ восемь часовъ утра.

Послѣднія видѣнія его сна съ мгновенной быстротой слились съ дѣйствительностью: ему приснилось, что онъ лѣзетъ по какому-то страшно узкому земляному корридору, лѣзетъ на животѣ, съ трудомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ корридоръ становится уже, и лѣзть все труднѣе и труднѣе. Но онъ все-таки лѣзетъ и знаетъ, что не лѣзть нельзя. Сзади земля осыпается съ каждымъ шагомъ, и онъ чувствуетъ, что тамъ уже глухая стѣна. Онъ лѣзетъ, а чувство какого-то невѣдомаго, грядущаго неизбѣжнаго ужаса все сильнѣе и сильнѣе давитъ ему грудь. Ему уже трудно дышать, онъ хочетъ по крайней мѣрѣ крикнуть, чтобы хоть крикомъ разсѣять этотъ невыносимый ужасъ, и вдругъ видитъ передъ собою, всего на сажень разстоянія, приплюснутую сѣрую голову съ

неподвижными узкими, зеленоватыми глазками, а за ней длинное скользкое тѣло, на которомъ блеститъ слабый подземный свѣтъ.—„Это гремучая змѣя!“ съ невообразимымъ ужасомъ кричитъ ему кто-то въ уши, и онъ чувствуетъ, какъ волосы тихо шевелятся на головѣ. Онъ судорожно пятится назадъ. Но сзади уже рыхлая, непроницаемая стѣна. Онъ въ ужасѣ бьется въ нее, взрываетъ ее ногами, царапаетъ, бьетъ. Но она рыхла, безвольна и неодолима. Онъ старается зарыться въ нее, не видѣть, закрываетъ глаза, но уже слышитъ легкій, таинственный свистъ и видитъ, ясно видитъ сквозь закрытыя вѣки, что приплюснутая голова съ зеленоватыми глазками уже не лежитъ, а медленно, медленно скользитъ къ нему по землѣ, и за ней противно струится длинное, скользкое, сѣрое тѣло. Въ страшномъ послѣднемъ отчаяніи онъ открываетъ глаза...

Передъ нимъ стоялъ высокій, худой офицеръ въ сѣрой шинели и, глядя ему прямо въ глаза сѣрыми, холодными зрачками, говорилъ:

— Ну, вставайте... господинъ А... нисимовъ. Пожалуйте!

Анисимовъ быстро приподнялся на локтѣ и острыми глазами пристально уставился въ лицо офицеру. Потомъ вдругъ засуетился и всталъ съ дѣловымъ и серьезнымъ видомъ.

— Развѣ уже пора? торопливо спросилъ онъ.

Офицеръ криво усмѣхнулся.

— Н-да...

Анисимовъ засуетился еще больше и сталъ искать свою фуражку. Ея не было на диванѣ, не было на столѣ. Анисимовъ безтолково и торопливо шарилъ вокругъ, и ему было странно, мучительно неловко, что онъ задерживаетъ. Руки у него дрожали, глаза бѣгали.

— Ну, вы скоро? сердито спросилъ офицеръ.

— Сейчасъ... тутъ шапка...

— Да все равно, можно и безъ шапки! нетерпѣливо возразилъ офицеръ.

Анисимовъ опять быстро взглянулъ ему въ глаза и потупился.

— Да, впрочемъ, все равно... торопливо, какъ будто про себя выговорилъ онъ въ сторону. Воцарилось короткое молчаніе, и вдругъ у офицера явственно задрожали губы.

Анисимовъ тихо повелъ глазами и встрѣтился съ страннымъ, какъ будто чего-то не понимающимъ и растерянным взглядомъ. Но такъ же мгновенно лицо офицера рѣзко измѣнилось.

— Ну!.. коротко и страшно грубо выкрикнулъ онъ, порывисто дернувъ головой къ двери.

Анисимовъ вздрогнулъ, судорожно покривился и, не глядя на офицера, шагнулъ впередъ.

Когда его вывели на платформу и кучка офицеровъ и солдатъ молча уставилась на него, Анисимовъ опять вдрогнулъ и поморщился болѣзненно странно. Видъ у него былъ больной и измученный, лицо сѣро, глаза ввалились и волосы стояли торчкомъ во всѣ стороны.

Тотъ же офицеръ, который разбудилъ его, что-то сказалъ, и изъ рядовъ солдатъ вышло двѣнадцать человѣкъ и стали позади Анисимова. Тогда Анисимовъ растерянно улыбнулся, повелъ глазами кругомъ и сказалъ хрипло и невнятно:

— Господинъ офицеръ...

Офицеръ медленно обернулся:

— Что такое?

— Я не знаю... съ трудомъ заговорилъ Анисимовъ, все страдальчески и какъ будто конфузливо улыбаясь.—Можетъ быть, можно все-таки письмо...

Одинъ изъ стоявшихъ рядомъ офицеровъ, толстый и черноусый, морщась отвѣтилъ:

— Право... теперь уже... когда же теперь...

— Я уже написалъ...

— А... Ну, такъ что же?

— Нельзя ли послать... по адресу?..

— Послать?.. Да... Ивановъ, возьми... сердито и

коротко отвѣтилъ толстый офицеръ, и его короткая шея налилась кровью.

Изъ рядовъ выступилъ рябой бѣлоусый ефрейторъ. Анисимовъ засунулъ руку за пазуху и досталъ письмо, грязное и скомканное.

— Пожалуйста... тихо попросилъ онъ.

И когда его уводили, онъ долго и грустно посмотрѣлъ на этотъ клочокъ бѣлой бумаги, которую ефрейторъ Ивановъ тщательно засовывалъ за обшлагъ своей сѣрой шинели.

Его провели на маленькое кладбище, лежавшее въ полуверстѣ отъ станціи. Тамъ было пусто и тихо; бѣлѣли холмики могилъ и чернѣли кривые, покосившіеся кресты. Тонкія и печальныя стояли неподвижныя березки съ тоненькими, узорными вѣточками.

Они шли недолго. Анисимовъ шелъ среди солдатъ одинъ. Шелъ онъ такъ покорно, точно кто-то сильнѣй его крѣпко держалъ за локоть и велъ, и у него не было силъ не только сопротивляться, но даже думать о томъ, куда онъ идетъ. Ни воли, ни яснаго, здороваго разума въ немъ уже не было. Онъ смотрѣлъ вокругъ яркими, всевидящими, каждый пустякъ отмѣчающими глазами, и въ головѣ его странно мелькала мысль, что все это не страшно, что стоитъ только сохранить надъ собою волю и полное сознаніе каждой мельчайшей частицы мгновенія, — и не будетъ ни страшно, ни больно, и все кончится просто и легко.

„Выстрѣлятъ и убьютъ... только и всего. Что жъ тутъ... такого ужаснаго? Все очень просто и обыкновенно“...

Но было мучительно именно то, что никакъ не удавалось все видѣть и сознавать. Каждая мелочь: рыжій сапогъ солдата, шедшаго впереди, синева на снѣжномъ горизонтѣ, далеко въ бѣломъ полѣ чернѣющая точка, воробьи, слетѣвшіе съ дороги и обсыпавшіе закачавшійся черный кустъ, бѣлый свѣтъ, скрипъ снѣга подъ ногами, — все отчетливо рѣзало глаза, но въ общемъ ничего не получалось, и въ мозгу была пустота, точно утеряна уже была какая-то

самая главная общая связь, безъ которой все остальное было незначительно, мелко и мертво... Аниси; мовъ опустилъ голову и сталъ смотрѣть подъ ноги, на слѣды резиновыхъ калошъ офицера, и смотрѣлъ такъ внимательно, точто отъ этого зависѣло все. Онъ поднялъ голову только тогда, когда его оставили одного.

Было пусто и холодно. И рядъ сѣрыхъ солдатъ, офицеровъ и направленныя прямо въ него ружья не прибавляли ничего къ этимъ пустотѣ и холоду.

Анисимовъ посмотрѣлъ на солдатъ. Всѣ они, поверхъ длинныхъ дулъ, смотрѣли прямо на него, и онъ вдругъ сталъ видѣть только одинъ этотъ рядъ разноцвѣтныхъ, испуганныхъ и непонятныхъ глазъ. Все остальное исчезло, и въ эту короткую секунду, между командой и залпомъ, Анисимовъ подумалъ съ мгновенной ясностью и отчетливостью:

„Имъ не надо меня убивать и мнѣ не надо умирать... Всѣмъ страшно, что меня сейчасъ убьютъ, но меня убьютъ... Это оттого, что у меня нѣтъ такого слова, которымъ я могъ бы показать имъ весь ужасъ и тоску этого“...

Тысячи огненныхъ словъ молніями избороздили его мозгъ; въ невѣроятномъ усиліи что-то сказать, Анисимовъ подался впередъ и судорожно открылъ ротъ.

Онъ видѣлъ еще мгновенный блѣдный огонь, но не слыхалъ залпа, а только почувствовалъ, какъ вскинулъ руками и ударился лицомъ о твердый снѣгъ и еще понялъ, что все кончено и произошло что-то совершенно и навсегда непоправимое.

Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ мелкой дробью далеко отлетѣлъ въ поле. Вздрогнули тоненькія березки, и ворона, сидѣвшая на дальнемъ крестѣ, взъерошивъ черныя крылья, взлетѣла вверхъ и, точно падая, низко надъ снѣгомъ полетѣла прочь отъ людей.

Солдаты, опустивъ ружья и раскрывъ посинѣвшія губы, безсмысленно смотрѣли на трупъ, и было тихо, пока легкая дрожь въ носкѣ лѣваго сапога не пре-

кратилась. Кровь быстро впитывалась въ бѣлый снѣгъ и на немъ торопливо расплывалась въ безформенное розовое пятно. Перепачкавшись въ эту кровь, солдаты оттащили трупъ Анисимова въ канавѣ и тамъ зарыли.

Кровавое пятно забросали снѣгомъ, но оно опять просочилось. Долгая зима покрыла его снѣгами, но весною они стаяли, и побурѣвшее пятно снова появилось не надолго, чтобы вмѣстѣ съ снѣгомъ, подъ радостными лучами яркаго солнца, растаять и уйти въ рыхлую живую землю.

1906 г.

Изъ записокъ одного человѣка.

На дачѣ жилъ нѣкто Ивановъ. Это былъ добрый, интеллигентный человѣкъ, и жена у него была еще молодая, очень красивая и милая. Я любилъ ходить къ нимъ по вечерамъ. Лѣтомъ, въ теплыя лунныя ночи, мы, Ивановъ съ женой, я и сестра его жены Нюта, до разсвѣта засиживались на балкончикѣ дачи, освѣщенномъ полной луной, и тихо, мечтательно разговаривали, глядя въ темный лѣсъ, отъ котораго, точно отъ рѣки, тянуло сырой глубиной. Иногда же ходили гулять далеко въ поле и по бѣлой, отъ луннаго свѣта и пыли, дорогѣ долго шли впередъ къ уходящимъ все дальше и дальше, окутаннымъ лунной дымкой горамъ.

Я съ Нютой шли всегда впереди. Нютѣ недавно исполнилось семнадцать лѣтъ и отъ ея смуглаго личика и изящной, тонкой фигурки, гибко двигающейся подъ шуршащей бѣлой кофточкой, обвѣвало меня теплотой и свѣжестью чистой молодости, самой ранней женской весны.

Я уже любилъ ее, и когда бралъ подъ свой локоть хрупкую, круглую ручку, неуловимо скользившую подъ тонкимъ рукавомъ, чувствовалъ такое громадное, счасливое напряженіе, что слезы выступали на глазахъ.

Иногда мы уходили далеко впередъ и когда останавливались поджидать Ивановыхъ, оглядывались назадъ и почему то смотрѣли другъ на друга улыбаясь. А они смутно виднѣлись вдали и долго медленно подходили, призрачные отъ луннаго свѣта, какъ будто

плывущіе надъ бѣлой дорогой, пока можно было уже различать ихъ короткія, черныя тѣни отъ нихъ самихъ. Они подходили и тоже улыбались, точно просыпаясь отъ хорошаго сна. Ивановъ снималъ шляпу и, медленно проводя рукой по волосамъ, говорилъ:

— Какъ хорошо, господа!

А жена его, блестя глазами, такими же большими и темными, какъ у Нюты, поднимала къ нему лицо, освѣщенное бѣлой луной и прижималась грудью къ его рукѣ, красиво и незамѣтно.

Потомъ мы шли дальше. Я бережно несъ теплую ручку Нюты, болталъ ей счастливый вздоръ, подбирая самыя красивыя, веселыя и нѣжныя слова которыя только зналъ. За нами слышались легкіе шаги и тихіе, углубленные голоса; надъ головой попискивали невидимыя ночныя птички; иногда густо и важно жужжалъ пролетая жукъ и гдѣ-то глупо шлепался о дорогу. Луна, казалось, стояла на одномъ мѣстѣ и смотрѣла на насъ бѣлымъ, загадочнымъ лицомъ. И мнѣ чудилось, что ночной воздухъ, упруго и осторожно трогающій наши волосы, не воздухъ, а само легкое, красивое счастье.

Ивановы знали о нашей любви и хотя изъ деликатности не давали этого замѣтить, но окружали ее такой тонкой и неуловимой лаской, что казалось, будто и лѣсъ вокругъ дачи, и солнце, и ясныя зори вечеровъ и лодка, покачивавшая насъ съ Нютой на широкой рѣкѣ,—все думало только о томъ, какъ бы придать нашей любви самый красивый и изящный колоритъ.

Но самое главное, что придавало нашей любви характеръ полнаго, яснаго счастья была та постоянная и крѣпкая любовь, которой любили другъ друга они сами. Въ этомъ красочномъ, глубокомъ чувствѣ было все что создаетъ изъ связи мужчины и женщины великую тайну сліянія двухъ въ плоть едину. Порой, по румянцу, вспыхнувшему на смугломъ лицѣ женщины, по томности движеній ея красиваго большого тѣла, я угадывалъ близость безумнаго порыва страсти,

который гдѣ-нибудь на горячей отъ солнца травѣ, подъ голубымъ вѣчнымъ небомъ, бросить ее безстыдную и жаркую на все, что захочетъ сдѣлать съ ней онъ. А иногда, когда Ивановъ былъ грустенъ, или боленъ, или просто задумывался надъ своими замыслами, молодая женщина подходила къ нему съ такой лаской и трогательной привязанностью, что отъ нея вѣяло материнской святостью, а онъ казался тихимъ ласковымъ мальчикомъ. Иногда же они спорили о чемъ-нибудь и спорили такъ горячо и въ то же время любовно, что видно было, какъ въ этихъ двухъ, мужчинѣ и женщинѣ, работаетъ одна мысль.

Они прожили вмѣстѣ девять лѣтъ, но я не могъ бы сказать: кто глубже и ярче любилъ—я ли Нюту, семнадцатилѣтнюю дѣвушку, обѣщавшую мнѣ новое наслажденіе, или Ивановъ свою жену, каждая ласка которой, каждый изгибъ тѣла и каждое движеніе были ему знакомы.

Помню, разъ, возвращаясь домой, я остановился на лугу уже сѣдомъ отъ предутренней росы, повернулъ лицо къ чистой, радостной зарѣ, подымавшейся надъ рѣкой, и подумалъ:

„Боже, дай мнѣ, чтобы вся моя жизнь съ Нютой была такая же...“

Эта мысль дала почву и радость моей любви. Я былъ страстнымъ, увлекающимся человѣкомъ. Каждая красивая женщина, проходившая мимо меня, въ неуловимомъ волненіи своихъ сильныхъ бедеръ, груди и покатыхъ плечъ, созданныхъ для ласки и покорности, зажигала меня загадочнымъ томленіемъ. Когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ юношей и съ серьезностью взрослаго соединялъ глупую мечтательность мальчика, я мечталъ: если бы обладать такой безпредѣльной гипнотической силой, чтобы покорять всякую женщину!.. Мечты эти были цѣлой поэмой безконечнаго, цѣломудреннаго сладострастія, поэмой, въ которой каждая красивая молодая женщина должна вписать свою и нарядную, и нагую строфу. Будучи взрослымъ я оставался такимъ же мечтателемъ и смот-

рѣлъ на женскую красоту, какъ на единственное счастье данное природой человѣку.

Быть можетъ, что, если бы возлѣ не было такой красивой любви, я не подумалъ бы связать всю свою жизнь съ одной Нютой. До сихъ поръ я искренно думалъ, что всякая любовь проходитъ, всякая страсть теряетъ ту глубину переживаній, которую даетъ новая женщина, и начинаетъ тяготить, какъ докучный, неотвязный долгъ. И я понималъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ тоска по женскому тѣлу, когда еще любишь, уважаешь и цѣнишь душу любовницы, уже отдавшей все, что было у нея.

— Лучше разлюбить, лучше возненавидѣть тогда! — говорилъ я.

Но теперь я понялъ, что и одна женщина можетъ наполнить всю жизнь, утопить въ своемъ тѣлѣ, въ его преданной и постоянной страсти, всѣ желанія и дать такое полное существованіе, что весь остальной міръ станетъ только многоцвѣтной рамкой для законченной, полной жизни.

Конечно, это было бы рѣдкое счастье, но я видѣлъ примѣръ этого счастья и чувствовалъ, что Нюта та же Нина Алексѣевна, только еще моложе, красивѣе и сладострастнѣе. И сознательно я отказывался теперь отъ всѣхъ женщинъ, рѣшая всю свою жизнь отдать одной Нютѣ. И впереди, казалось мнѣ, длинный и ясный, полный красоты и тепла, раскрывался передо мною солнечный день настоящей жизни.

Нюта знала мои мысли — я не скрывалъ отъ нея ничего, — и смѣялась имъ загадочнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ. Но глаза ея свѣтились такимъ ровнымъ и радостнымъ огнемъ, что я смѣялся вмѣстѣ съ нею и непоколебимо вѣрилъ въ свою мечту.

II.

Рѣка была любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ. У насъ была своя лодка, называвшаяся почему то „Прекрасной Невернезой“, и два китайскихъ фонарика, красныхъ, какъ кровь. Иногда мы зажигали

ихъ и выѣзжали на середину самаго широкаго протока рѣки. Все голубѣло вокругъ отъ звѣзднаго неба. Звѣзды дрожали вверху и колыхались въ темной водѣ, а фонарики, повѣшенные на палкахъ съ носа и кормы лодки, плавно раскачивались, бросая въ темной безднѣ красноватые блики. Это было такъ красиво, что даже разговаривать не хотѣлось.

Но тамъ, гдѣ рѣка разливалась по низкимъ лугамъ, по вечерамъ вставали сырые, пронизывающіе туманы. При лунѣ казалось, будто надъ водою ходятъ зловѣщіе призраки.

— Это и есть призраки!—сказалъ я однажды.

— Какъ?—удивилась Нюта.

— Ну, да... это призраки тифа, лихорадки и чахотки.

Ивановъ серьезно засмѣялся.

Не знаю, просто ли потянуло холодомъ отъ болотъ, или смѣхъ его прозвучалъ слишкомъ странно, но стало жутко. Мы долго смотрѣли на тощія, призрачныя тѣни бѣловатыми толпами ходившія подъ мѣсяцемъ, точно онѣ выползли изъ болотъ потанцовать при лунномъ свѣтѣ. Подулъ вѣтерокъ, и видно было, какъ онѣ затолпились, заколыхались, вытянулись и вдругъ побѣжали въ одну сторону, къ далекимъ полямъ по ту сторону холодной рѣки.

— Страшно!—сказала Нюта, и мы далеко отплыли отъ этого мѣста къ крѣпкому лѣсному берегу.

Обычно на рѣкѣ было пустынно и тихо. Только иногда съ сосѣднихъ дачъ, которыхъ было немного въ этихъ мѣстахъ, выѣзжали кататься барышни въ малороссійскихъ костюмахъ и добродушные студенты въ заломленныхъ на затылокъ голубыхъ фуражкахъ и разноцвѣтныхъ рубахахъ. Они ѣздили взадъ и впередъ по широкому разливу и пѣли малороссійскія и революціонныя пѣсни. Мы посмѣивались надъ ними, но любили: ужъ очень они были молоды и счастливы. Иногда они варили кашу и разводили на берёгу яркіе костры, прыгающимъ возбужденнымъ свѣтомъ озарявшіе нижнія вѣтви наклоненныхъ, задумчивыхъ

дубовъ. И лѣсъ и рѣка оживали, и казалось, обступали со всѣхъ сторонъ яркое, веселое пламя и хохочущую, дурачущуюся молодежь. И только дальніе болотные призраки одиноко бродили, въ холодномъ лунномъ свѣтѣ, по своимъ зловѣщимъ омутамъ, чуждаясь яркихъ пятенъ и звуковъ веселья.

Мы ѣздили смотрѣть на пикникъ и слушать пѣсни. Насъ забавлялъ загодочно-откровенный, черезчуръ русалочій смѣхъ баришенъ въ малороссійскихъ костюмахъ и неестественно мужественный видъ студентовъ, продѣлывавшихъ чудеса храбрости и ловкости, рискуя каждую минуту холодной ванной, на глазахъ своихъ барышенъ.

Но въ праздникъ на рѣкѣ появлялись мѣщане изъ города. Разодѣтые въ красные рубахи и сапоги со сборами, въ зеленые и розовые шелковые платки и неописуемо яркія юбки, они ухарски визжали на гармоникахъ и превращали нашу милую рѣку въ сплошной кабакъ. Къ концу вечера они, точно одурѣлые, кричали, дрались, какъ звѣри, и иногда тонули. Тогда по всей рѣкѣ часа три, подымая илъ, тащили мокрые невода, шарили баграми, вытягивали страшныя, зеленыя коряги, выли, причитали и ругались обалдѣлыми, грубыми голосами. А потомъ, гдѣ-нибудь на зеленой, сырой травѣ, у самой воды, долго лежалъ одинокій, голый трупъ, и изъ-подъ мокраго рядна глядѣло въ синее небо вздутое, страшное лицо съ тусклыми, рыбьими глазами. Возлѣ сидѣлъ стражникъ и сосалъ вонючую цыгарку, а все вмѣстѣ отравляло рѣку на нѣсколько дней, напоминая о томъ, сколько еще идіотовъ и скотовъ на бѣломъ свѣтѣ.

Вотъ въ эти дни намъ ничего не оставалось больше, какъ ѣздить кататься на заводи, гдѣ ходили лунные призраки, и въ одну изъ такихъ поѣздокъ, подъ визгъ и скрежетъ раздираемыхъ на части гармошекъ, долетавшіе изъ лѣсу, Нина Алексѣевна простудилась.

Одинъ изъ тощихъ, полуневидимыхъ призраковъ

неслышно подошелъ къ ней по глади застывшей воды и обнялъ ея живое, прекрасное тѣло.

Какъ все-таки странно, что никогда человѣкъ не угадываетъ приближеніе смерти. Быть можетъ, Нина Алексѣевна была счастлива и весела, смѣялась въ ту самую минуту, когда смерть начала отсчитывать, сколько часовъ осталось ей жить. Она только пожаловалась, что становится холодно, но даже домой не звала.

На другой день я былъ еще въ городѣ, когда ко мнѣ вошелъ Ивановъ и съ нимъ въ комнату вошло что-то иное, не то добродушное веселье, которымъ вѣяло отъ него всегда.

— Жена умираетъ!—сказалъ онъ негромко и лицо его не измѣнилось.

Это было ужъ каменное лицо человѣка, достигшаго предѣловъ скорби, за которыми кончаются слезы и жалобы и наступаетъ молчаніе.

Я проявилъ тогда гораздо больше шумнаго испуга. Сначала не повѣрилъ и чуть ли не заставилъ его увѣрять меня въ томъ, что жена его дѣйствительно умираетъ, потомъ поблѣднѣлъ, засуетился, побѣжалъ за докторомъ. Ивановъ все время оставался молчаливъ и неподвиженъ. По дорогѣ отъ доктора мы зашли въ аптеку за первыми лекарствами. Ихъ приготовляли долго. Аптекарь, жестоко равнодушный человѣкъ, пропитанный запахомъ аптеки и высохшій отъ него до самаго сердца, долго и методично заворачивалъ каждый пузырекъ въ двѣ, три бумажки, припечатывалъ, перевязывалъ, заклеивалъ облатками, стараясь наклеить ихъ ровненько и аккуратно. Казалось, онъ дѣлаетъ это или для собственнаго удовольствія или на зло. Я не могъ сидѣть на мѣстѣ отъ волненія, былъ рѣзокъ съ аптекаремъ, сердился, возмущался и въ тоскѣ переходилъ отъ окна къ окну.

Ивановъ же, какъ сѣлъ на диванчикъ у двери, такъ и просидѣлъ все время совершенно неподвижно. Лицо у него было какое-то странное, точно онъ внутренно прислушивался къ чему-то необыкновенному.

Иногда мнѣ казалось, что онъ слышитъ что-то подъ поломъ аптеки, и становилось страшно.

„Катится колесница Джагернаута и я слышу шумъ и грохотъ ея колесъ!..“ машинально вертѣлось у меня въ мозгу, назойливо и тупо повторяясь.

Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ былъ, слышимый ему одному, шумъ и грохотъ катафалка, приближающагося, чтобы навсегда увести его счастье. И онъ какъ будто измѣрялъ разстояніе между неизбѣжнымъ концомъ и своей собственной жизнью, не мыслію, а всѣмъ существомъ своимъ соображая, можетъ ли онъ довести ее до конца и долго ли придется жить.

Былъ солнечный день и ясность голубого неба улыбалась на всемъ. Далекія горы, поля и изгибы блестящей на лугахъ рѣки были воздушны и легки.

Я уже немного овладѣлъ собой и, искоса посматривая на заострившійся профиль сидящаго рядомъ со мною на дрожкахъ Иванова, и хотѣлъ, и не могъ проникнуть въ его душу. Что-то ужасное совершалось въ ея темной глубинѣ, въ которую уже не проникалъ ни одинъ лучъ солнца, ни одинъ веселый звукъ, доносившійся съ луговъ. Но на поверхности не было ничего особеннаго и лицо его напомнило мнѣ блестящую, мирную голубую рѣку, на днѣ которой лежитъ утопленникъ. Рѣка неподвижна, она принимаетъ ласковые оттѣнки, меланхолично шевелитъ метелками камышей и отражаетъ въ себѣ бѣлыя облака, а гдѣ-то тамъ, въ сырой и зеленой ея глубинѣ, гдѣ тянутся слизистыя зеленыя нити и ползутъ рѣчные гады, въ это время завершается послѣдняя страшная борьба со смертью.

На дачѣ все было сбито съ мѣста, точно послѣ погрома. Потемнѣвшее личико Нюты не улыбалось мнѣ, деревья стояли вокругъ дома неподвижно, какъ будто тоже слушали и ждали, а ихъ зеленая, темная глубина казалась жуткой, таящей тайну. И когда я изрѣдка выходилъ въ лѣсъ, чтобы опомниться и собраться съ мыслями, меня окружало слишкомъ торжественное молчаніе.

День и ночь, и опять день смерть стояла на опушкѣ, и мы ощущали ея присутствіе въ страшной тяжести, подавлявшей даже голоса. Она какъ будто раздумывала,—войти или нѣтъ, и порой казалось, что вотъ она отодвинется къ первымъ деревьямъ лѣса, оглянется и беззвучно уйдетъ въ зеленую чащу. И оживится земля, и запоютъ птицы, засмѣются наши сердца, и солнце утромъ умоется росою, чтобы освѣтить нашъ домъ новымъ радостнымъ свѣтомъ.

Въ послѣднюю ночь Нинѣ Алексѣевнѣ стало какъ будто лучше. Она пришла въ себя и хотя не говорила отъ слабости, но улыбалась слабо и блѣдно. Только сухой, блестящій взглядъ ея все переходилъ съ лица на лицо, будто спрашивая о чемъ-то, непонятномъ для насъ. Все ожило. Зажгли лампы и пили чай, говоря другъ другу:

— Ну, слава Богу... кризисъ, кажется, миновалъ!

Но когда я вышелъ на площадку передъ домомъ, я ясно почуялъ, какъ быкъ чуетъ въ полѣ окровавленную бычью кость, что смерть неушла. Она была тутъ, въ дверяхъ, готовая войти, и тьма, облѣпившая землю, пугала меня своими черными пятнами. Лѣсъ подступилъ къ самому дому и давилъ мозгъ своей глухой неподвижностью.

И смерть вошла: когда я вернулся, Нюта, съ перекошеннымъ отъ страданія лицомъ, сообщила мнѣ, что Нинѣ Алексѣевнѣ опять хуже.

Я вошелъ и самъ почувствовалъ, что есть нѣчто страшное, послѣднее въ томъ, что, никого не спрашивая и даже не думая, — можно ли? — я вошелъ въ спальню молодой женщины.

Долго и робко смотрѣлъ я въ красивое горящее лицо, разметавшееe по бѣлой подушкѣ черные, спутанные волосы. А утромъ, когда встало солнце, она умерла и лежала на кровати каменно-спокойная, четко вырѣзываясь на сѣрой стѣнѣ землисто-сѣрымъ, каменнымъ профилемъ.

Былъ человѣкъ и жилъ своей яркой, красивой

жизнью. Смотрѣли на него другіе люди, радовались и видѣли красоту, глубину переживаній, радость жизни, занимавшіе въ мірѣ ничѣмъ не смѣняемое, ничѣмъ не заполняемое мѣсто. Казалось невозможнымъ представить себѣ міръ безъ этого живого, сильнаго тѣла, безъ этой тонкой, своеобразной души. И вотъ что-то свершилось: потухъ какой-то лучъ и комъ земли лежитъ мертвой грудой; на томъ мѣстѣ, гдѣ создавались и рэсцвѣтали тончайшіе узоры жизни, уже начатъ безобразный процессъ гніенія.

Было это ужасно, и веселый солнечный міръ, пестрѣвшій всѣми красками и цвѣтами, подернулся неуловимымъ чернымъ флеромъ. Но еще ужаснѣе было то, что осталось на землѣ и что надо было принять и разрѣшить.

Эта женщина жила не столько потому, что она ходила, смѣялась, пѣла и любила, а потому, что яркій цвѣтъ ея жизни крѣпкими корнями росъ изъ жизни другихъ людей, въ нее изливавшихъ свою собственную жизнь. И когда ея не стало, корни оборвались, и ихъ кровавые концы, какъ обнаженные нервы, трепетно и страшно забились въ пустотѣ

Насколько была велика любовь, настолько было неизбѣжно страданіе. Я помню, какъ припомнились всѣ мелочи жизни ея и показалось ужаснымъ, что ей не отдавали столько вниманія, сколько можно было, не взяли отъ нея столько, сколько она могла дать. Казалось, что произошла страшная ошибка, по нерадѣнію, тупости и глупости, утрачено громадное богатство, и сознаніе непоправимой вины было остро, какъ ножъ. И опять-таки, еще ужаснѣе было страшное сознаніе, что все это только кажется такъ, а въ дѣйствительности сколько бы любви, нѣжности и вниманія не было дано ей, рано или поздно пришла бы смерть, какъ придетъ ко всѣмъ, и было бы то же, только тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ больше было бы любви и нѣжности.

Я никогда не забуду тѣхъ двухъ часовъ, когда

мы перевозили гробъ съ трупомъ Нины Алексѣевны въ городъ.

До города было шесть верстъ и дорога почти цѣликомъ шла по сыпучему, желтому песку, посылавшему въ поле крученые вихри сухой, мелкой пыли. Лошади тащились шагъ за шагомъ; колеса съ глухимъ шорохомъ прорѣзали сыпучую глубину; крутился песокъ въ колесахъ, и гробъ, раскаляемый солнцемъ, медленно качался въ пустомъ полѣ, подъ густымъ, скупымъ небомъ.

Мы шли за гробомъ, и его тяжкая, уродливая голова качалась передъ нами. Тамъ въ ней, въ тѣсномъ, деревянномъ черепѣ, должно быть, такъ же качалась и глухо стукала о доски, мертвая, закостенѣлая головка. Изъ щели гроба торчала чистая, бѣлая кисея, прохваченная гвоздями, точно стальными зубами, ядовито вонзившимися въ чистое, молодое тѣло. И изъ этой же щели сладко нудной волной уже шелъ трупный запахъ и тяжелымъ гнуснымъ облакомъ тянулся за гробомъ.

Кончено все, и та женщина, коснуться нѣжнаго тѣла которой было бы счастьемъ для каждаго живого человѣка, та женщина, которая всю жизнь старалась украшать своей красотой, изящностью и нѣжностью, теперь, уже не зная того, душила насъ трупнымъ смрадомъ, возбуждая тошноту и мучительное для сознанія чувство омерзенія.

Я обманывалъ себя, старался не слышать этого сладкаго смрада и больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы моя невольная блѣдность и судороги на лицѣ, когда смрадъ попадалъ въ ротъ, не были замѣтны Иванову. Страшнымъ усиліемъ мозга я старался понять, что долженъ думать и чувствовать онъ, самый близкій къ ней, связанный съ этимъ самымъ разлагающимся тѣломъ памятью о прекрасныхъ, таинственныхъ ласкахъ, о наготѣ его, о той душѣ, которая жила въ немъ и которая была извѣстна цѣликомъ только ему одному. Иногда мнѣ уже какъ будто рисовалось что-то безформенное и тяжелое, но мозгъ

утомленно падалъ, и я тупо шелъ сзади, по временамъ задыхаясь въ волнѣ ядовитой, смердящей сладости.

Мы похоронили ее, сравняли землю между нею и нами и отдали ее червямъ, во тьмѣ, въ одиночествѣ подъ землею.

III.

Жизнь стала пустой и тяжелой. Я попрежнему бывалъ на дачѣ, попрежнему мы съ Нютой тихо уходили въ лѣсъ и поле, но разговоры наши стали скупы и блѣдны, какъ будто улетѣла ихъ живая душа.

Ивановъ жилъ. Онъ бродилъ по дому, ѣздилъ въ городъ, ѣлъ, пилъ и спалъ, но странно было глядѣть на него. Все хотѣлось спросить:

— Зачѣмъ?..

Онъ никогда не вспоминалъ объ умершей и это было понятно: что жъ тутъ вспоминать?..

И по временамъ мнѣ казалось, что все кончено, что такъ и будетъ онъ жить, какъ собака съ перешибленнымъ задомъ, или рыба, вытащенная на песокъ; будетъ смотрѣть на свѣтъ, разѣвать и закрывать ротъ, проживетъ долго или мало и исчезнетъ, никому не нужный больше.

Если онъ упоминалъ имя умершей, то скороговоркой, вскользь и сейчасъ же заговаривалъ о другомъ. Но однажды, когда были сумерки и мы вдвоемъ сидѣли на крыльцѣ, поджидая ѣхавшую въ городъ Нюту, Ивановъ вдругъ заговорилъ:

— Страшно сказать, — глухо проговорилъ онъ,— но я радъ, радъ, что она умерла теперь, а не послѣ... радъ, что у меня осталась еще надежда, что будетъ другая!

Послѣднее слово онъ произнесъ такъ тихо, что его, должно быть нельзя было услышать подъ ближайшими деревьями, но мнѣ показалось, что мозгъ мой двинулся съ мѣста. Все поднялось: жалость къ милой умершей женщинѣ, удивленіе, негодованіе.

— Что?—воскликнулъ я.—Какъ вамъ не стыдно!

И нестерпимое желаніе ударить его по щекѣ, по блѣдной, плоской щекѣ подлаго, притворявшагося самца, которому нужна была только новая самка, рванула все мое существо.

Человѣкъ, который надъ трупомъ только что умершей женщины, отдавшей ему всю жизнь, вѣрившей ему, какъ Богу, думалъ о томъ, что не все еще потеряно и еще можно получить такое же голое, податливое женское тѣло, ложиться на него и корчиться, слюнявя и визжа отъ наслажденія.

Я не помню, что я ему сказалъ, но помню, что всталъ и смотрѣлъ съ омерзеніемъ и ужасомъ.

И вдругъ Ивановъ тихо, тихо заплакалъ.

— Милый мой, дорогой, — зашепталъ онъ, — что же мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?.. Вѣдь я никогда не забуду ее. Вѣдь я выдумываю другую женщину потому, что не вѣрю въ это! Вы не знаете и никто не знаетъ и никогда не узнаетъ, и ужасъ въ томъ, что не понять вамъ, какая была она! То самое нѣжное, самое милое, самое прекрасное, что въ ней было, отдавалось только мнѣ... и какъ бы я ни плакалъ, какъ бы ни разсказывалъ, никто всей глубины потери не пойметъ!.. Я одинъ это знаю, мнѣ одному это надо пережить. Знаете, — будь проклятъ день, когда я съ ней сошелся, не надо было ни ласкъ, ни счастья, ничего... чѣмъ теперь!.. Я нашелъ въ ней все.. вы знаете это!.. И все я потерялъ... вообразите же, что если бы прошло еще много лѣтъ, больше и больше сужая кругъ жизни, мы срослись бы еще больше еще ненужнѣе сталъ бы для насъ весь остальной міръ... и она умерла бы тогда. Умерла бы, потому что всѣ умираютъ... и нечего плакать, что она умерла сегодня, когда умерла бы все равно завтра, послѣ завтра. Теперь я еще силенъ, я могу сдѣлать страшное усиліе и если не пережить, то хоть убить себя. А тогда?.. Чѣмъ больше, чѣмъ дольше счастье, тѣмъ ужаснѣе неизбѣжный конецъ... вы понимаете?.. Не любите же никого, не вѣрьте этой глумливой за-

тяжкѣ, которою издѣвается кто-то надъ человѣкомъ... Живите одинъ и умирайте одинъ!..

Я стоялъ и слушалъ, и чувство холода и тоски ползло по моему сердцу все выше и выше и страшно стало, что я дѣйствительно не пойму того темнаго, безысходнаго ужаса, который чувствую въ его сбивчивыхъ, невыразительныхъ словахъ, и который есть мой ужасъ, потому что рано или поздно *я* также долженъ буду пережить его.

За лѣсомъ уже поблѣднѣло небо, и плотная масса лѣса стала слабо дѣлиться въ бѣловатомъ лунномъ туманѣ, показывая дальнія поляны и черные, загадочные стволы деревьевъ.

Плакалъ человѣкъ безпомощно и безполезно; лѣсъ блѣдными глазами смотрѣлъ и слушалъ, а у меня было ощущеніе безсильной, нелѣпой тоски.

Вскорѣ послѣ того Ивановъ запилъ, потомъ сталъ угрюмъ, дикъ и непріятенъ, а потомъ, можетъ быть, и вправду нашелъ другую женщину, еще лучше, моложе и пышнѣе. Что жъ, въ такомъ случаѣ, значитъ, онъ не такъ любилъ жену, какъ думалъ я и онъ самъ, и надо, изъ жалости, желать, чтобы это было такъ. А желать этого, желать, чтобы любви было меньше—нелѣпо!.. Богъ съ нимъ!.. Я не знаю конца, потому что не женился на Нютѣ и давно потерялъ ихъ изъ виду.

Но теперь, когда я вспоминаю чистую полосу счастья, давно уже забытую Нину Алексѣевну, тоненькую Нюту и Иванова, я только тяжко и уныло вздыхаю и мнѣ кажется, что я поступилъ правильно,—избѣжалъ страшнаго горя.

Чѣмъ больше любви, тѣмъ ужаснѣе горе смерти любимаго человѣка. А оно будетъ, и мы знаемъ это, знаемъ вѣрнѣе и точнѣе, чѣмъ что бы то ни было на свѣтѣ. Рано или поздно придетъ смерть и разлучитъ людей, бросивъ одного въ пустоту, какъ заброшеннаго щенка.

Такъ. Сотни женщинъ прошли предо мною гибкія, стройныя, таинственно скромныя, безстыдно голыя

послѣ того, какъ глаза мои видѣли ихъ прекрасную наготу. Ихъ приподнятыя груди, ихъ готовные глаза, ихъ горячія пріоткрытыя губы надъ бѣлыми зубами— онѣ скрасили мою жизнь, навязанную мнѣ кѣмъ-то жестокимъ, придали ей цѣлую радугу цвѣтовъ, глубину, неожиданность и силу.

Но я уже не любилъ ни одной. И теперь, когда онѣ уже ушли, во мнѣ много благодарной памяти за ту радость, которую дали ихъ ласки, и ни капли сожалѣнія и тоски.

Я одинъ стою передъ лицомъ смерти, и когда она придетъ, умру одинъ, безъ горя и муки, только со страшной злобой въ душѣ къ тому, кто далъ мнѣ человѣческую жизнь и человѣческую смерть.

Богъ.

Отъ скверныхъ крѣпкихъ папиросъ въ комнатѣ волокнами стоялъ синій дымъ, чай все желтѣлъ, желтѣлъ, и, наконецъ, обратился въ холодную воду, въ которой плавали размокшіе кусочки лимона,—а Коцуры все не было.

Хозяинъ квартиры, Сергѣй Хижняковъ, крѣпкій плечистый семиклассникъ-гимназистъ, ругался, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и приводилъ въ краску шестиклассника Пушкарева, бѣленькаго, чистенькаго, какъ куколка, мальчика.

— Чортъ его знаетъ, навѣрное у него ничего и нѣтъ, а такъ только нахвасталъ, а теперь и самъ не знаетъ, какъ увильнуть.

— Конечно, нѣтъ, куда ему долговязому... нахвасталъ!

Но въ это время дверь отворилась, за косякъ взялись чьи то четыре костлявые пальца и въ темнотѣ передней показалась снимавшая калоши длинная и нескладная фигура семинариста Коцуры.

— Гдѣ ты тамъ, чортъ, застрялъ, ждемъ, ждемъ... иди скорѣе!—закричали ему всѣ пять голосовъ.

Коцура ничего не отвѣтилъ, снялъ калоши, повѣсилъ пальто на вѣшалку и вошелъ, длинный, бѣлый, сухой, какъ мертвецъ.

— Ну, что-жъ?.. Будешь читать?—спросилъ Альбовъ.

Коцура повелъ мертвыми, неподвижными глазами и глухо произнесъ:

— Я за тѣмъ и пришелъ.

— Ну и вали... нечего мямлить.

Коцура прошелъ къ столу, сѣлъ, вынулъ изъ кармана листокъ бумаги и опять обвелъ всѣхъ тяжелымъ, неповоротливымъ взглядомъ.

Всѣ четыре гимназиста и кадетъ Большаковъ придвинулись ближе, нѣкоторые даже потушили папиросы.

— Слушайте,—раздался глухой, мертвый голосъ Коцуры: — я хотѣлъ съ вами подѣлиться мыслями о Богѣ.

— Ну, вали!—снисходительно махнулъ рукой Хижняковъ.

— Жарь!—отозвался Большаковъ.

— Передъ каждымъ человѣкомъ,—заговорилъ Коцура, ни на кого не глядя,—рано, или поздно, неизбѣжно встаетъ ужасный вопросъ о томъ, что съ нимъ будетъ послѣ смерти... Человѣкъ живетъ, страдаетъ, борется и умираетъ, и всѣ эти муки и усилія исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто никогда, ничего и не было... Это ужасно, и если люди, какъ кажется, мало думаютъ объ этомъ, и все хлопочутъ о чемъ то, то это только потому, что курица, которую несутъ рѣзать, взявши за ноги, естественно должна больше думать о той боли, которую причиняютъ ей приливъ крови къ головѣ, и руки кухарки, чѣмъ о смерти, которой она не понимаетъ... Кх!..

Коцура закашлялся и сердито сказалъ:

— Что вы тутъ, черти полосатые, накурили до того, что дышать нельзя!

— Можно форточку отворить,—предложилъ Пушкаревъ.

— Не надо,—сердито возразилъ Коцура.

— Ну, такъ вотъ... Кажется совершенно неестественнымъ, чтобы человѣческій умъ могъ совершенно исчезнуть; чтобы то, что говорило, страдало, понимало все окружающее, все запечатлѣвало въ себѣ, кончалось полнымъ небытіемъ, какъ простая разрушенная машина. Ужасъ смерти, его полная безысходность, мука полной разлуки съ міромъ и людьми такъ непереносимы для человѣка, что совершенно естествен-

нымъ и необходимымъ является ученіе о загробной жизни. Въ мечтѣ о томъ, что со смертью еще не все будетъ кончено, что моя индивидуальность и послѣ могилы будетъ жить, видѣть и слышать то, что будетъ послѣ насъ, есть нѣчто такое свѣтлое и радостное, что человѣкъ готовъ примириться иногда съ очевидной необоснованностью, съ явнымъ вымысломъ, лишь бы повѣрить въ нее, въ загробную жизнь... И люди въ теченіи долгихъ вѣковъ въ нее вѣрили... Я, конечно, не стану напоминать вамъ о сущности всѣхъ вѣрованій о загробной жизни, но я укажу на то, что несомнѣнно въ нихъ является самымъ важнымъ, безъ чего такая вѣра немыслима,—на Бога.

Пушкаревъ пугливо покосился на Коцуру, и покраснѣлъ.

— Что такое Богъ?—вотъ вопросъ, надъ которымъ мучились люди съ самаго начала сознанія и до нашихъ дней. Нечего говорить, что одна сторона вопроса, о самомъ фактѣ бытія Божія, и другая, что изъ самой сущности понятія о Богѣ вытекаетъ, что Богъ есть начало всѣхъ началъ, представляются совершенно непреложными.

— Почему?—возразилъ Большаковъ.

— Потому, что, во-первыхъ, сила, двинувшая міръ изъ небытія къ бытію, такъ или иначе, но должна была быть, а, во-вторыхъ, если бы Богъ не былъ началомъ всѣхъ началъ, то существованіе его, или этой силы, не имѣло бы рѣшающаго значенія: надъ нимъ была бы большая и сотворившая его самого сила.

— Ну да... это понятно!—протянулъ Хижняковъ.

— Да... Слѣдовательно вопросъ о Богѣ, какъ о силѣ, началѣ всѣхъ началъ, представляется совершенно вѣроятнымъ и собственно для насъ, въ нашемъ мучительномъ вопросѣ о загробной жизни, самое существованіе Бога не имѣетъ еще никакой цѣны. Если бы загробная жизнь выразилась въ сліяніи нашей индивидуальности съ первоначальной матеріей, то есть въ утратѣ нашей индивидуальности, то для насъ

это уже есть смерть. Разъ не сохранится нашъ умъ, не сохранится ничего... Умъ же сохранится только при одномъ условіи: если Богъ есть разумная сила. Тогда возможно предположить, что умъ, утратившій тотъ аппаратъ, которымъ, какъ электрическая энергія динамо-машиной, вырабатывался на свѣтъ, то есть лишившись мозга и всего тѣла, способенъ отдѣлиться и существовать самъ по себѣ, такъ же, какъ существуетъ разумный духъ Божій. Значитъ, вся важность вопроса о Богѣ заключается въ опредѣленіи самой сущности Бога, какъ силы разумной или неразумной, стихійной, иначе говоря.

— И ты опредѣлилъ?—насмѣшливо спросилъ Хижняковъ.

— Да. Опредѣлилъ,—отвѣтилъ Коцура, поворачивая къ нему такое мертвое лицо, что Хижнякову стало немного не по себѣ.

— Опредѣлить сущность Бога нельзя было потому, что Онъ невидимъ, неслышимъ и не осущаемъ. Тѣ измѣренія, которыми пользуются люди, не подходятъ къ опредѣленію невидимаго существа. Люди, вѣрящіе въ его бытіе, старались открыть возможность Его увидѣть и такъ возникло понятіе о загадочномъ четвертомъ измѣреніи. Предполагалось такъ: существуетъ три измѣренія: длина, высота и ширина, но они не опредѣляютъ всего того, что нужно людямъ, не показываютъ того, что очевидно, но чего нельзя опредѣлить ни шириной, ни высотой, ни длиной... Напримѣръ, вѣчность и безконечность, то есть именно то, что должно быть неотъемлемымъ качествомъ Бога. А такъ же и невидимость. Думали приблизительно такъ: вообразимъ себѣ существо, обладающее только двумя измѣреніями, и вообразимъ, что это существо живетъ на поверхности воды. Все въ мірѣ должно было бы представляться этому существу лежащимъ на плоскости и человѣкъ, который вошелъ бы въ воду по колѣни, неминуемо представился бы этому существу въ видѣ двухъ плоскостей равныхъ поперечному разрѣзу человѣческихъ ногъ. Если бы чело-

вѣкъ вынулъ ногу изъ воды и шагнулъ на берегъ, онъ неминуемо исчезъ бы изъ предѣловъ видимости для существа двухъ измѣреній, потому что онъ удалился бы съ плоскости въ высоту, недоступную для двухъ измѣреній. Слѣдовательно, не было ничего легче, какъ допустить существованіе существа, обладающаго четырьмя измѣреніями, которое, двигаясь въ сферѣ этого четвертаго измѣренія, дѣлается невидимымъ для человѣка. Такъ?

— Ловко!— восхищенно согласился Большаковъ.

Отъ всеобщаго интереса даже дышать стало какъ будто труднѣе.

— Я первый открылъ, что это совершенно неправильно,—съ торжествомъ сказалъ Коцура:—слушайте... Всѣ эти три измѣренія—суть измѣренія чисто геометрическія. Они предполагаютъ пространство, но отнюдь не тѣло. Между тѣмъ весь міръ населенъ именно тѣлами, а не пространствами и совершенно невозможно даже представить себѣ абсолютное пространство. Отправляясь отсюда я понялъ, что четвертымъ измѣреніемъ должно быть то измѣреніе, которое изъ области воображаемаго приводитъ сущность въ область бытія, въ положеніе видимаго, осязаемаго и ощущаемаго предмета. Это четвертое измѣреніе есть вѣсъ...

— Вотъ куда!—крикнулъ Хижняковъ:—открылъ!

— Молчи, дуракъ,—сердито возразилъ Коцура:—да, открылъ!.. Я открылъ то, что было, что вертѣлось у всѣхъ подъ носомъ, но ошибочно относилось въ другое мѣсто... Америка тоже когда-то вертѣлась подъ носомъ у всѣхъ, но открылъ ее Колумбъ!

— Такъ ты Колумбъ!—хихикнулъ Хижняковъ.

— А ты дуракъ!

— Теперь я разобралъ такъ: что такое обладаетъ однимъ измѣреніемъ? Напримѣръ, время... оно имѣетъ только длину, но ничего больше. Что такое имѣетъ два измѣренія?—Напримѣръ, звукъ... онъ имѣетъ высоту и длину, то-есть возможность измѣниться въ двухъ направленіяхъ. Такъ. Замѣтьте, что понятіе о звукѣ, сравнительно съ понятіемъ о времени, напри-

мѣръ, имѣетъ уже большую представляемость и большую, такъ сказать, плотность. Если во времени не необходимо никакое тѣло, то для существованія звука оно необходимо. Такимъ образомъ, увеличивая число измѣреній, мы не отдѣляемся отъ плотности, а напротивъ, приближаемся къ ней. Такъ. Теперь поищемъ сущность трехъ измѣреній и прослѣдимъ, идетъ ли и она по тому же пути въ смыслѣ приближенія къ тѣлу. Вотъ примѣръ: свѣтъ и тепло. Какъ свѣтъ, такъ и тепло, имѣютъ три измѣренія: длину, высоту и ширину.

— Что ты городишь?—возмутился Хижняковъ.

— Постой. Какъ можно измѣрить свѣтъ?.. Единственный способъ—это заключить его въ мѣру, обладающую тремя измѣреніями: длиной, высотой и шириной. Въ этой комнатѣ горитъ лампа, за предѣлами ея, комнаты, уже нѣтъ свѣта, тамъ темнота. Такъ что, въ данномъ случаѣ, свѣтъ лампы, заключенный въ стѣнахъ комнаты, представляетъ собою кубъ свѣта, измѣряемый протяженіемъ стѣнъ комнаты.

Не стоитъ говорить о томъ, что свѣтъ и тепло есть только продуктъ движенія атомовъ и, слѣдовательно, фактъ, что сущность трехъ измѣреній уже категорически придвигаетъ понятіе къ появленію тѣла. Такимъ образомъ, ясно вытекаетъ необходимость четвертаго измѣренія именно въ эту сторону и слѣдующій шагъ неминуемо является обозначеніемъ плотности или вѣса, что въ сущности одно и то же... Тѣло есть конечная форма видимости, осязаемости и ощущаемости и потому уже ясно, что дальше идти некуда. Пятаго измѣренія не можетъ быть и, слѣдовательно, за видимымъ міромъ въ эту сторону нѣтъ уже ничего.

И слово „ничего“, и мертвый взглядъ Коцуры, и мысли, надавившія на мозги, придавили всѣхъ. Стало какъ-то жутко и уже хотѣлось въ серьезъ, чтобы Коцура не остановился на этомъ, а шелъ дальше, къ какому бы то ни было выводу.

— Понявъ это,—продолжалъ Коцура:—я понялъ, что для опредѣленія Бога, какъ существа невидимаго

неосязаемаго, неслышимаго и не ощущаемаго, надо идти въ обратную отъ тѣла сторону, т. е. не въ сторону четвертаго измѣренія и вообще увеличенія измѣряемости, а, наоборотъ, въ сторону полнаго отсутствія измѣреній.

Я понялъ, что Богъ не имѣетъ измѣреній, и понялъ, что именно потому онъ невидимъ, вѣченъ и безконеченъ.

Становилось все жутче и жутче, лица были блѣдны и блестѣли глазами, а мертвый голосъ Коцуры звучалъ все глуше.

— Богъ есть сила, но сила не существуетъ сама по себѣ, ибо она рождаетъ движеніе, движеніе рождаетъ матерію. Такимъ образомъ для меня стало ясно, что бытіе Божіе стихійно должно творить, и твореніе міра не есть воля, а необходимость. . Когда я это увидѣлъ, — заговорилъ Коцура, тихо вставъ съ выраженіемъ ужаса на сухомъ, мертвомъ лицѣ, — я ужаснулся!..

Холодъ прошелъ по жиламъ всѣхъ, головы поднялись за лицомъ Коцуры и смотрѣли на него снизу.

Бѣленькій мальчикъ Пушкаревъ, богомольный и вѣрующій, поблѣднѣлъ, какъ стѣнка; одинъ здоровякъ Хижняковъ бравадно усмѣхался черезъ силу.

— Умъ мой метнулся изъ стороны въ сторону, ища выхода изъ безвыходности. Тогда на мгновеніе мелькнула у меня мысль...

Пушкаревъ всталъ, весь дрожа, близкій къ припадку.

— Хорошо, нѣтъ воли, но есть-ли разумъ?.. Если есть, то все твореніе разумно и исчезновеніе человѣческаго духа невозможно, потому что нелѣпо и неразумно. Боже, сказалъ я себѣ, но вѣдь и мой разумъ, моя мысль тоже не имѣетъ измѣренія, а она существуетъ! Такъ почему не существовать вмѣстѣ съ нею и верховному разуму, или вмѣстѣ съ верховнымъ разумомъ почему не существовать и моей мысли!..

— Ну?—протянулъ Пушкаревъ, весь вытягиваясь къ лицу Коцуры.

Всѣ напряженно вздохнули.

— Почему?.. Но тутъ я вспомнилъ, что мысль—не есть сущность внѣ измѣреній... Мысль есть сущность одного измѣренія!.. Ей необходимо время, продолжительность, длина!..

Коцура выпрямился во весь ростъ, окинулъ всѣхъ мертвенно неподвижнымъ взглядомъ и глухо, но твердо произнесъ:

— Итакъ, если мысль есть сущность одного измѣренія, а Богъ внѣ измѣряемости, то слѣдовательно наша мысль не можетъ войти въ Его сферу невидимости, неосязаемости, неощущаемости, и неслышимости, а такъ какъ наглядно, послѣ смерти человѣка, она становится таковою, то значитъ она просто уничтожается и загробной жизни нѣтъ, не можетъ быть!..

Коцура согнулся и сталъ собирать свои замѣтки. Воцарилось глубокое молчаніе. Всѣ казались подавлены и дѣйствительно ощущали холодокъ въ сердцѣ и тяжесть въ мозгу. Въ этомъ гнетущемъ настроеніи какого-то надлома, молча, стали расходиться.

На дворѣ была зима и лунная ночь. Снѣгъ сверкалъ голубою морозною пылью. Было поздно и дома стояли, черные съ одной стороны, бѣлые съ другой, мертвыми громадами. Негорящіе фонари холодно блестѣли стеклами и бросали черезъ бѣлую дорогу рѣзкія черныя тѣни. Звѣзды недосягаемо далеко сверкали вверху, надъ бѣлыми нитями намерзшихъ телефонныхъ проволокъ.

— Холодище какой!—нерѣшительно сказалъ Большаковъ, засовывая руки въ рукава и поглядывая на Коцуру, методично шагавшаго впереди.

Пушкаревъ поднялъ къ звѣздамъ блестящіе на бѣломъ лицѣ глаза и мечтательно сказалъ:—А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... Это понятно... Слѣпая сила и только...

Всѣ опять посмотрѣли на Коцуру выжидательно. Альбовъ исподтишка подставилъ ногу Большакову.

— Чортъ, въ ухо дамъ!—вскрикнулъ тотъ и опять посмотрѣвъ на Коцуру, добавилъ: — я никогда не вѣрилъ...

— Какая тутъ вѣра,—важно произнесъ Альбовъ:— если бы была какая нибудь разумная сила... Ахъ ты, дьяволъ!—заоралъ онъ, получивъ щелчокъ въ ухо, и бросился за Большаковымъ, побѣжавшимъ черезъ дорогу.

Молодой звонкій крикъ повисъ въ воздухѣ. Пушкаревъ подставилъ ногу Альбову, но его самого толкнулъ въ спину Ивановъ, и Пушкаревъ растянулся, набравъ снѣгу въ рукава. Большаковъ и Альбовъ боролись посреди улицы и ихъ тѣни тоже ожесточенно боролись на голубомъ снѣгу.

Коцура остановился и презрительно вытянувъ свое мертвое лицо, открылъ ротъ, но въ эту минуту Ивановъ пригнулся, снѣжокъ пролетѣлъ у него черезъ голову и бѣлая, мягкая звѣзда неожиданно залѣпила всю физіономію Коцуры.

Коцура охнулъ и неожиданно прійдя весь въ движеніе, стремительно бросился въ аттаку, кто-то подставилъ и ему ногу, но получилъ затрещину и черезъ минуту посреди улицы копошилась кучка, надъ которой звенѣли безшабашно-радостные, запыхавшіеся голоса.

Надъ обмерзшими телефонными проволоками совершенно безмятежно сверкали звѣзды.

Duke University Libraries
D03708210L